

Электронная версия книги:

Кирчанов М.В. Национализм: политика, международные отношения, регионализация / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2007. – 283 с.

С. 1 – 140

<http://ejournals.pp.net.ua/>

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

М.В. Кирчанов

**НАЦИОНАЛИЗМ:
политика, международные отношения,
регионализация**

Учебное пособие для вузов
(курс лекций)

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2007

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)
К 436

Утверждено научно-методическим советом факультета международных отношений «17» октября 2007 г., протокол № 2.

Р е ц е н з е н т ы

Ф.Г. Войталовский

к.полит.н., старший научный сотрудник
ИМЭМО РАН

И.В. Крючков

проф., д.и.н.

Ставропольский государственный университет

Д. В. Офицеров-Бельский

доц., к.и.н.

Пермский государственный университет

Кирчанов М.В. Национализм: политика, международные отношения, регионализация / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2007. – 283 с.

Учебное пособие подготовлено на кафедре международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета.

Рекомендовано для студентов факультета международных отношений Воронежского государственного университета всех форм обучения.

Для направления: 080200 (521300) – регионоведение

Для специальности: 030701 (350200) – международные отношения

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретические и методологические подходы к изучению национализма в социальных науках

I. ТЕОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА

- 1.1. Классический социокультурный модернизм: теоретические исследования национализма в работах Эрнэста Гэллнэра
- 1.2. Интеллектуальный конструктивизм и изучение национализма: теория «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона
- 1.3. Дискурсивная теория национализма: исследования Крэйга Калхуна
- 1.4. Конструктивистский этносимволизм Энтони Смита и проблемы «исторического» в теориях национализма

II. ДИСКУРСЫ «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА»

- 2.1. Народный протонационализм и этничность
- 2.2. Периферия, маргиналы и идентичность в процессе развития национализма
- 2.3. Национализм и идентичность в контексте развития интеллектуального сообщества
- 2.4. Интеллектуальная рефлексия и «воображаемые сообщества»
- 2.5. Периферийный национализм в контексте интеллектуального конструктивизма
- 2.6. Проблемы развития пограничных идентичностей в контексте европейского национализма

III. НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 3.1. Националистические нарративы и историческое воображение
- 3.2. Маргинальность в контексте развития национализма
- 3.3. Перспективы применения нарративной теории при изучении идентичностей и национализма
- 3.4. Национализм в современной Российской Федерации: тенденции и противоречия

Заключение

Список литературы

Теоретические и методологические подходы к изучению национализма в социальных науках

В современном мире национализм является одной из наиболее влиятельных идеологий. В европейской историографии XIX век нередко осознается как «столетие национализма». Век национализма продолжался и в XX столетии, новый XXI век так же имеет все шансы стать очередным столетием национализма. Национализм как новая и универсальная идеология пришел на смену идеологиям социальным, сословным и религиозным.

Среди всех политических доктрин в истории человечества именно национализм, вероятно, обладает универсальным характером. В XX столетии национализм столкнулся с тремя опасными идеологическими оппонентами – фашизмом, нацизмом и коммунизмом. Две первых пали к середине XX века, коммунизм – к началу 1990-х годов. Это только подчеркнуло необычайную способность национализма изменяться, развиваться и приспосабливаться к новым условиям. Национализм – сложный феномен, изучение которого возможно в рамках различных гуманитарных наук, в том числе – и международных отношений.

Для историка национализм интересен как фактор в истории государств нового и новейшего времени – без национализма невозможно представить объединение Германии и Италии, появление на политической карте мира во второй половине XX века целого ряда стран – Индонезии, Малайзии, Индии, Пакистана. Появление независимых государств в Южной Америке и деколонизация Африки – самые крупные триумфы в истории региональных национализмов. Более того, современная (начиная с XIX века) история большинства стран Европы и Америки – это история местных национализмов, история формирования национальных идентичностей, история постоянной конкуренции различных националистических дискурсов и концептов.

Для литературоведа национализм так же представляет немалый интерес. Значительная часть современных литератур возникла на волне национализма. На протяжении последних трех столетий литература была той сферой, где местные интеллектуалы выражали свои политические националистические симпатии или указывали на принципиальное несогласие с ними. История каждой литературы знает писателей националистов. Иван Франко в Украине, Николай Лесков в России, Янис Райнис в Латвии, Сеспел Мишши в Чувашии – признанные националистические авторитеты, негласные «отцы нации» в своих странах и регионах.

Для политолога национализм интересен в контексте политических процессов, рекрутирования политических элит, формирования и развития политических режимов и систем. Многие государства, возникшие в XX

веке, сознательно конструировали свои политические режимы, руководствуясь националистической идеологией, намеренно вытесняя за пределы политического дискурса оппонентов и противников, которые разделяли другую / чужую национальную идентичность.

Наконец, изучение науки международных отношений и регионоведения (как вспомогательной и специализированной, в данном случае, дисциплины), как дисциплин, которые связаны с тремя вышеупомянутыми науками, невозможно без обращения к национализму. Фактор национализма нередко дает о себе знать в рамках двусторонних отношений, в период международных кризисов и конфликтов. Приведем два примера из новейшей, актуальной, истории.

Пример первый – военная операция США в Ираке показала ту значительную роль, которую играет национализм в иракском регионе. В Ираке США столкнулись не просто с курдским, но и иракским национализмом, который оказался расколотым, так как в нем сравнительно быстро обозначились два дискурса – суннитский и шиитский. Пример второй – косовский кризис. События в Косово-Метохии – это классический пример конфронтационного соседства и столкновения двух национализмов – сербского и албанского. Как бы ни предрекали футурологи и социологи скорый крах и гибель национализма и даже национального государства в контексте глобализации и интеграции, национализм, тем не менее, не спешит уступать свои позиции т.н. универсальным ценностям и идеологиям.

Даже такой удачный международный региональный проект как европейская интеграция не смог вывести за пределы отдельных политических дискурсов национальных государств, членов Европейского Союза, национализм. Во всех странах ЕС существуют и успешно действуют националистические партии и движения. В Европе, особенно в Центральной и Восточной, национализм смог не только сохранить, но и укрепить свои позиции. Тем более очевидна роль национализма в тех новых государствах (в первую очередь – в Украине и в Грузии), которые совсем недавно продекларировали свое желание стать членами Европейского Союза.

Таким образом, значение изучения национализма для воспитания специалиста в сфере международных отношений и регионоведения не может вызывать сомнений. Настоящее учебное пособие создано специально для студентов-международников и студентов-регионоведов факультета международных отношений Воронежского государственного университета. В учебных планах факультета присутствует ряд курсов («История Европы», «История Северной Америки», «Международные отношения в Европейском регионе», «Теории национализма в политических науках», «Национализм и проблемы регионализации», «Модернизационные процессы в Западном полушарии»,

«Модернизационные процессы в Юго-Восточной Азии»), в рамках которых обращение к проблемам национализма становится актуальным.

Как видим, тематика этих курсов очень широка. В такой ситуации, студентам, которые приходят в университет уже со сформированными благодаря усилиям СМИ, представлениям о национализме, приходится их радикально пересматривать и переосмысливать. Российские СМИ нередко формирует крайне односторонний дискурс национализма, как ненависти и неприязни к представителям других наций и носителям других языков. Такое восприятие в корне отлично от европейской и американской перцепции национализма. То, что в Европе или Америке назовут проявления шовинизма и политического экстремизма, отсутствием элементарной политической и даже бытовой культуры диалога и сосуществования, в России нередко называют национализмом.

В западном мире нет ничего плохого и зазорного в том, чтобы быть националистом. Например, украинцы, которые родились и выросли в Канаде, говорят на украинском языке – это националисты. Но они националисты только из-за того, что маркируют свою принадлежность к украинской культуре и не отказываются от своей украинской идентичности. В таком национализме нет ничего негативного. Но те граждане Канады украинского происхождения, которые настроены, например, антипольски или антироссийски, не могут быть украинскими националистами. Это – не политические, а этнические националисты и маргиналы. Запад сделал много для того, чтобы изжить этнический национализм и забыть о нем. В западной перцепции национализм не может базироваться на отрицании других / чужих культур – националист всегда вырастает и воспитывается на уважении к своей собственной культуре и языку. Если люди, называют себя националистами, но утверждают, например, что их соседи не являются нацией, но представляют собой сборище сепаратистов, которые не умеют говорить на правильном и литературном языке, это, для западного исследователя не националисты. Такая тактика характерна только для политических экстремистов, маргиналов и шовинистов, которые пребывают на периферии политического спектра в западных сообществах.

В России, к сожалению, сложилась иная ситуация. Проблема современной Российской Федерации состоит в недоразвитости политического национализма. Вместо политических (или гражданских) националистов в политическом поле современной России под видом националистов нередко действуют политические экстремисты и маргиналы. В России ситуация выглядит сугубо прискорбной, если принять во внимание, что многие движения (РНЕ, Славянский Союз), которые склонны позиционировать себя как националистические, в стране, победившей нацизм, оперируют откровенно нацистскими лозунгами.

Еще более опасно выглядит ситуация, если принять во внимание тот факт, что Российская Федерация частично является этнической федерацией, где часть субъектов Федерации создана по национальному признаку. Великодержавные тенденции российских националистических маргиналов вызывают ответную реакцию и рост национализма в национальных республиках. В этой ситуации позитивным остается только то, что и русские и, например, татарские крайние националисты в Российской Федерации, в целом, и в Республике Татарстан, в частности, являются политическими маргиналами, выставленными за пределы политического поля.

В такой ситуации обычному студенту достаточно непросто ориентироваться в этой проблематике. Поэтому, изучение национализма становится актуальной задачей. Студенты-международники, которые занимаются изучением национализма, могут обратиться к разнообразной литературе, посвященной национализму. Современная литература, посвященная национализму, поражает своими размерами. Интернет дает массу возможностей для изучения национализма – одна только поисковая система Google на запрос «nationalism» выдаст несколько сотен разнообразных сайтов. Кроме этого в отечественной и зарубежной научной традициях создано немало исследований о национализме, а на Западе – возникли целые исследовательские школы.

Национализму, который вместе с христианством, сформировал западную цивилизацию, на Западе повезло с исследованиями. Отечественный дискурс исследования и восприятия национализма формировался не так просто. Вероятно, он складывался мучительно. В дореволюционной историографии с ее воспеванием обрусения, национализм был почти ругательным словом. Для российских гуманистических до 1917 года националистами были евреи (не будем забывать, что дореволюционная Россия была страной почти официального антисемитизма, черты оседлости и еврейских погромов) или католики-поляки. Российские интеллектуалы в царской России не смогли выработать своего цельного и единого восприятия национализма нерусских народов и российский национализм в жесткой конкурентной борьбе с грузинским, украинским, белорусским и прочими национализмами после февральской революции и большевистского переворота едва не проиграл. Большевизм, сохранивший значительную часть территорий бывшей Российской Империи кроме Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и Польши фактически пошел на диалог с местными националистическими движениями, которые отличались завидной мимикрией и с одинаковой легкостью оперировали как национальными, так и социальными лозунгами.

Во второй половине 1930-х годов советский политический и исследовательский дискурсы сомкнулись, правящая элита больше не была

заинтересована в союзе с местными националистами, и восприятие национализма начло меняться. Появился буржуазный национализм – украинский, белорусский, казахский, татарский, узбекский, молдавский, латышский... Национализм стал осознаваться как идеологическая диверсия местной национальной буржуазии и западных стран с целью оторвать массы от классовой борьбы или не дать народам Советского Союза строить социализм и / или коммунизм. Такая ситуация в исследовательском и политическом дискурсе безраздельно доминировала до начала 1990-х годов – до распада Советского Союза, который распался частично и из-за национальных противоречий.

В 1990-е годы российские исследователи получили возможность свободно ознакомиться не только с оригинальными изданиями работ западных авторов, но и с российскими переводами. В целом, к настоящему времени научно-исследовательская литература, посвященная национализму просто неизмерима. Она заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования. Ниже (по сложившейся традиции исследователей национализма) приведу своеобразный short list (точнее – несколько подобных short list'ов) общетеоретических и методологических книг, продиктованный личными предпочтениями, которые следует прочитать при изучении национализма:

*Эдвард Саид*¹, «Ориентализм», 1978;

*Джон Армстронг*², «Нации до национализма», 1982;

*Джон Брейи*³, «Национализм и государство», 1982;

*Эрнэст Гэллнэр*⁴, «Нации и национализм», 1983;

*Бенедикт Андерсон*⁵, «Воображаемые сообщества», 1983;

*Мирослав Хрох*⁶, «Социальные предпосылки национального возрождения в Европе», 1985;

*Энтони Смит*⁷, «Этнические истоки наций», 1986;

*Патра Чаттерджи*⁸, «Националистическая мысль и колониальный мир», 1986;

*Эрик Хобсбаум*⁹, «Нации и национализм после 1788 года», 1990;

*Энтони Смит*¹⁰, «Националистическая идентичность», 1991;

«*Нации и национализм*»¹¹, 1996;

¹ Said E. Orientalism / E. Said. – L., 1978.

² Armstrong J. Nations before Nationalism. – Chapel Hill., 1982.

³ Breuille J. Nationalism and State / J. Breuille. – Manchester, 1982.

⁴ Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983.

⁵ Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983.

⁶ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.

⁷ Smith A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. – Oxford, 1986.

⁸ Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает / П. Чаттерджи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 283 – 296.

⁹ Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780 / E. Hobsbawm. – NY., 1990.

¹⁰ Smith A. Nationalist Identity / A. Smith. – L., 1991.

¹¹ Mapping the Nation. – L.-NY., 1996.

*Энтони Смит*¹², «Национализм: теория, идеология, история», 2000;
*Крэйг Калхун*¹³, «Национализм», 2006.

В этом (преимущественно – методологическом и теоретическом списке) списке доминируют американские авторы – исключение составляют чех Мирослав Хрох и Эдвард Саид. Последний, правда, хотя и был палестинским арабом, тем не менее, жил, учился и как ученый состоялся в Америке. С другой стороны лидирует Энтони Смит, работы, которого выходят не просто часто, но и были переведены на ряд языков Восточной Европы, в том числе – на русский¹⁴ и украинский¹⁵. Наследие Эдварда Саида на постсоветском пространстве доступно на украинском¹⁶ и русском¹⁷ языках (украинский перевод вышел раньше и выполнен более качественно). Хобсбаум переведен на русский¹⁸ и румынский¹⁹. Андерсон – на русский²⁰ и украинский²¹. Исследования Э. Гэллнера доступны на русском²² и украинском²³ языках. Сборник статей «Нации и национализм»²⁴ (в 2002 году вышел русский перевод) представляет собой уникальную подборку статей о национализме и является незаменимым источником для изучающих этот феномен.

Второй short list оправдывает свое название – в нем всего четыре книги:

*Георгий Касьянов*²⁵, «Теории нации и национализма», 1999;

*Виктория Коротева*²⁶, «Теории национализма в зарубежных социальных науках», 1999;

*Владимир Малахов*²⁷, «Национализм как политическая идеология», 2005;

¹² Smith A. Nationalism: Theory, Ideology, History / A. Smith. – Oxford, 2000.

¹³ Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2007.

¹⁴ Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004.

¹⁵ Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації і націоналізм і глобальну епоху / У. Сміт. – Київ, 2006.

¹⁶ Саїд Е. Орієнталізм. Західні концепції Сходу / Е. Саїд. – Київ, 2001.

¹⁷ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб., 2006.

¹⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

¹⁹ Hobsbawm E. Națiuni și naționalism din 1780 pînă în prezent / E. Hobsbawm. – Chișinău, 1997.

²⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.

²¹ Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

²² Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.

²³ Гелнер Е. Нації та націоналізм; Націоналізм / Е. Гелнер. – Київ, 2003.

²⁴ Нации и национализм. – М., 2002.

²⁵ Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму / Г. Касьянов. – Київ, 1999.

²⁶ Коротева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. Коротева. – М., 1999.

²⁷ Малахов В. Национализм как политическая идеология / В. Малахов. – М., 2005.

*Т. Сидорина, Т. Полянников*²⁸, «Национализм: теория и политическая история», 2006.

Особого внимания заслуживают две книги соответственно украинского и русского исследователей. Работа Георгия Касьянова стала первой попыткой на постсоветском пространстве синтезировать западные теории национализма с местной (украинской) спецификой. Книга, к сожалению, на русский язык не переведена. Владимир Малахов более склонен к обобщениям. Его работа – ценное введение в проблему национализма и исследований национализма.

Третий short list – исследования, посвященные конкретным национализмам, различным проявлениям националистического дискурса в политике, истории, языке, литературе, двусторонних отношениях, взаимных представлениях. К сожалению, среди них доминируют зарубежные авторы, а число российских работ минимально:

*Синтия Кокберн*²⁹, «Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах», 1998 (русский перевод вышел в 2002 году³⁰);

*Жерар Пюимеж*³¹, «Шовен – солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма», 1999;

*Мырослав Шкандрий*³², «Россия и Украина. Литература и дискурс империи от наполеоновских войн до постколониальной эпохи», 2001;

*Тамара Гундорова*³³, «Femina Melancholica. Пол и культура в гендерной утопии Ольги Кобылянської», 2002;

*Отто Данн*³⁴, «Нации и национализм в Германии», 2003;

*Ярослав Грыцак*³⁵, «Страсти по национализму», 2004;

*Сергий Екельчык*³⁶, «Сталинская империя памяти. Российско-украинские отношения в советском историческом воображении», 2004;

*Виктор Шнирельман*³⁷, «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе», 2006;

²⁸ Сидорина Т., Полянников Т. Национализм: теория и политическая история / Т. Сидорина, Т. Полянников. – М., 2006.

²⁹ Cockburn C. The Space Between Us. Negotiating Gender and National Identities in Conflict / С. Cockburn. – L. – NY., 1998.

³⁰ Кокберн С. Пространство между нами. Особенности гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. – М., 2002.

³¹ Пюимеж Ж. Шовен – солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма / Ж. Пюимеж. – СПб., 1999.

³² Шкандрий М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрий. – Київ, 2004.

³³ Гундорова Т. Femina Melancholica. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобылянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.

³⁴ Данн О. Нации и национализм в Германии / О. Данн. – М., 2003.

³⁵ Грыцак Я. Страсти за націоналізмом / Я. Грыцак. – Київ, 2004.

³⁶ Yekelchuk S. Stalin's Empire of Memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination / S. Yekelchuk. – Toronto, 2004.

*Валер(ка) Булгаков*³⁸, «История белорусского национализма», 2006;
*Тамара Гундорова*³⁹, «Франко и Каменяр. Франко не Каменяр», 2006.

Эти исследования интересны в контексте переложения отдельных теоретических подходов и исследовательских методик к различным казусам национализма.

В виду того, что настоящее учебное пособие рассчитано на студентов факультета международных отношений Воронежского университета особое внимание следует уделить и отечественным традициям в изучении феномена национализма и наций в виду того, что значительная часть студентов не проявляет интереса ни к зарубежным, ни к отечественным работам прошлых лет. С другой стороны, автор вынужден констатировать существенное снижение общего уровня подготовки студентов, особенно – первых курсов – которые уже не в состоянии самостоятельно прочитать и усвоить научный текст.

Первые научные попытки выработать собственную теорию наций и национализма были предприняты в рамках гуманитарных исследований советского периода. Советская историография национализма имеет ряд характерных особенностей, а именно:

1) изучение национализма было всегда политически ангажировано (если националисты выражали симпатии советской власти или СССР, то национализм признавался прогрессивным, если наоборот – реакционным, буржуазным и антисоветским);

2) незначительное соприкосновение советской историографии с новейшими для того времени западными концепциями (иными словами, исследования национализма протекали в своеобразном интеллектуальном вакууме);

3) одностороннее восприятие феномена национализма как ненависти представителей одной нации в отношении других наций, что автоматически исключало из исследовательской сферы значительное число проблем, непосредственно связанных с национализмом, которые активно изучались в западной политической науке;

4) попытка создать общую теорию национализма, унаследованная, вероятно, от русской философской традиции, что привело к тому, что национализм изучался в контексте явлений с ним практически несвязанных – с фашизмом, расизмом, нацизмом...

5) перенос на изучаемый национализм в периферийных регионах мира (Латинская Америка, Юго-Восточная Азия) советских схем, клише и историографических нарративов (поэтому, в исследованиях советских авторов, посвященных, например, Индонезии, могли фигурировать

³⁷ Шнирельман В. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе / В. Шнирельман. – М., 2006.

³⁸ Булгаков В. История белорусского национализма / В. Булгаков. – Вильнюс, 2006.

³⁹ Гундорова Т. Франко і Каменяр. Франко не Каменяр. – Київ, 2006.

«реакционные» помещики и духовенство⁴⁰); хотя, с другой стороны, именно в рамках этих исследований советские гуманитарии робко пытались выйти за строгие границы советского официального и идеологизированного дискурса, используя, в частности, и западные исследования.

Ниже предлагается два очередных short list'a работ советского периода, которые демонстрируют общий дискурс восприятия национализма, которые были очерчены выше. Первый short list представлен преимущественно идеологическими работами, которые в настоящее время представляют совокупность текстов, нуждающихся в анализе в контексте изучения советской интеллектуальной истории, но не исследований национализма:

«Предательская роль “Сфатул цэрий”»⁴¹, 1969;

А. Малашко, «Воинствующий национализм»⁴², 1971;

«Критика национализма – реакционной идеологии современной буржуазии»⁴³, 1981;

А. Трояновский, «Современный национализм на службе антикоммунизма»⁴⁴, 1981;

Ю. Вилков, «Методологические основы критики буржуазного национализма»⁴⁵, 1985;

И. Иванченко, «Буржуазный национализм-средство идеологической диверсии. Критика буржуазных националистических концепций и практика их использования в идеологической диверсии против СССР»⁴⁶, 1985

Ю. Римаренко, «Буржуазный национализм и клерикализм»⁴⁷, 1986;

Н. Хмара, «Буржуазный национализм и милитаризм»⁴⁸, 1986;

А. Лихолат, «Национализм - враг трудящихся. Анализ исторического опыта борьбы против национализма»⁴⁹, 1986;

⁴⁰ Насколько термины «помещик» и «духовенство» применимы, например, для Индонезии, преимущественно мусульманского государства, является отдельной проблемой исследовательского инструментария и понятийного аппарата.

⁴¹ Предательская роль «Сфатул цэрий». – Кишинев, 1969.

⁴² Малашко А. Воинствующий национализм / А. Малашко. – Мн., 1971.

⁴³ Критика национализма – реакционной идеологии современной буржуазии. – М., 1981.

⁴⁴ Трояновский А. Современный национализм на службе антикоммунизма / А. Трояновский. – М., 1981.

⁴⁵ Вилков Ю. Методологические основы критики буржуазного национализма / Ю. Вилков. – М., 1985.

⁴⁶ Иванченко И. Буржуазный национализм-средство идеологической диверсии. Критика буржуазных националистических концепций и практика их использования в идеологической диверсии против СССР / И. Иванченко. – М., 1985.

⁴⁷ Римаренко Ю. Буржуазный национализм и клерикализм / Ю. Римаренко. – Киев, 1986.

⁴⁸ Хмара Н. Буржуазный национализм и милитаризм / Н. Хмара. – М., 1986.

⁴⁹ Лихолат А. Национализм - враг трудящихся. Анализ исторического опыта борьбы против национализма / А. Лихолат. – Киев, 1986.

Второй short list демонстрирует более научный, а не идеологический, в отличие от первого, дискурс восприятия национализма. В исследовании Т. Таболиной 1985 года советские исследователи смогли ознакомиться с основными на тот момент западными перцепциями национализма и наций. С другой стороны, в работах приводимых ниже их авторы нередко пытались использовать американские теоретические концепции национализма. Из всех западных исследователей больше всего «повезло» Бенедикту Андерсону, который часто цитировался, вероятно, не из-за высокого качества его работ⁵⁰, а из-за того, что сам пострадал от режима генерала Сухарто⁵¹, который в советском индонезиеведении подвергался резкой критике, в первую очередь, за расправу над местными коммунистами:

О. Мартышин, «Социализм и национализм в Африке. Очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки»⁵², 1972;

«Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения»⁵³, 1976;

«Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока»⁵⁴, 1978;

«Национализм в современной Африке»⁵⁵, 1983;

Г. Левинсон, «Идеология филиппинского национализма»⁵⁶, 1983;

Т. Таболина, «Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций»⁵⁷, 1985.

Литература, посвященная национализму, как видим, очень значительна. Среди всех концепций, которые в разное время высказывались относительно национализма, мы можем выделить несколько важнейших теорий, которые доминировали или продолжают доминировать в исследовательском дискурсе, формируя, направляя и изменяя его. Проанализировав вышеупомянутые работы, мы можем предложить несколько типологий интерпретации национализма.

⁵⁰ Оно, вероятно, было очевидно для советских исследователей, но писать об этом они не могли, так как Андерсон не был «прогрессивным» историком, так как не обладал внешними качествами прогрессивного ученого, важнейшим из которых было членство в местной коммунистической партии.

⁵¹ В 1965 году Бенедикт Андерсон, собиравший в Индонезии материал для научной деятельности, был депортирован из страны, впрочем, как и другие иностранцы.

⁵² Мартышин О. Социализм и национализм в Африке. Очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки / О. Мартышин. – М., 1972.

⁵³ Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. – М., 1976.

⁵⁴ Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. – М., 1978.

⁵⁵ Национализм в современной Африке. – М., 1983.

⁵⁶ Левинсон Г. Идеология филиппинского национализма / Г. Левинсон. – М., 1983.

⁵⁷ Таболина Т. Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций / Т. Таболина. – М., 1985.

Примордиализм является одной из старейших, но наименее востребованных в научном сообществе теорий национализма. Согласно этой точке зрения, нации изначальны и в неизменном виде существовали всегда. Например, в России и в Украине основоположниками и теоретиками примордиализма были Н. Карамзин, В.Ключевский, М. Грушевский, Н. Полонська-Васыленко, И. Крипьякевич. Иными словами, историографическая классическая традиция почти всегда представлена примордиалистами. Эта концепция популярна среди историков-ортодоксов, противников междисциплинарного синтеза и диалога, сторонников чистой, сугубо событийной, истории. Концепция получила наибольшее распространение в российской и украинской постсоветских историографиях. Примордиальные концепции характерны для националистов, с другой стороны, примордиальные парадигмы широко изучаются в рамках идеологизма, интеллектуального институционализма и нарративных теорий национализма. Примордиализм – не плох и не хорош, это – важнейший и неотъемлемый этап в становлении современных теорий национализма.

Примордиальный институционализм представляет собой совокупность слабо оформленных «теорий», методологически расположенных на грани классического примордиализма и различных модернистских теорий. Известный российско-украинский историк Георгий (Джордж) Вернадский и современный российский исследователь И.В. Данилевский, вероятно, могут определены как примордиальные институционалисты. Сторонники этой концепции, как и классические примордиалисты, признают изначальность нации (и в ряде случаев – национализма), но пытаются синтезировать примордиалистскую традицию с западным исследовательским инструментарием. Иными словами, примордиальный институционализм – попытка доказать, что нация – изначальный феномен, для которой характерен изначальный национализм и стремление оформить и закрепить свое существование в виде политических и социальных институтов. Примордиальный институционализм иногда представляет собой политическую историю, написанную и / или описанную с национальных позиций.

Идеологический антинационализм был характерен для гуманитарных наук советского периода. Этот метод отличался сугубо идеологизированным восприятием национализма как феномена присущего исключительно для буржуазного общества. Национализм прочитывался в категориях социально-экономического анализа, а значительная часть проблем (связанных, например, с идентичностью, национализмом в культуре) не пребывала в центре исследовательского дискурса. В исследованиях носителей этой методики национализм прочитывался как сознательная антисоветская диверсия. Ограниченные элементы идеологического антинационализма сохранились с современной

российской публицистике и иногда проявляются в научных исследованиях. В отличие от советского периода, когда в центре критики пребывал национализм вообще – в настоящее время ограниченные идеологические антинационалисты в зависимости от политической конъюнктуры и ситуации критикуют различные национализмы – украинский, латышский, эстонский, иногда – даже русский.

Социоэкономический модернизм представленный исследованиями Тома Нэйрна⁵⁸ и Майкла Хечтэра⁵⁹, предлагает видеть в национализме явление современной истории, возникшее в результате появления новых социальных, политических и экономических факторов, которыми были капитализм, региональные особенности и диспропорции в развитии регионов.

Социокультурный модернизм, согласно которому, в лице его крупнейшего теоретика Эрнэста Гэллнэра⁶⁰, национализм возникает как неизбежное последствие модернизации. Местные интеллектуалы создают «высокую культуру» и, как результат, нацию, которая поддерживает индустриализацию, порождающую, в свою очередь, политическую идеологию национализма.

Политический модернизм, представителями которого являются Джон Брейли⁶¹, Энтони Гиддэнс⁶² и Майкл Манн⁶³, предлагает понимать под национализмом как сознательный политический проект, который призван построить политическую нацию и, как результат, национальное государство, или, наоборот, стремится разрушить политическое единство одного государства и привести к институционализации другого, оппозиционного, национализма в виде новой политической нации и нового национального государства.

Национально-политический р(и/е)вайвализм, представленный исследованиями Мирослава Хроха⁶⁴, склонен интерпретировать историю национализма как историю постепенного revival'a традиционных крестьянских сообществ, как бунт против доминирующей и этнически чуждой «высокой культуры», как процесс постепенной трансформации традиционной культуры в культуру политическую, которая стремится к

⁵⁸ Nairn T. The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism / T. Nairn. – L., 1977; Nairn T. Faces of Nationalism / T. Nairn. – L., 1997.

⁵⁹ Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1936 – 1966 / M. Hechter. – L., 1975.

⁶⁰ Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983.

⁶¹ Breuilly J. Nationalism and the State / J. Breuilly. – Manchester, 1993.

⁶² Giddens A. The Nation-State and Violence / A. Giddens. – Camb., 1985.

⁶³ Mann M. The Sources of Social Power / M. Mann. – Camb., 1993; Mann M. A Political Theory of Nationalism and its Expresses / M. Mann // Nations and Nationalism / ed. S. Periwál. – Budapest, 1995.

⁶⁴ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.

институционализации национального движения сначала в виде политических партий и движений, а затем – национального государства.

Идеологизм, представленный Эли Кедури⁶⁵, предлагает понимать под национализмом, в первую очередь, идеологию, идеологический концепт, основная историческая и политическая роль которого состоит в идеологическом обосновании разрушения многонациональных империй и утверждения национальных государств.

Конструктивизм (или этносимволизм), видными представителями которого являются Эрик Хобсбаум⁶⁶ и Энтони Смит⁶⁷, понимает под национализм – явление современной (в смысле – новой) истории, которое изначально имело социально (и уже вторично – религиозно, культурно и т.д.) маркированный характер и значительное число дискурсов – в политике, культуре, идеологии, литературе, международных отношениях.

Интеллектуальный конструктивизм – теория, автором которой признан Бенедикт Андерсон⁶⁸ и, согласно которой, национализм принадлежит к числу современных феноменов, имеет ангажированный (социально, политически, религиозно, культурно) маркированный характер и значительное число проявлений-дискурсов (в политике, культуре, идеологии, литературе, международных отношениях), но формируется благодаря усилиям националистов-интеллектуалов, носителей «высокой культуры», которые совершенно сознательно и намеренно «воображают» (именно поэтому эту теорию мы можем называть неудобоваримым для славянских языков словом – имэджионализм / імеджіоналізм) націю.

Нарративная теория национализма, возникшая благодаря исследованиям американских и канадских специалистов по восточно-европейским литературам, представлена исследованиями Джорджа Грабовыча⁶⁹, Тараса Кознарського⁷⁰, Максима Тарнавського⁷¹, Олега Ильницького⁷². Ее сторонники предлагают анализировать различные

⁶⁵ Kedourie E. Nationalism / E. Kedourie. – L., 1960; Nationalism in Asia and Africa / ed. E. Kedourie. – L., 1971.

⁶⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

⁶⁷ Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004; Смит Э. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Смит Э. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Смит Э. Нації і націоналізм і глобальну епоху / У. Сміт. – Київ, 2006.

⁶⁸ Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

⁶⁹ Грабович Г. Поет як міфотворець / Г. Грабович. – Київ, 1996; Грабович Г. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка / Г. Грабович. – Київ, 1997.

⁷⁰ Кознарський Т. Из суржикіади / Т. Кознарський // Жолдак Б. Бог буває. Drive Stories / Б. Жолдак. – К., 1999.

⁷¹ Тарнавський М. Між розумом та ірреальністю: Проза Валер'яна Підмогильного / М. Тарнавський. – Київ, 2004.

⁷² Ільницький О. Український футуризм (1914 - 1930) / О. Ільницький. – Львів, 2003

националистические дискурсы через различные авторские и коллективные нарративы (narratives), отталкиваясь от анализа литературных произведений как не просто памятников литературы, а как памятников националистической мысли, как «чистых» текстов. Эта теория нередко ведет к разрушению традиционного националистического дискурса в политической сфере, а ее сторонники и носители, которые в США, Канаде и России имеют репутацию украинских националистов, в Украине (даже в академическом сообществе) воспринимаются как украинофобы⁷³. В настоящее время имеет массу соприкосновений с другими теориями национализма, в первую очередь – с интеллектуальным конструктивизмом и постколониализмом.

«Имперские» теории национализма представлены в исследованиях американского автора А. Мотыля⁷⁴ и его российского коллеги А. Миллера, являясь совокупностью теоретических и методологических подходов к истории национализма, в рамках которых предлагается изучать национализм в имперском контексте, как имперский, так и антиимперский национализм. В настоящее время имеет массу точек соприкосновения с национально-политическим ривайвализмом и интеллектуальным конструктивизмом.

Системная теория характерна для работ американского политолога, социолога и исследователя международных отношений Иммануила Валлерстайна, который предлагает анализировать националистический феномен в контексте не просто системы международных отношений, но в контексте отношений центра и периферии. В настоящее время очевидно, что системная теория оказала значительное влияние на постколониализм.

Постколониализм (ориентализм), основы которого заложил Эдвард Саид⁷⁵, а на восточно-европейскую почву переложил Мырослав Шкандрий⁷⁶, склонен синтезировать элементы модернизма, конструктивизма, интеллектуального конструктивизма, анализируя национализм в категориях интеллектуальной истории, истории отношений центра и периферии, колонии и метрополии, бывшей колонии и бывшей

⁷³ Автор этой работы сам столкнулся с подобным отношением, когда один из украинских коллег старшего возраста (для украинских гуманитариев за сорок характерно возведение Т. Шевченко в ранг своеобразного «националистического» отца нации) в ответ на реплику, что автор, когда читает Т. Шевченко понимает что он пишет, но не видит в этом особого «националистического» смысла (тексты Т. Шевченко интересны как тексты, а не как националистическое Евангелие), указал на то, что молодые ученые, ориентированные на новейшие западные методики, «уничтожают украинскую классику».

⁷⁴ Motyl A. *Revolutions, Nations, Empires* / A. Motyl. – NY., 1999.

⁷⁵ Said E. *Orientalism* / E. Said. – L., 1978; Саїд Е. *Орієнталізм. Західні концепції Сходу* / Е. Саїд. – Київ, 2001; Саїд Е. *Орієнталізм. Західні концепції Востока* / Э. Саид. – СПб., 2006.

⁷⁶ Shkandrij M. *Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times* / M. Shkandrij. – Montreal – L. – Ithaca, 2001; Шкандрій М. *В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби* / М. Шкандрій. – Київ, 2004.

метрополии, угнетателя и угнетаемого / угнетателя и угнетенного, истории взаимных представлений.

Дискурсивная теория национализма. Виднейшими представителями которой следует признать Джэффри Эли⁷⁷, Крэйга Калхуна⁷⁸ и Роналда Суни⁷⁹, полагает, что национализм следует анализировать не в контексте общих и локальных особенностей различных национализмов, а уделять внимание конкретным формам и проявлениям националистического дискурса.

Гендерная теория национализма. Вероятно, корректнее эту совокупность теоретических подходов называть *гендерными теориями национализма*. Эти концепции возникли в англо-американской политической науке (Силвия Уолби⁸⁰, Синтия Кокберн⁸¹), но в настоящее время получили оригинальное прочтение и в восточно-европейском (Соломия Павличко⁸², В. Агеева⁸³, Т. Гундорова⁸⁴) исследовательском дискурсе. Национализм анализируется в категориях гендера, гендерной идентичности, отношений между полами как отношений между рабом и господином. Имеет ряд точек соприкосновения с интеллектуальным конструктивизмом и постколониализмом.

При написании этого учебного пособия автор попытался использовать тот опыт, который получил при подготовке и защиты кандидатской диссертации, посвященной истории латышского национального движения. В настоящем пособии, вероятно, можно найти элементы влияния от более ранних опубликованных работ, посвященных различным национализмам - латышскому, украинскому, чувашскому, македонскому, хорватскому... При работе над этим пособием автор пытался «провести» несколько основных идей, а именно: национализм – не хорош и не плох, национализм – объективная реальность, которую лучше изучать с позиций научного анализа, но не пополнять ряды его апологетов или критиков. И последнее: вероятно, не следует пытаться выработать единую теорию национализма (от чего автор отказался в уже опубликованных работах, пытаясь сочетать различные теоретические разработки зарубежных и отечественных коллег)

⁷⁷ Eley G. Reshaping of German Right / G. Eley. – Oxford, 1980.

⁷⁸ Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006.

⁷⁹ Becoming National. A Reader / eds. G. Eley, R. Suny. – NY., 1996.

⁸⁰ Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 303 – 331.

⁸¹ Cockburn C. The Space Between Us. Negotiating Gender and National Identities in Conflict / C. Cockburn. – L. – NY., 1998; Кокберн С. Пространство между нами. Особенности гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. – М., 2002.

⁸² Павличко С. Фемінізм / С. Павличко. – Київ, 2002; Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: складний світ Агатагела Кримського / С. Павличко. – Київ, 2000.

⁸³ Агеева В. Поетеса здаму століття. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації / В. Агеева. – Київ, 1999; Агеева В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеева. – Київ, 2003.

⁸⁴ Гундорова Т. Femina Melancholica. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.

– гораздо продуктивнее обобщить и проанализировать уже сложившиеся и состоявшиеся теоретические перцепции и методологические подходы к изучению и исследованию национализма.

В центре настоящего учебного пособия – национализм. Учебник состоит из трех крупных частей. В центре первой части – различные теории национализма, как в отечественном, так и зарубежном научно-исследовательском дискурсе. Во второй части – лекции о состоявшихся национализмах, о тех сообществах, которые уже смогли выработать и сформировать свою идентичность, или смогли в этом направлении значительно продвинуться. При составлении второй части автор придерживался принципа, чтобы проанализированные в ее рамках националистические дискурсы соотносились с различными теоретическими концептами национализма, речь о которых идет в первой части. В третьей части анализируются различные локальные и государственные национализмы на современном этапе.

Автор осознает, что все три части получились в значительной мере отличными друг от друга. Автор не отрицает того, что в некоторых местах текст лекций может оказаться сложным для чтения и понимания, что приближает его, скорее к научной монографии, чем учебнику. С другой стороны, не могу согласиться с возможными замечаниями о том, что учебники должны быть простыми и не содержать научно-справочного аппарата. Мои предшественники, которые посвятили свои учебные пособия национализму, так же не смогли избежать этой проблемы. Вероятно, учебная литература, посвященная национализму, как междисциплинарной проблеме, органически обречена на эту двойственность.

Издание имеет чисто образовательные цели и предназначено для использования в учебном процессе. Вся информация, использованная при написании пособия и нашедшая в нем отражение, взята из открытых опубликованных и интернет-источников. В период работы над пособием автор не получал никакой помощи (материальной, финансовой и пр.) от российских и зарубежных общественных и научно-исследовательских организаций. Работа написана исключительно на базе факультета международных отношений ВГУ. Издание предназначено для студентов факультета международных отношений Воронежского государственного университета, для всех интересующихся проблемами и местом национализма в контексте истории, современных идеологий и международных отношений.

I. ТЕОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА

1.1. Классический социокультурный модернизм: теоретические исследования национализма в работах Эрнэста Гэллнера

Крупнейшим представителем и теоретиком социокультурного модернизма был британский социолог Эрнэст Гэллнер (Ernest Gellner, 1925 – 1995). Ряд исследований он посвятил проблемам национализма, важнейшее из них – «Нации и национализм». Первое английское издание вышло в 1983 году. Следует сказать и несколько слов о самом Э. Гэллнере.

Эрнэст Гэллнер⁸⁵ родился в 1925 году в Париже в семье чешских эмигрантов. Центральноевропейские корни оказали значительное влияние на формирование круга его научных интересов, что позволяло ему неофициально и, шутя называть себя «хранителем габсбургского исторического наследия»⁸⁶. С 1944 по 1945 год Э. Гэллнер участвовал в войне, находясь на службе в британской армии. После войны Э. Гэллнер поступает в Оксфордский Университет, где и остается преподавать по его окончании. Позднее Э. Гэллнер переходит в Лондонскую школу экономики, где в 1962 году становится профессором. В 1984 году Э. Гэллнер возглавляет кафедру социальной антропологии в Кэмбридже. За период своей научной деятельности Э. Гэллнер написал и опубликовал более десяти научных книг⁸⁷, часть из которых переведена на русский язык⁸⁸. В своей научной и издательской деятельности Гэллнер проявлял устойчивый интерес к двум великим историческим зонам – Центральной и Восточной Европе (давали знать чешские корни) и Востоку (интерес, пронесенный от университетской скамьи на протяжении всей жизни).

Под национализмом Э. Гэллнер понимал «...политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать...»⁸⁹. Несколько расширяя и конкретизируя эту дефиницию Э. Гэллнер писал, что «...национализм является следствием

⁸⁵ В российских публикациях встречается несколько вариантов написания фамилии «Gellner» на русском языке – Геллнер, Гелльнер, Гэллнер. Автор придерживается последнего варианта, хотя правильнее было бы, вероятно, «Джэллнер».

⁸⁶ Крупник И.И. Об авторе этой книги, нациях и национализме (вместо послесловия) / И.И. Крупник // Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 305.

⁸⁷ Gellner E. Words and Things / E. Gellner. – L., 1979; Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983; Gellner E. Plough, Sword and Book / E. Gellner. – Chicago, 1988; Gellner E. State and Society in the Soviet Thought / E. Gellner. – Oxford, 1988; Gellner E. Culture, Identity and Politics / E. Gellner. – Cambridge, 1988; Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals / E. Gellner. – L., 1994.

⁸⁸ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991; Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма / Э. Геллнер. – М., 2002; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146 – 200; Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М., 2004.

⁸⁹ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 23.

новой формы социальной организации, которая опирается на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством...»⁹⁰. Кроме этого, Гэллнэр указывал на то, что национализм представляет собой «...соединение государства с национальной культурой...»⁹¹. Эрнэст Гэллнэр, полемизируя с примордиалистами, полагал, что «...вопреки убеждению людей и даже специалистов национализм не имеет глубоких корней в человеческом сознании, которое оставалось неизменным на протяжении многих тысячелетий существования человечества и не стало не лучше не хуже за сравнительно короткий, совсем недавно наступивший, век национализма...»⁹².

Принимая национализм как продукт современной истории, Гэллнэр отрицал и изначальность наций, полагая, что «...мы не должны руководствоваться мифом... нации не даны нам от природы... они не являются политической версией теории биологических видов...»⁹³. В такой ситуации понимание самого феномена национализма у Гэллнэра в корне отлично от примордиалистских концепций: «...национализм – это не пробуждение и самоутверждение мифических, якобы естественных и заранее заданных сообществ...использующих...историческое и прочее наследие донационалистического мира...»⁹⁴.

В теоретических исследованиях Э. Гэллнэра присутствует дихотомия «национализм / нации» и эти два явления анализируются им в неразрывной связи. В такой ситуации возникает вопрос о том, какой из феноменов первичен – нация или национализм. Анализируя динамику развития, как наций, так и национализма, Э. Гэллнэр полагал, что первичен национализм, который усилиями своих носителей, националистов, создает нации. Комментируя эту ситуацию, Э. Гэллнэр писал, что «...именно национализм порождает нации, а не наоборот... национализм использует существовавшее ранее множество культур или культурное разнообразие, хотя он использует его очень выборочно, и чаще всего трансформируя...»⁹⁵.

В этом контексте становится очевидным еще одно измерение национализма. Национализм может выступать и выступает в качестве мощного канала политической и культурной модернизации и трансформации ценностей и институтов, которые сложились в эпоху, предшествующую его существованию. Комментируя это креативную функцию национализма, Э. Гэллнэр писал, что «...мертвые языки могут

⁹⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 112.

⁹¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 146.

⁹² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 87.

⁹³ Там же. – С. 114.

⁹⁴ Там же. – С. 115.

⁹⁵ Там же. – С. 127.

быть возрождены, традиции изобретены, совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена...»⁹⁶.

Но такой мощный потенциал национализма, направленный в ряде случаев на восстановление того, что, как казалось предыдущим поколениям, было безвозвратно утрачен, согласно Э. Гэллнэру, вовсе не означает того, что «...национализм является случайным, искусственным, идеологическим измышлением, которого могло бы и не быть, если бы эти европейские мыслители не состряпали его и не впрыснули в кровь доселе нормально функционирующих политических сообществ...»⁹⁷. Гэллнэр признавал, что определение национализма, предложенное им в первой половине 1980-х годов, базировалось на двух принципах – на неизбежном наличии, как нации, так и государства⁹⁸.

Анализируя сложный феномен национализма, Э. Гэллнэр указывал на то, что следует разделять националистические чувства, с одной стороны, и националистические движения, как их политические проявления, с другой. По мысли Э. Гэллнэра, националистические чувства могут быть двоякого характера: во-первых, это могут быть чувства раздражения в связи с игнорированием самого принципа национализма – совпадения национальной и политической единицы. Во-вторых, это могут быть, наоборот, позитивные чувства, вызванные реализацией этого важнейшего националистического принципа на практике. Под националистическими движениями, в свою очередь Э. Гэллнэр понимал движения, которые в своей деятельности и практике руководствуются националистическими чувствами. Анализируя национализм, как политическое явление, Э. Гэллнэр указывал и на то, что определение, которое он предложил, нигде не было реализовано полностью, в чистом виде.

Гэллнэр указывал и на объективные сложности, которые не дают националистам одной нации объединить всех своих соотечественников в рамках одного государства. Этому могут способствовать и то, что представители одной нации проживают в различных государствах. С другой стороны, среди представителей определенной группы могут проживать представители другой, что объективно исключает построение «чистого» и гомогенного национального государства⁹⁹. Гэллнэр полагал, что националисты могли смириться с этими проблемами. По его мнению, национализм сталкивался с более опасным и серьезным вызовом, чем отсутствие территории компактного проживания и / или соседство с представителями другой, совершенно чуждой, нации.

Такую ситуацию Гэллнэр определял как чрезвычайно неприятную и болезненную для националистов. Гэллнэр полагал, что таким нарушением

⁹⁶ Там же. – С. 127.

⁹⁷ Гэллнэр Э. Нации и национализм. – С. 127.

⁹⁸ Там же. – С. 27.

⁹⁹ Там же. – С. 23.

национального принципа могла стать ситуация при которой в рамках одной территории этническое большинство управлялась представителями другой этнической группы, чужой нации. Такая ситуация могла стать результатом «...присоединения национальной территории к большему государству или результатом доминирования чужеродной группы...»¹⁰⁰. В такой ситуации Гэллнэр указывает на возможность сформулировать более четкое определение национализма. Иными словами, национализм – «это теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими»¹⁰¹.

Для Э. Гэллнэра нации и национализм / национализмы были постоянно развивающимися и изменяющимися феноменами. Поэтому, он полагал, что современный мир обречен на то, чтобы быть заложником процессов развития и активизации национализма, национальных возрождений и попыток одних наций заявить о своих правах на самоопределение («...на земле существует огромное количество потенциальных наций...»¹⁰²) при желании других подавить подобные попытки национального освобождения. Примечательно, что в данном случае обе гипотетические нации, потенциально вовлеченные в конфликт, будут руководствоваться одним и тем же принципом – национализмом.

В концепции, предложенной Э. Гэллнэром, современное государство было той единственной и монополярной сферой, где разворачивался и развивался национализм. Гэллнэр полагал, что некоторые элементы национализма не могут существовать и в таких обществах, которые невозможно определить как государство в западном, европейско-американском, понимании: «...когда нет ни государства, ни правительства, то принцип национализма сам собой отпадает...»¹⁰³. В этой концепции важно то, что государство является гарантом возникновения национализма – точнее: не сам факт существования государственности, а особенности политики, которая может привести к возникновению национализма. Гэллнэр попытался доказать, что национализм неизбежно возникнет в том случае, если государство становилось «...слишком ощутимым...»¹⁰⁴.

В такой ситуации националистический принцип возникал постепенно: доаграрные сообщества не знали ни национализма, ни государства; аграрные общества знали государство, но не знали национализм; индустриальные – знали и то, и другое. Такая трехэтапная хронология, по мнению Э. Гэллнэра, имела универсальный характер, но, с другой стороны, он полагал, что не все общества, прошедшие через два первых этапа в своей истории, в третьем неизбежно обречены на то, чтобы

¹⁰⁰ Там же. – С. 24.

¹⁰¹ Гэллнэр Э. Нации и национализм. – С. 24.

¹⁰² Там же. – С. 26.

¹⁰³ Там же. – С. 30.

¹⁰⁴ Там же. – С. 30.

испытать на себе силу воздействия национализма, если не своего, то хотя бы чужого. Государство сможет узнать, что такое национализм только в том случае, если возникнет нация. Хотя Гэллнэр допускал и отклонения от этого общего правила: «... государство возникло без помощи нации, некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего государства...»¹⁰⁵.

В такой ситуации анализ феномена национализма будет неполным, точнее – просто невозможным, без анализа нации как системообразующей категории. Под нацией Э. Гэллнэр понимал сообщество, представители которого не только имели общую культуру, но и признавали сам факт своей принадлежности к той или иной нации. Для Э. Гэллнэра нации возникали в результате развития отдельных человеческих сообществ: «...нации делает человек, нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей...»¹⁰⁶. Примечательно, что Гэллнэр не сводил процесс формирования наций исключительно к внешней, социально-экономической, стороне, что было характерно, например, для советского обществоведения. По его мнению, в формировании современных наций очень значительную роль сыграл фактор культуры.

Культура стала той категорией, которая сыграла ведущую роль в постепенной трансформации традиционных аграрных сообществ. Важнейшим достижением культуры на уровне аграрного общества, по мнению Э. Гэллнэра, было изобретение письменности, что позволило создать, с одной стороны, класс грамотных людей, а, с другой, дало возможность записывать, сохранять, транслировать и видоизменять информацию. Именно появление письменности дало возможность начать постепенную модернизацию общества, что на раннем этапе выразилось именно в распространении грамотности: «...поначалу никто не умел читать, затем читать научились немногие и, в конце концов, читать стали все...»¹⁰⁷.

Но само появление письменности не означало мощного культурного рывка вперед. Для аграрных обществ (под которым Э. Гэллнэр понимал «...общество, основанное на сельском хозяйстве... для которого характерно довольно стабильная технология...»¹⁰⁸) была характерна строго иерархическая культура, которая сдерживала прогрессивные изменения, способствуя тому, что элементы статики преобладали над элементами динамики. Гэллнэр полагал, что аграрные общества, терзаемые, в первую очередь, социальными противоречиями не смогли сформировать свою идентичность по причине внутренней расколотости. Поэтому, различные социальные группы, которые уже сформировались и существовали на

¹⁰⁵ Там же. – С. 34.

¹⁰⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 35.

¹⁰⁷ Там же. – С. 37.

¹⁰⁸ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.

этапе аграрного общества, были заняты, в первую очередь, выяснением отношений между собой, а не выработкой общей культуры и тем более ее более сложной формы – идентичности.

Комментируя подобную ситуацию, Э. Гэллнэр писал, что «...как для правящего класса, так и различных слоев аграрного общества гораздо существеннее подчеркивание культурной дифференциации, нежели общности...»¹⁰⁹. Гэллнэр показывал, что и сама специфика существования и функционирования традиционных аграрных обществ влияла на то, что на данном этапе не могла возникнуть ни единая культура, ни идентичность. Это было вызвано тем, что в аграрном обществе отдельные производящие сообщества жили, как правило, в сельской местности в условиях изолированности друг от друга. Замкнутость одних сообществ и их отдаленность от других создавали условия для постепенной фрагментации такого традиционного аграрного общества.

В связи с этим Э. Гэллнэр писал: «...маленькие крестьянские общины живут очень изолированно... даже если население данной области имеет общий языковой корень, а это не всегда так, нечто вроде культурного сдвига очень быстро приводит к диалектным и другим различиям... никто или почти никто не заинтересован в сохранении культурного единства на этом социальном уровне...»¹¹⁰. Такие общины обладали своей особой идентичностью, комментируя особенности которой, Гэллнэр писал, что «...мировоззрение, на котором зиждется это общество не предполагает интенсивного познания и освоения природы... оно предполагает устойчивое сотрудничество между природой и обществом, в ходе которого природа не только доставляет обществу скромное, хотя и постоянное продовольствие, но одновременно санкционирует, оправдывает общественное устройство, служит его отражением...»¹¹¹.

Кроме этого, изучая подобные традиционные сообщества, которые уже стали достоянием истории, исследователь национализма сталкивается с рядом серьезных проблем. Рано или поздно он придет все-таки к выводу, что, с одной стороны, «...локальная культура почти неощутима...»¹¹². В то же время эта локальность значительно усложняет изучение тех условий, в которых мог формироваться или не формироваться национализм: «...замкнутая община обычно пользуется языком, имеющим смысл лишь в определенном контексте...но деревенский говор не претендует ни на нормативность, ни на политическую значимость...»¹¹³.

Именно благодаря этому появление национализма в аграрном традиционном обществе неизбежно будет откладываться на неопределенно

¹⁰⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 41.

¹¹⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 41 – 42.

¹¹¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.

¹¹² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 44.

¹¹³ Там же. – С. 44.

долгий срок. С другой стороны, национализм не возникает на этом этапе в силу объективной специфики развития культуры, которая не является единой для высшего общества и для непосредственных производителей. Резкое расхождение различных уровней культуры проявляется, в частности, в развитии языка. Это, по словам Э. Гэллнэра, проявляется в том, что «...очень сильна тенденция церковных языков к расхождению с разговорными, как будто уже сама грамотность не создала достаточного барьера между духовенством и мирянами, и эту пропасть следует еще углубить, не только переведя язык в мудреные письма, но и сделав его непонятным для слуха...»¹¹⁴.

Основное препятствие для возникновения национализма на этапе аграрного общества состоит не в специфике развития культуры, а в том, что в аграрном государстве нет возможности для «...проведения политических границ в соответствии с культурными...»¹¹⁵. И если бы на данном этапе, по словам Э. Гэллнэра, «...национализм был бы изобретен... вероятность его бы распространения была бы минимальной...»¹¹⁶. Национализм был обречен на то, чтобы оказаться на периферии – стать уделом небольшого числа грамотных людей. На данном этапе «высокая культура» пребывала в зачаточном состоянии или была очень слабо развитой и выраженной. Иными словами, до того момента, когда, по выражению Э. Гэллнэра, «...каждая высокая культура хочет иметь государство и предпочтительнее свое собственное...»¹¹⁷, оставалось еще очень долго.

С другой стороны, не все носители письменного и относительно литературного языка могли бы с пониманием отнестись к изобретенному национализму и стать националистами. Носители письменной культуры, средневековые европейские католические священники и монахи или мусульманские улемы Востока – никто из них в своем регионе не мог стать националистами в силу своей внутренней замкнутости и немногочисленности¹¹⁸. Но частично и от политической воли представителей этого привилегированного слоя зависел будущий триумф и почти повсеместный успех национализма. В Европе он просматривается не так четко как на мусульманском Востоке.

В отличие от Европы, по мнению Э. Гэллнэра, исламские общества средневекового Востока не знали такой жесткой социальной иерархии и стратификации и именно «...этот скрытый эгалитаризм играет очень существенную роль в успешном приспособлении ислама к современному

¹¹⁴ Там же. – С. 43.

¹¹⁵ Там же. – С. 42 – 43.

¹¹⁶ Гэллнер Э. Нации и национализм. – С. 43.

¹¹⁷ Там же. – С. 118.

¹¹⁸ Там же. – С. 49.

миру...»¹¹⁹. Вероятно, на том этапе общество не обладало готовностью к национализму и не имело в нем потребности. Национализм не мог возникнуть и в силу того, что в таком обществе, как правило, сосуществовало несколько культур. Комментируя эту особенность традиционного аграрного общества, Э. Гэллнэр писал: «...условия мира, порождающего множество культур, обычно не благоприятствуют тому, что можно назвать культурным империализмом...»¹²⁰.

В этом контексте интересна попытка Э. Гэллнэра описывать и анализировать национализм без интеллектуальной привязки к исключительно Европе и к только Европе. Гэллнэр полагал, что исторические условия и политические предпосылки для успешного и динамичного развития национализма существовали и в настоящее время существуют и за пределами Европы, более того – условия для развития национализма существуют и в европейских внутренних перифериях, которые некоторым представителям европейского интеллектуального сообщества кажутся чуждыми и совершенно неевропейскими. В данном случае речь идет о двух исламских анклавах на территории Европы – Боснии и Албании.

Если Эрнэст Гэллнэр не ограничивал сферу влияния и распространения национализма в Европе исключительно Западной, Восточной и Центральной, то небезынтересно ответить на вопрос: «Как формируется национализм не только во внутренних европейских исламских перифериях, но и в других мусульманских государствах вообще?». Анализируя условия возникновения национализма в Европе, Гэллнэр писал про сосуществование двух культур – «высокой» и «низкой». Именно триумф первой в контексте модернизации и стал важнейшим стимулом для развития национализма. По мнению Гэллнэра, для исламского мира была характерна такая же ситуация: «...ислам был внутренне разделен на высокую и низкую культуры, взаимопроникающие и находящиеся в тесной взаимосвязи...»¹²¹.

В 1994 году Э. Гэллнэр развил свои предположения в отношении ислама в контексте модернизации и развития национализма в своей последней книге «Условия свободы». Гэллнэр попытался показать, что для ислама, как и для христианства, характерен значительный модернизационный импульс и, поэтому, в возникновении и развитии национализмов в исламских обществах и государствах нет ничего удивительного. Конкретизируя эту идею Гэллнэр писал, что «...функционирование ислама в традиционном обществе можно описать как длящуюся и постоянно возобновляемую Реформацию, в каждом цикле которой пуританский импульс религиозного возрождения оборачивается

¹¹⁹ Там же. – С. 53.

¹²⁰ Там же. – С. 45.

¹²¹ Гэллнэр Э. Нации и национализм. – С. 167.

усилением прямо противоположных социальных требований и движений...»¹²².

Вернемся к культурному фактору, о котором мы писали выше. Под «культурным империализмом» Э. Гэллнэр предлагал понимать «...попытку той или иной культуры занять главенствующее положение и заполнить собой всю политическую единицу...»¹²³. Само аграрное общество, как полагал Э. Гэллнэр, исключало возможности для того, чтобы «...культуры стремились к монохромной односторонности и политической экспансии и господству...»¹²⁴. Культуры неизбежно начнут делать это, но уже на этапе индустриального общества и только после появления национализма. В период же, когда доминирует аграрный тип общества, по мнению Э. Гэллнэра, не могли возникнуть условия для возникновения национализма, что было вызвано целым рядом факторов.

Во-первых, на этом этапе государства в значительной степени отличались друг от друга как территориально, так и политически. Во-вторых, степень политического участия представителей различных социальных групп в разных регионах могла быть различной. В-третьих, традиционное аграрное общество могло не знать и политической гомогенности: иными словами, сильная центральная власть вполне могла сосуществовать с «местными полуавтономными общинами»¹²⁵. Именно эти три фактора, по мысли Э. Гэллнэра, и делали невозможным появление национализма.

Кроме этого на этапе существования аграрного общества само понятие «нация» и складываемое в него значение не способствовали формированию и развитию национализма. Сам термин «нация» на том этапе еще не получил того широкого и массового распространения, которое он обрел в век национализма. В аграрном обществе термин «нация» ассоциировался скорее с носителями «высокой» культуры, а не с массами, которые его присвоили в период новой и новейшей истории. Эрнэст Гэллнэр полагал, что в аграрном обществе категория «нация» обозначала «...размытое целое, включающее, главным образом, представителей так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни, нежели всю совокупность носителей культуры...»¹²⁶.

Но и сами носители народной и традиционной культуры не могли образовать нацию в силу того, что различия между отдельными локальными сообществами были очевидны и границы между ними не размылись. Кроме этого, сами носители высокой культуры, «нация»,

¹²² Геллнер Э. Условия свободы. – С. 30.

¹²³ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 45.

¹²⁴ Там же. – С. 47.

¹²⁵ Там же. – С. 47.

¹²⁶ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 153.

например, Речи Посполитой не была гомогенной. Она (польская политическая нация, если таковая тогда и реально существовала) не знала ни этнического, ни языкового, ни религиозного однообразия. В состав польской элиты могли входить и католики и православные, которые необязательно говорили по-польски. Они могли быть носителями украинского или белорусского языка. Не исключено, что в состав шляхты, этого польского аналога нации, могли входить и носители литовского языка.

Как видим, Э. Гэллнэр полагал, что на этапе аграрного общества культура является значительным и иногда политически значимым и определяющим факторов в жизни и функционирования того или иного локального или более крупного территориального сообщества. Отличительной чертой подобной «высокой» культуры было то, что она имела крайне ограниченную сферу влияния и распространения. На этапе перехода от аграрного общества к индустриальному роль и значение культуры могут существенно измениться, стать совершенно другими: «...при переходе от аграрного общества к индустриальному культура перестает быть средством, которое задает позиции в обществе и привязывает к ним индивидов... вместо этого она очерчивает новую социальную целостность...»¹²⁷. Таким образом, культура обретает новую важную функции консолидации сообщества или общества. Такая консолидация в итоге ведет к вытеснению ряда старых стереотипов, на смену которым приходят новые, формирующие идентичность.

Анализируя феномен традиционных обществ, следует принимать во внимание и тот вариант социализации, который был для них характерен. В связи с этим Э. Гэллнэр писал, что «...огромное большинство населения принадлежало к самовоспроизводящимся сообществам, которые фактически обучали свою молодежь на практике, между делом, без отрыва от своего повседневного труда, почти или совсем не полагаясь на каких-либо учителей...»¹²⁸. Начало индустриальной эпохи ознаменовало и значительные изменения в таком канале социализации, как образование: «...раньше образование было домашним делом, и человека воспитывали деревня или клан, это время ушло и ушло навсегда...и воспроизводство людей вне тесных локальных социальных групп является теперь нормой...»¹²⁹.

Такая ограниченная и в значительной степени обычная, традиционная и повседневная модель социализации гарантировало одно – постоянное воспроизводство общества, защищая его от новых веяний, которые могли казаться вредными и опасными. Такой консерватизм традиционного общества надежно застраховал его от появления национализма. Кроме

¹²⁷ Там же. – С. 151 – 152.

¹²⁸ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 79.

¹²⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 94.

этого, по мнению Э. Гэллнэра, в аграрном обществе с его иерархической структурой национализм неизбежно стал бы принципиально новым явлением. С другой стороны, в подобных обществах крайне слабо развит механизм принятия нового.

Появление нового в политической или / и религиозной сферах могло стать результатом сознательной политики насаждения этого нового сверху. Но и в такой ситуации попытка сделать одну культуру доминирующей (без чего само появление национализма было бы невозможно или маловероятно) могло и не привести к позитивным результатам: «...при аграрном строе пытаться насадить на всех уровнях однородную культуру с заданными нормами, закрепленными на письме, было бы пустой затеей...»¹³⁰. Развивая эту мысль Э. Гэллнэр, писал, что «...социальная организация аграрного общества не способствовала утверждению националистического принципа, слиянию политических границ с культурными...»¹³¹.

Эта «затя» может обрести не только конкретные формы, но и результаты, на этапе индустриального общества, когда традиционные связи разорваны, а «...высокая культура пронизывает все общество...именно в этом кроется секрет национализма...»¹³². Развивая эту идею Э. Гэллнэр писал, что «...национализм своими корнями очень глубоко уходит в своеобразные структурные требования индустриального общества...»¹³³. Но, с другой стороны, возникновение национализма стало результатом той же исторической и сложно объяснимой случайности, которая привела к разрушению несколько столетий существовавшего и казавшегося незыблемым порядка и появлению нового, капиталистического, общества.

Исторический триумф национализма на Земле, по крайней мере – в Европе, совпал с победным шествием «высокой культуры». В связи с этим, Э. Гэллнэр писал, что «...распространение высоких культур (стандартизированных, опирающихся на письменность и экзообразование коммуникативных систем) стало процессом, быстро набирающим обороты во всем мире...»¹³⁴. Именно поэтому, в новом обществе постепенно наступает триумф новой культуры, которая в итоге и конструирует такой тип идентичности, которая делает возможным появление и дальнейшее существование национализма.

Нечто подобное исследователи могут наблюдать и в мусульманских обществах, которые так же испытали на себе противоречия «высокой» и «низкой» культур. На момент восстановления политической

¹³⁰ Там же. – С. 55.

¹³¹ Там же. – С. 96.

¹³² Там же. – С. 56.

¹³³ Там же. – С. 88.

¹³⁴ Там же. – С. 125.

независимости исламские страны могли в разрешении этой проблемы пойти двумя путями. По мнению Э. Гэллнэра, с одной стороны, они могли начать модернизацию в форме вестернизации, или, с другой стороны, впасть в воспевание и идеализацию собственного прошлого. Комментируя дилемму восточного исламского националистического выбора, Э. Гэллнэр писал, что «...обычно в таких обществах всеми силами стремятся избавиться от унижительного ярлыка “отсталости”...после дискредитации старого режима и связанной с ним высокой культуры перед ними открываются два пути: либо копировать иноземные образцы... либо идеализировать местные народные традиции, усматривая в них глубокие внутренние ценности...»¹³⁵.

Но особенность мусульманского выбора в данной непростой ситуации состояла в другом. Мусульманские интеллектуалы отказались и от первого и от второго вариантов. Местные восточные интеллектуальные сообщества «...идеализацию своей народной культуры оставили иностранцам, которые окружили жизнь кочевых племен романтическим ореолом в духе Лоурэнса Аравийского...». В этой ситуации перед восточными интеллектуалами открылась возможность конструирования и утверждения новой идентичности, взяв за основу подлинно местные (а не придуманные европейскими путешественниками, писателями и интеллектуалами) традиции¹³⁶.

Если в раннем, доиндустриальном обществе, у истоков социальной системы стояло абстрактное насилие, воплощенное в далеко неабстрактном палаче, то «...у основания современного общества стоит не палач, а профессор... не гильотина, а государственная докторская степень является основным инструментом и символом современной государственной власти...монополия на законное образование сейчас важнее, чем монополия на законное насилие...»¹³⁷. В новом обществе существенные изменения претерпел язык. Если в традиционном аграрном обществе существовали «...не совсем целые, но иерархически связанные субмиры...»¹³⁸, а языки различных социальных групп образовывали отдельные системы, то индустриальное общество разрушает эту замкнутость, что ведет к унификации языкового дискурса.

Наряду с унификацией языкового дискурса (по словам Э. Гэллнэра, «...язык становится обязательным и господствующим...»¹³⁹) в рамках индустриального общества возникает феномен социальной мобильности, которая не была известна в традиционном обществе. Культурная унификация в сочетании со значительной социальной мобильностью

¹³⁵ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 33.

¹³⁶ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 34.

¹³⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 87.

¹³⁸ Там же. – С. 61.

¹³⁹ Там же. – С. 85.

самым радикальным образом перекроили политический и культурный облик Европы. И именно в этом новом мире с его новой системой координат и ценностей нашлось место для национализма. Такая ситуация стала возможной уже в силу того, что «...век перехода к индустриальному обществу неизбежно становится веком национализма...»¹⁴⁰.

На этом этапе, по мнению Э. Гэллнера, для национализма присущ некий универсализм и он легко вписывается в различные политические культуры, иногда сам их конструирует. Национализм, действительно, «...обычно без труда одерживает победу над другими современными идеологиями...»¹⁴¹. В концепции Э. Гэллнера национализм тесно соседствовал с «высокой культуры». Эти два явления предстают как глубоко взаимно связанные и переплетенные. «Высокая культура», точнее – ее носители сыграли немалую, если не решающую роль, в становлении современных национализмов.

В этой ситуации примечательно то, что большинство современных националистов, националистических идеологов, оперируют вовсе не категориями высокой культуры. Разве украинские националисты часто ссылаются на тексты Тараса Шевченко, Ивана Франко, Лэси Украинки (тех исторических персоналий, которые усилиями их предшественников составили пантеон украинской «высокой» национальной культуры), разве русские националисты оперируют цитатами из Льва Толстого и Ивана Тургенева (по мнению некоторых исследователей, два последних имели некоторые проблемы с русским языком и предпочитали писать на французском) – нет обычные массовые националисты никакого интереса к этой «элитарной» стороне национальной культуры не проявляют. Подобная тенденция (правда, в западных европейских национализмах) была отмечена уже Э. Гэллнером, писавшим, что «...национализм обычно борется от имени псевдонародной культуры, он берет символику из здоровой, простой, трудовой жизни крестьян, народа...»¹⁴².

В первой половине 1980-х годов Э. Гэллнер в своем ныне хрестоматийном и классическом исследовании, посвященном национализму, попытался смоделировать процесс развития национализма на примере двух несуществующих в реальности сообществ – руританцев и мегаломанцев. Исходные условия этой социологической и политологической задачи таковы¹⁴³:

1) руританцы были сельским населением, которое использовали в повседневной жизни родственные диалекты; мегаломанцы – жителями центральных районов империи; на языке руританцев говорили только они сами, а язык мегаломанцев вообще принадлежал к другой языковой

¹⁴⁰ Гэллнер Э. Нации и национализм. – С. 97.

¹⁴¹ Там же. – С. 103.

¹⁴² Там же. – С. 130.

¹⁴³ Там же. – С. 132 – 133.

группе; значительная часть руританских крестьян принадлежала к церкви, где служба велась на языке другой группы – соответственно, многие священники говорили на языке, который не был понятен для руританских крестьян; мелкие торговцы, которые обслуживали сельскую местность, принадлежали так же к другой этнической и языковой группе; руританское население в вере этих торговцев «испытывало глубокое отвращение»;

2) в XIX веке руританские территории оставались отсталой аграрной окраиной и периферией; руританское население имело трагическую историю, о чем пело в «народных плачах»; часть руританских юношей получала образование, становясь журналистами, священниками и профессорами; руританские интеллигенты получали поддержку от академических институций в других странах, которые были заинтересованы в изучении языка и традиций сельского руританского населения; постепенно деревенские школьные учителя начали целенаправленно эти народные песни записывать и изучать;

3) часть руританских юношей призывалась в армию и оседала в городах, что создавала поле деятельности для руританской интеллигенции; не следует забывать и о том, что иноязычные угнетатели так жестоко угнетали бедных руританских крестьян, что те в XVIII веке подняли восстание, которое возглавил «знаменитый руританский бунтовщик К.»; сначала его подвиги сберегались только в памяти народа, но потом он стал героем нескольких исторических романов, а еще позднее – и двух фильмов;

4) в итоге на территории, где жило руританское население, после напряженных политических событий была провозглашена Народная Социалистическая Республика Руритания.

История любого национализма может пойти двумя путями, о которых писал Э. Гэллнэр. Национализм может вообще не получить развития, и в такой ситуации большинство крестьян, носителей народной и традиционной культуры, которая могла бы стать основой для создания современной идентичности, будет ассимилировано. С другой стороны, национализм может развиваться в мощное и сильное политическое течение, которое стремилось к последовательной институционализации – организационной и политической. В связи с этим, Э. Гэллнэр писал, что «...мы установили, что у руританцев была исконная территория, то есть такая область, “Руританская отчизна”, где большинство населения составляли крестьяне, говорившие на одном из руританских диалектов... у руританцев было два выхода: или ассимиляция с языком и культурой Мегаломании, или образование процветающей независимой Руритании, где бы местный диалект приобрел бы статус официального и литературного языка...»¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Гэллнэр Э. Нации и национализм. – С. 153.

Сценарий, созданный воображением Э. Гэллнера для несуществующей Руритании, не является игрой исключительно его воображения. Гэллнер писал, что «...в случае с нашей Руританией национализм объясняется тем, что экономически и политически отсталое население было способно выделиться в культурном отношении и оказаться перед националистическим выбором...»¹⁴⁵. Аналогичные процессы в действительности имели место на территории Центральной и Восточной Европы. Нам не трудно провести параллели с реальными историческими событиями и политическими процессами в Румынии, Венгрии, Словакии, Германии, Австрии и Чехии. Это подчеркивает то, что в большинстве регионов развитие национализма шло одними и теми же путями – от аграрного традиционного крестьянского сообщества к современной нации.

Если в своей книге «Нации и национализм» Э. Гэллнер предложил именно этот сценарий развития национализма, то в статье «Пришествие национализма» (1993)¹⁴⁶ автор несколько модифицирует свой концепт, указывая на то, что любой национализм на протяжении своего существования может пройти через пять этапов. Первый этап – это своеобразная отправная точка, когда «...существует мир, в котором этническое начало еще не выражено со всей очевидностью и почти полностью отсутствуют политические идеи, так или иначе связывающие его с легитимностью политической власти...»¹⁴⁷. С другой стороны, Гэллнер предостерегает от излишнего упрощения такого общества. Оно уже было не таким простым, как может показаться современному читателю, который пережил свою социализацию в совершенно другом, пост(индустриальном)информационном, обществе. Общество Европы накануне возникновения национализма представляло собой динамично развивающееся общество, в рамках которого «...наблюдался неуклонный экономический рост, шли необратимые политические и идеологические изменения, большого размаха достигла урбанизация...»¹⁴⁸.

На втором этапе мы наблюдаем сохранение старых политических границ и институтов, но уже начинается националистическая агитация¹⁴⁹. На данном этапе в рамках отдельных сообществ происходят значительные изменения, связанные с отказом от целого комплекса старых стереотипов. Старый мир начинает восприниматься как архаика, от которой не только можно, но и нужно отказаться. Именно тогда возникает идея о том, что каждой культуре будет соответствовать ее политическая организация, то есть государство. Политические элиты того времени располагали уже значительным арсеналом для реализации своих целей: они понимали, что

¹⁴⁵ Там же. – С. 229.

¹⁴⁶ Gellner E. The Coming of Nationalism / E. Gellner // Storia d'Europa. – 1993. – Vol. 1.

¹⁴⁷ Гэллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 161.

¹⁴⁸ Там же. – С. 163.

¹⁴⁹ Там же. – С. 162.

представителей других сообществ можно убивать, выселять, можно попытаться их ассимилировать, навязав им другие язык и культуру¹⁵⁰. В крайнем случае, элиты могли попытаться изменить политические границы, если три вышеупомянутых метода, в силу тех или иных обстоятельств, нельзя было применить на практике.

На третьем этапе происходит «...распад многонациональных империй, а вместе с ними и всех привычных форм династического и религиозного оправдания власти...»¹⁵¹. На смену принципу империй приходит националистический принцип. Это была эпоха интересного политического эксперимента, когда «...государство должно было странным образом выражать и представлять интересы всей нации, а не всей совокупности своих граждан...». Поэтому, интересы одних наций признавались в то время, как интересы и националистические aspirations других или не были замечены или были признаны вредными и даже опасными. Комментируя эту ситуацию, Э. Гэллнэр вынужден был констатировать, что «...в ситуации этнического разнообразия, характерного для Восточной Европы, бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна...»¹⁵².

Четвертый этап, пожалуй, самый неприятный из пяти периодов, предложенных Гэллнэром – на данном этапе возможна милитаризация национализма и он обретает свои наиболее уродливые проявления – массовые убийства, ассимиляционистские компании, геноцид¹⁵³. На этом этапе националистические элиты отказываются от того, что Гэллнэр называл «мягким методом достижения гомогенности», от ассимиляции, делая выбор в пользу более радикального инструментария «в устрашающих масштабах»¹⁵⁴. В этой ситуации, по мнению Э. Гэллнэра, страшно не то, что подобная политика привела к холокосту евреев и массовыми убийствам польского, русского, украинского и белорусского населения. Гэллнэр видел опасность в том, что мир, который сложился после военной катастрофы 1939 – 1945 годов, современному обывателю нравится куда больше, чем тот, который существовал до второй мировой войны.

Как не цинично это звучит, но Э. Гэллнэр полагал, что без ужасов второй мировой войны, не был бы построен современный мир: «...массовые убийства и принудительные переселения позволили привести в порядок этническую карту Восточной Европы, хотя и не полностью... уничтожению подверглись прежде всего народности, которые никак не вписывались в картину будущей Европы, воплощавшую

¹⁵⁰ Там же. – С. 166 – 167.

¹⁵¹ Там же. – С. 162.

¹⁵² Гэллнэр Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 168 – 169.

¹⁵³ Там же. – С. 162.

¹⁵⁴ Там же. – С. 170.

националистический идеал: соцветие гомогенных сообществ, радостно исповедующих каждое свою культуру и озабоченных в первую очередь процветанием именно своей культуры...»¹⁵⁵. Трудно судить как евреи, почти уничтоженные в Европе в период холокоста, не могли вписаться в будущую Европу. Наблюдая проникновение в Европу (как культурную общность) носителей неевропейских традиций (в первую очередь, турки в Германии), можно предположить, что в современной единой Европе нашлось место и для европейских евреев – довоенные евреи были в большей степени европейцами, чем сегодняшние турки.

На последнем, пятом, этапе общество уже насытилось крайностями своего собственного националистического опыта и стремится изжить крайности национализма¹⁵⁶. Националистический идеал тех, кто начал войны, сыграл с ними недобрую шутку: «...те, кто поддерживал романтический культ агрессии и национальной общины, потерпели поражение – по иронии судьбы, в той самой инстанции, которую они считали высшим и окончательным судом, – на поле брани...»¹⁵⁷. На смену геноциду националисты взяли на вооружение универсальный метод – выбор. Эрнэст Гэллнэр, в связи с этим, приводил абстрактный и отвлеченный пример, за которым легко просматривается несколько реальных исторических процессов в Восточной и Центральной Европе между завершением второй мировой войны и крушением коммунизма. Носитель языка и культуры А мог со своими родственниками и друзьями говорить на языке А, но на работе и в государственных учреждениях он повсеместно контактировал с носителями языка В. В такой ситуации у него оставался лишь выбор: ассимилироваться или стать националистом¹⁵⁸.

Такой выбор стоял перед украинской, белорусской, молдавской, латышской, литовской и другими национальными интеллигенциями в Советском Союзе, перед словаками в Чехословакии, перед хорватами, боснийскими мусульманами и албанцами в Югославии, перед венграми в Румынии... Примечательно то, что выбор в пользу ассимиляции делали маргиналы, которые не могли реализовать свои возможности в рамках того сообщества, к которому они принадлежали по факту рождения. Нередко такая добровольная ассимиляция преследовала цели карьерного роста и служебного продвижения. С другой стороны, сложно объяснить, почему их ассимилированные потомки в обществе, в пользу которого сделали выбор их родители, по-прежнему (например, ассимилированные латыши в современной Российской Федерации) остаются политическими маргиналами.

¹⁵⁵ Там же. – С. 170.

¹⁵⁶ Там же. – С. 162.

¹⁵⁷ Гэллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 174.

¹⁵⁸ Там же. – С. 176.

Эрнэст Гэллнэр полагал, что в процессе своего существования национализм никогда безраздельно не доминировал в мире, а, наоборот, сталкивался с различными конкурентами, вызовы которых нередко носили конструктивный характер. Иными словами, другие течения, кроме национализма, оспаривали его универсальность. Как бы ни была велика роль традиционных оппонентов национализма, коммунизма и религиозного фундаментализма, наиболее серьезные, опасные и конструктивные вызовы против национализма исходят от... другого национализма, если не явного, то потенциального. Периферийный национализм, который нередко противостоит признанному национализму центра, нередко возникает не из-за противостояния центра и периферии, а в силу особенностей политики центра в отношении периферийных районов. Комментируя эту особенность в процессе возникновения и становления национализма, Э. Гэллнэр писал, что «...неравный доступ к языку и культуре более развитого в политическом и экономическом отношении центра и удержание коренных жителей в рамках местных культур... возбуждает в их лидерах культурный и политический национализм...»¹⁵⁹.

Поэтому, в 1983 году Э. Гэллнэр поставил вопрос, который в условиях существования двух сверхдержав, политической мощи США и внешней незыблемости СССР казался риторическим и перманентно безответным: «Неужели за каждым национализмом стоят еще десять, ожидающие своей очереди?»¹⁶⁰. Отвечая на этот вопрос, Э. Гэллнэр высказал предположение, что т.н. новые национализмы неизбежно окажутся слабее старых. Это он был склонен мотивировать тем, что такие потенциально националистические сообщества в своей истории так же прошли через аграрный этап. Но в силу того, что на более раннем этапе эти территории были периферийными или не такими развитыми, как центральные, то в то время, когда центр переживает националистическое возрождение, они продолжают вести в значительной степени традиционный образ жизни, «не активизируя свой националистический потенциал и даже не пытаюсь этого сделать»¹⁶¹.

Начавшиеся в 1990-е годы военные конфликты на Балканах и на постсоветском пространстве показали, что Эрнэст Гэллнэр был не совсем прав – новые национализмы оказались не менее агрессивными, влиятельными и мощными средствами политической и национальной мобилизации масс. Кто бы в 1983 году мог подумать о силе и мощи двух внутренних периферийных национализмов – боснийского на Балканах и чеченского на Северном Кавказе. Однако сочетание политической воли местных национальных элит с националистическим чувством масс,

¹⁵⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 147.

¹⁶⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 106.

¹⁶¹ Там же. – С. 107.

изрядно сдобренных религиозным фанатизмом и фундаментализмом привело не просто к институционализации национализма, но к военному конфликту. В Чечне этот мобилизационный потенциал национализма пока «сработал» дважды.

В первой половине 1980-х годов Эрнэст Гэллнэр не мог предсказать распад Советского Союза и, как результат, своеобразный националистический ренессанс на просторах Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. В 1994 году, в период работы над своей последней книгой, Гэллнэр был вынужден обратиться к крушению коммунизма как неотъемлемому фактору в новейшей истории национализма. Гэллнэр признал, что в свое время «...марксизм сыграл чрезвычайно важную, хотя несколько странную роль в мировой истории...». Конфронтация между национализмом и марксизмом (особенно – в его коммунистической форме) состояла в том, что коммунисты поставили под сомнение не только роль национализма, но и существование самих наций. Эрнэст Гэллнэр, комментируя эти мессианские устремления и aspirations, которые, по его мнению, были присущи коммунизму, писал, что «...марксизм стал первой откровенно светской системой убеждений, возведенной в ранг мировой религии, ставшей государственной идеологией во многих, часто весьма влиятельных, странах, в том числе в сверхдержавах...»¹⁶². Однако, вероятно, эти амбиции и не позволили марксизму трансформироваться из одного из социально-экономических экспериментов XX столетия в успешный политический проект. С другой стороны, поставив под сомнение сам факт существования наций, марксизм начал отрицать одни из системообразующих элементов общества.

Иными словами, крах европейского коммунизма стал не результатом происков конспирологических кругов на западе (как пытаются доказать националисты в ряде постсоветских стран – причем, для этих националистов характерно удивительное сочетание националистических лозунгов с явно коммунистическими настроениями), которые нередко оказывали помощь и поддерживали местных националистов, находившихся в оппозиции левоориентированным режимам. Внутренние противоречия подточили древо мировой социалистической системы, которая казалась незыблемой и ее оппонентам и ее адептам. Национализм, вероятно, и был среди этих внутренних противоречий, но не ему принадлежит заслуга победы над марксизмом, что понимал и Э. Гэллнэр. Более того, крах марксизма показал ограниченность националистического вызова, который оказался продуктивным фактически только в Европе. На Востоке же (в первую очередь – в Китае и в Северной Корее) национализм в настоящее время пребывает среди политических аутсайдеров.

¹⁶² Гэллнер Э. Условия свободы. – С. 41.

То, что в одних регионах национализм развивается как мирное, преимущественно – культурное или языковое движение, а в других приводит к началу вооруженных конфликтов, доказывает, что национализм является далеко не единым и не целостным феноменом. В такой ситуации, появляется проблема типологии национализмов, или, по словам Э. Гэллнера, «разнообразия националистического опыта»¹⁶³. В этом контексте Эрнест Гэллнер подчеркивает, что уже его предшественники попытались свести типологию национализмов к дихотомии, разделив национализм на два больших типа – западный и восточный. В то время как западные национализмы оперировали категориями «высокой культуры»¹⁶⁴, нередко действуя именно в ее интересах, то восточные национализмы вообще действовали во имя и ради культур, которым еще предстояло возникнуть, институционализироваться в определенные формы. Гэллнер, в целом, принимал эту классификацию, добавляя третий, промежуточный, тип национализма – национализм диаспоры.

Несмотря на то, что Э. Гэллнер в ограниченном виде принимал деление национализма на западный и восточный, он не был склонен преувеличивать существовавшие между ними различия и расхождения. В то время, как на Западе «...за Западе национализм возникает в результате того, что высокая культура – культура грамотного меньшинства распространяется до границ всего сообщества и становится отличительным признаком принадлежности к нему каждого члена...», для Востока была характерна в значительной степени аналогичная ситуация: «...то же самое происходит и в исламе, только здесь это находит выражение в фундаментализме, чем национализме, хотя порой эти два течения объединяют свои усилия...»¹⁶⁵. В такой ситуации исламский фундаментализм может взять на себя функции, которые в Европе в свое время выполнил политический национализм: «...исламский фундаментализм – это пуританское движение – способен сыграть в точности ту же роль, которую в Европе сыграл национализм – представить новую идентичность...»¹⁶⁶.

Иными словами, Гэллнер предостерегал от того, чтобы видеть в фундаментализме исключительно отрицательное и антизападное течение. По его мнению, фундаментализм таит в себе немалый модернизационный потенциал. В свое время пуритане были первыми английскими националистами, а европейские национализмы достаточно долго сохраняли свою активность, периодически перекраивая карту Европы. К середине 1990-х годов, как полагал Э. Гэллнер, лучшие годы для национализма остались в прошлом. Гэллнер высказывал мнение, что

¹⁶³ Гэллнер Э. Нации и национализм. – С. 206.

¹⁶⁴ Там же. – С. 209 – 211.

¹⁶⁵ Гэллнер Э. Условия свободы. – С. 32.

¹⁶⁶ Гэллнер Э. Условия свободы. – С. 34.

европейская политическая культура, которая в свое время и породила национализм, отказывается от этого плода странной любви политического рационализма и религиозного фанатизма. В одной из последних работ Э. Гэллнэр был вынужден признать, что европейцы уже не хотят быть ни националистами, ни даже социалистами. В 1993 году, в статье «Пришествие национализма»¹⁶⁷, Гэллнэр констатировал, что Европе не нужен ни социалистический, ни националистический миф.

1.2. Интеллектуальный конструктивизм и изучение национализма: теория «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона

Основоположником интеллектуального конструктивизма в изучении наций и национализма мы можем считать Бенедикта Андерсона – автора книги, которая уже успела выдержать несколько изданий на языке оригинала и была переведена на несколько европейских языков¹⁶⁸. Речь идет о книге «Воображаемые сообщества», которая стала классическим трудом и прочно вошла в число книг, обязательно рекомендуемых для чтения студентами, изучающими националистический феномен.

Бенедикт Андерсон (Benedict Richard O'Gorman Anderson) родился 26 августа 1936 года в Куньмине на территории Китая, где прошло его раннее детство. Родителями будущего социолога был британский таможенный чиновник ирландского происхождения, а мать происходила из семьи англо-шотландского происхождения. По воспоминаниям Бенедикта Андерсона, его отец отличался прокитайскими настроениями. Кроме этого родители принимали участие в ирландском националистическом движении. Несмотря на семейную предрасположенность, Андерсон сделал выбор в пользу изучения Востока. В 1941 году семья переезжает в США. В 1957 году Бенедикт Андерсон получил степень бакалавра в Кэмбридже. После этого по программе «индонезийских исследований» (Indonesian Studies) Андерсон уезжает в Корнэллский Университет (Cornell University), где начинает работу над докторской диссертацией под руководством ведущих в то время специалистов по Индонезии Джорджа Кахина (George Kahin) и Клэр Холт (Clair Holt).

С 1961 по 1965 год Андерсон жил в Индонезии, откуда был выслан после военного переворота. К тому времени он успел опубликовать три работы, где пытался проанализировать причины событий, произошедших в

¹⁶⁷ Gellner E. The Coming of Nationalism / E. Gellner // Storia d'Europa. – 1993. – Vol. 1.

¹⁶⁸ См. например издания на некоторых языках Восточной Европы: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001. Оба перевода выполнены очень качественно (русская версия – В. Николаев, украинская версия – Виктор Морозов). Украинское издание выгодно отличается подстрочными примечаниями и более крупным шрифтом, что несколько облегчает чтение.

Индонезии, доказывая, что на вооруженных силах лежит не меньшая ответственность, чем на коммунистах, которых пытались обвинить в перевороте. Это вызвало недовольство военных властей. В результате Андерсон был депортирован без права въезда в страну. После депортации из Индонезии Бенедикт Андерсон прожил несколько лет в Таиланде. В конце 1960-х годов Андерсон начинает преподавать в Корнэллском Университете¹⁶⁹. С конца 1960-х годов Андерсон опубликовал ряд монографий и несколько десятков статей, став одним из крупнейших в англоязычном научно-исследовательском сообществе специалистов по Индонезии¹⁷⁰.

Первая оригинальная версия «Воображаемых сообществ» вышла в 1983 году. Книга была встречена неоднозначно. Одной из первых прореагировала Фадиа Рафиди, которая указала на то, что Андерсон не совсем полно отразил в книге проблемы, связанные с арабским миром. Она акцентировала внимание на том, что история самого арабского языка и связанного с ним национализма не вписывается в общую концепцию, предложенную Андерсоном. Рафиди отметила, что по сравнению с европейскими языками, арабский на протяжении своей истории изменился незначительно и арабский национализм не знает т.н. лингвистического этапа в своей истории¹⁷¹. Критика со стороны Рафиди основывалась, главным образом, на примордиалистской аргументации и рефлексии о длительной истории арабов и арабского мира.

Андерсон придерживается мнения, что изучение наций и национализма – дело не только крайне интересное для социолога, политолога и литературоведа, но и крайне сложное и опасное: «...нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря уже о том, что трудно анализировать. На фоне колоссального влияния, оказанного национализмом на современный мир, убогость благовидной теории национализма «Воображаемых сообществ» прямо-таки бросается в глаза...»¹⁷².

¹⁶⁹ Биографическая информация о Бенедикте Андерсоне доступна в Интернете. См. сайт Университета Эмори: <http://www.english.emory.edu/Bahri/Anderson.html> Информация на русском языке доступна по адресу: http://www.archipelag.ru/index/biography_anderson/ На первом сайте читатель сможет найти фотографию Б. Андерсона, библиографию и интересную коллекцию цитат на английском языке. Второй сайт дает краткие биографические сведения.

¹⁷⁰ Anderson B. Java in the Time of Revolution / B. Anderson. – NY., 1972; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – NY., 1983; Anderson B. Literature and Politics in Siam in the American Era / B. Anderson. – Ithaca, 1986; Anderson B. Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia / B. Anderson. – NY., 1990; Anderson B. Spectres of Comparison / B. Anderson. – NY., 1998.

¹⁷¹ Оригинальная версия текста рецензии доступна на английском языке на сайте Университета Беркли. См.: <http://socrates.berkeley.edu/~mescha/bookrev/Anderson,Benedict.html>

¹⁷² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001. – С. 26.

Бенедикт Андерсон полагает, что исследователь, вставший на путь изучения национализма, берет на себя не только значительную ответственность, но и мужество. По мнению Б. Андерсона, для успешного изучения и анализа национализма мало навыков политологического, социологического и исторического анализа. Андерсон предлагает выделить категорию, которая может в отечественном исследовательском сообществе с его советским прошлым и верой в построение нового общества, показаться неуместной. Андерсон в данном случае говорит и пишет о... стыде. Сама категория стыда не вписывалась в методологический инструментарий советского обществоведения, а советским исследователям было отказано в праве сомневаться в правильности и верности общего направления в развитии гуманитарных наук. Более того, Андерсон полагает, что чувство стыда должно быть характерно и для т.н. профессиональных журналистов. В одном из интервью Б. Андерсон указал на то, что «...если вы не чувствуете стыда за свою страну, вы не можете быть националистом...»¹⁷³. Таким образом, Б. Андерсон пытается в исследовании национализма привнести и этическую составляющую.

Для Б. Андерсона национализм – явление, в первую очередь, культурного плана: «...национализм являются особого рода культурными артефактами. И чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью... я также попытаюсь показать, почему эти особые культурные артефакты породили в людях такие глубокие привязанности...»¹⁷⁴.

Иными словами, Бенедикт Андерсон принадлежит к числу наиболее убежденных (и талантливых) сторонников конструктивистского подхода в изучении национализма. От других конструктивистов его отличает оригинальный исследовательский прием: в центре его анализа не национализм в классическом оформленном виде, а национализм и нация в процессе воображения в рамках того или иного интеллектуального сообщества.

По признанию Б. Андерсона толчком для написания послужили военно-политические события 1978 – 1979 годов на территории Индокитая и попытки проанализировать не просто трансформацию национализма в социалистических странах, но и возможности военно-политического столкновения между социалистическими государствами, что казалось для Андерсона тогда актуальной задачей, ибо число подобных государств было велико: «...вооруженные конфликты 1978—1979 гг. в Индокитае, давшие прямой повод для написания первого варианта “Воображаемых

¹⁷³ См.: <http://www.sai.uio.no/interviews/anderson>

¹⁷⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 27.

сообществ”, теперь, по прошествии всего-то двенадцати лет, кажутся уже принадлежащими другой эпохе. Тогда меня тревожила перспектива грядущих полномасштабных войн между социалистическими странами. Теперь половина из них отправилась в лучший мир, а остальные живут в опасении скоро за ними последовать. Войны, с которыми сталкиваются выжившие — гражданские войны. Скорее всего, к началу нового тысячелетия от Союза Советских Социалистических Республик не останется почти ничего, кроме... республик...»¹⁷⁵.

В «Воображаемых сообществах», которые вызвали достаточно противоречивые отклики в академическом сообществе, Андерсон придерживается достаточно распространенной и популярной среди западного академического и политического сообщества концепции о том, что история XX века может быть описана и написана в категориях острой конфронтации двух «великих» идеологий марксизма (особенно в его советском варианте) и национализма: «...теория национализма представляет собой великую историческую неудачу марксизма ... национализм оказался для марксистской теории неудобной аномалией, и по этой причине она его скорее избегала, нежели пыталась как-то с ним справиться»¹⁷⁶.

И в этой конфронтации победителем вышел национализм в силу того, что коммунизм был только социально-экономическим экспериментом, теоретики которого не смогли отменить нации, хотя они и пытались это сделать, культивируя в СССР идеологему о существовании «советского народа – новой общности людей». Андерсон полагал, что исследователи-марксисты и их оппоненты в изучении национализма невольно или намеренно допустили одну серьезную ошибку. Вместо анализа, они попытались спасти и реанимировать национализм как феномен – движение, идеологию, концепт. В качестве выхода из этого методологического тупика Андерсон видит отказ от выработанного методологического инструментария описания и анализа национализма: «...при обсуждении данной темы как марксистская, так и либеральная теория увязли в запоздалых птолемеевых попытках «спасти явления», а потому настоятельно необходимо переориентировать перспективу в коперниканском, так сказать, духе...»¹⁷⁷.

Андерсон уже в начале 1980-х годов вступил в полемику с советскими идеологическими концепциями национализма и национальных отношений в социалистических странах. В то время, как советские, в первую очередь, обществоведы развивали концепцию, согласно которой в социалистическом обществе идет постепенный процесс размывания границ между отдельными нациями и исчезновение националистически

¹⁷⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 19.

¹⁷⁶ Там же. – С. 26.

¹⁷⁷ Там же. – С. 27.

маркированной политической конфронтации, то Андерсон предположил, что фактор национализма является универсальным и политический режим не в состоянии полностью подавить или вытеснить национализм на периферию политического процесса. В связи с этим Бенедикт Андерсон писал, что «...в истории марксизма и марксистских движений настает время фундаментальных трансформаций, возможно, пока еще не вполне заметных. И самые очевидные их приметы – недавние войны между Вьетнамом, Камбоджей и Китаем. Эти войны имеют всемирно-историческое значение, поскольку это первые войны между режимами, чья независимость и революционная репутация не вызывают никаких сомнений, и поскольку каждая из противоборствующих сторон ограничилась лишь самыми поверхностными попытками оправдать кровопролитие, опираясь на легко узнаваемую марксистскую теоретическую перспективу. Если китайско-советские пограничные столкновения 1969 года и советские военные вторжения в Германию (1953), Венгрию (1956), Чехословакию (1968) и Афганистан (1980) еще можно было интерпретировать – в зависимости от вкуса – в категориях “социал-империализма”, “защиты социализма” и т. д., то никто, как мне кажется, всерьез не верит, что такая лексика имеет хоть какое-то отношение к тому, что произошло в Индокитае...»¹⁷⁸.

Как видим, в данном случае Б. Андерсон достаточно легко ориентируется в восточной истории, но для него, профессионального востоковеда, не было характерно замыкание на сюжетах, связанных исключительно с Востоком. Андерсон полагал, что если такая ситуация стала возможной на Востоке, то значительна вероятность ее повторения и в Европе. Андерсон полагал, что на европейском континенте так же возможна конфронтация между государствами, которые указывают на свою социалистическую природу: «...кто может быть уверен, что однажды не вступят в драку Югославия и Албания? Те разношерстные группы, что так упорно добиваются изгнания Красной Армии из ее лагерей в Восточной Европе, должны вспомнить о той огромной роли, которую играло ее повсеместное присутствие после 1945 года в недопущении вооруженных конфликтов между марксистскими режимами региона...»¹⁷⁹.

Особенность ситуации в Европе состояла бы в том, что там ... не было бы ничего особенного. Конфликт мог разгореться не из-за политических, а, в первую очередь, взаимных национальных и / националистических претензий. В начале 1980-х годов Б. Андерсон полагал, что «наилучшими» кандидатами на участие в этом конфликте являются два государства, которые декларировали свой социалистический характер, но смогли достаточно далеко отойти от того одиозного и догматического социалистического эксперимента, который развивался в Советском Союзе.

¹⁷⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 24.

¹⁷⁹ Там же. – С. 25.

Андерсон немного ошибся: конфликт стал возможен не между Албанией и СФРЮ, а между албанским Косово и Сербией. Проблема состояла в том, что социалистическая риторика могла бы несколько смягчить остроту этого конфликта. К началу же конфликта и албанское и движение и сербское руководство в одинаковой степени оперировали и отдавали приоритет именно националистическому политическому языку.

Если подобные государства были обречены на то, чтобы сталкиваться именно с этническим национализмом, то, мнению Андерсона, в Европе после завершения второй мировой войны сохранились две державы (которые не просто претендовали на статус великих, но и таковыми являлись – СССР и Великобритания), столкнувшиеся в политическом национализмом: «...то обстоятельство, что Советский Союз разделяет с Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии редкостное качество отказа от национальности в своем именовании, предполагает, что он является в такой же степени наследником донациональных династических государств XIX века, в какой и предшественником интернационалистского порядка XXI века...»¹⁸⁰.

Но по своему деструктивному эффекту политический национализм ничуть не уступает этническому. Иногда этнический национализм стремится к достижению равных прав носителей одного языка с носителями другого. Такие националисты не ставят политических требований. Политические же националисты, наоборот, более радикальны и последовательны в попытках реализации своего националистического опыта, стремясь добиться не только равноправия, но и в перспективе полной институционализации путем создания своего, национального, государства.

Поэтому, Андерсон настроен весьма скептически относительно тех теорий, авторы которых пророчат скорую смерть нации и отмирание национализма перед лицом постепенной, все более углубляющейся, интеграции и глобализации: «...многие “старые нации”, считавшиеся некогда полностью консолидированными, оказываются перед лицом вызова, бросаемого “дочерними” национализмами в их границах – национализмами, которые, естественно, только и мечтают о том, чтобы в один прекрасный день избавиться от этого “дочернего” статуса. Реальность вполне ясна: «конец эпохи национализма», который так долго пророчили, еще очень и очень далеко. Быть нацией – это, по сути, самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени...»¹⁸¹.

¹⁸⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 25.

¹⁸¹ Там же. – С. 25.

В данном случае Б. Андерсон во многом солидарен с Э. Гэллнэром¹⁸², который полагал, что за любым национализмом стоит еще десять потенциальных, которые ждут своей очереди. Если подобная участь уготована национализму, то нация обречена на дефрагментацию. Вероятно, к счастью, для мирового сообщества мир в конце XX века столкнулся с вызовом международного терроризма, который, наоборот, привел к консолидации в политической сфере некоторых западных наций. Необходимость борьбы против международного терроризма освободила Европу, Россию и Восток от борьбы с собственной дефрагментацией. В этой ситуации, опасен не сам терроризм, а то, что, рано или поздно, он будет побежден и тогда проблема дефрагментации снова станет на повестку дня.

Вероятно, если выше мы упомянули Э. Гэллнэра, следует вспомнить, что Гэллнэр в принципе принимал типологию и разделение национализма по линии «Запад / Восток». Для Б. Андерсона характерно скептическое отношение к этому концепту. Андерсон критикует его за излишний европоцентризм, указывая на то, что его сторонники историю восточных национализмом знают хуже чем историю европейских или не знают вовсе. В связи с этим Андерсон пишет: «...я не думаю, что наиболее важные различия между национализмами - в прошлом, настоящем или ближайшем будущем - проходят по линии Восток-Запад. Самые старые национализмы Азии - здесь я имею в виду Индию, Филиппины и Японию – намного старше многих европейских – корсиканского, шотландского, новозеландского, эстонского, австралийского и т.д. Филиппинский национализм в своих истоках и взглядах по понятным причинам походит на кубинский и на национализм континентальной Латинской Америки; подобие национализма Мэйдзи мы находим в османской Турции, царской России и Британской империи; индийский национализм аналогичен тем национализмам, которые можно найти в Ирландии и Египте. Следует добавить, что представления людей о Востоке и Западе со временем менялись...»¹⁸³.

Бенедикт Андерсон считает, что те проявления националистического опыта, которые знает история Европы, вовсе нехарактерны для восточных национализмов. Например, в Европе империи пытались использовать политику т.н. «официального национализма», который проявлялся в потугах русифицировать поляков и украинцев в России, германизировать поляков в Германии, отуречить арабов в Османской Империи. Все эти

¹⁸² При этом, о взглядах Э. Гэллнэра на национализм Б. Андерсон отзывался буквально следующим образом: «...I must be the only one writing about nationalism who doesn't think it ugly. If you think about researchers such as Gellner and Hobsbawm, they have quite a hostile attitude to nationalism. I actually think that nationalism can be an attractive ideology. I like its Utopian elements...». См.: <http://www.sai.uio.no/interviews/anderson>

¹⁸³ Андерсон Б. Західний націоналізм і східний націоналізм: чи є між ними різниця / Б. Андерсон // І. Незалежний культурологічний часопис. – 2003. – Число 28.

движения известны в истории Европы. Знает ли такое Восток? Андерсон полагает, что история, например, Японии знает обратный феномен, когда айнам запрещали перенимать японские обычаи и говорить по-японски. Кроме этого, по мнению Андерсона, мы можем найти значительные расхождения в языковой тактике западных (европейских) и восточных (индийских, филиппинских, индонезийских и пр.) националистов. Однако, все эти замечания не носят у Бенедикта Андерсона принципиального характера. Он полагает, что и в Европе и на Востоке национализм преследовал одну цель – создать свое «воображаемое сообщество», свою нацию. Проблема путей, которыми европейские и восточные националисты, шли к этой цели, второстепенна. В такой ситуации для Б. Андерсона «...сколько-нибудь четкого и ясного различия между азиатским и европейским национализмом провести невозможно...»¹⁸⁴.

В этом контексте становится очевидной вся сложность изучения и научного анализа национализма. Исследователь национализма может столкнуться не просто с нежеланием властей, чтобы он не изучал эту тему, которая в многонациональных государствах с неокрепшими демократическими институтами кажется неудобной и неправильной. Главными оппонентами в этой ситуации не являются носителями государственной власти. Главные критики – это профессиональные историки и националисты: «...теоретиков национализма часто ставил в тупик, если не сказать раздражал, следующий парадокс: объективная современность наций в глазах историка, с одной стороны, и субъективная их древность в глазах националиста, с другой...»¹⁸⁵. Но эта почти неразрешимая дилемма не является единственным препятствием на пути научного изучения национализма.

Историк, политолог, социолог или литературовед, который поставит перед собой целью изучения национализма объективно столкнется с одной принципиальной сложностью, суть которой состоит в следующем: в то время, как социальные, политические и исторические науки имеют своих классиков, то национализм, по словам Б. Андерсона, «...так и не породил собственных великих мыслителей: гоббсов, токвилей, марксов или веберов...»¹⁸⁶. В такой ситуации возникает проблема кого и как изучать. Исследователю национализма приходится становиться исследователем национализмов. В изучении трудов немецких и русских националистов (равно как и всех прочих), возможно, и не так много приятного как в чтении классических текстов национальных литератур.

Но, принимая во внимания, что национальные литературы сосуществовали с национализмами, а некоторые были порождениями националистических движений, своеобразными наиболее удачными

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 27.

¹⁸⁶ Там же. – С. 28.

национальными проектами, не остается ничего иного как анализировать труды националистических теоретиков, некоторые из которых отличаются не только отсутствием системного изложения, но и наличием значительного экстремистского заряда, который отторгается сознанием большинства представителей исследовательского сообщества. Однако от трудов классиков различных националистов абстрагироваться невозможно. Именно националисты в свое время создали свои нации. Они их выстрадали, построили, вообразили, доказали их право на существование. Многие из них в этом процессе и погибли.

Но, вероятно, благодаря значительному националистическому опыту, накопленным разными национализмами во всем мире, который нашел свое отражение, как в научном, так и художественном дискурсе, Б. Андерсон и смог сформулировать определение нации следующим образом: «...поступая так, как обычно поступают в антропологии, я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное...»¹⁸⁷. Почему Б. Андерсон определяет нацию как именно «воображаемое сообщество». В данном случае мы имеем дело с воображением двойственного плана.

С одной стороны, «...оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности...»¹⁸⁸. С другой стороны, нация ежедневно и ежечасно воображается своими интеллектуалами. Это находит отражение в их деятельности. Литература призвана доказать наличие у нации языка и утвердить ее среди других национальных соседних литератур. Вероятно, историческая наука в этой ситуации теряет свой самостоятельный статус, становясь постоянной рефлексией националистически ориентированных интеллектуалов о прошлом своего сообщества.

Но национальное воображение ограничивает националистов – они стремятся вообразить и, тем самым, институционализировать исключительно свою собственную нацию. Другие, соседние, нации им в лучшем случае не интересны. Таким образом, сила национального воображения и интеллектуального сообщества предстает перед нами в весьма ограниченном виде: «...нация воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации. Ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством. Даже наиболее мессиански настроенные националисты не грезят о том дне, когда все члены рода

¹⁸⁷ Там же. – С. 28.

¹⁸⁸ Там же. – С. 29.

человеческого вольются в их нацию, как это было возможно в некоторые эпохи, когда, скажем, христиане могли мечтать о всецело христианской планете...»¹⁸⁹.

На этом фоне претензии советских коммунистов, которые в свое время пытались построить новую общность людей «советский народ» и доказать, что коммунизм является «светлым будущим всего человечества», выглядят не более чем аномальными, ничем не подкрепленными амбициями. Вероятно, если бы советские коммунисты строили коммунизм в национальных тонах, как югославские коммунисты, кто знает, прекратился бы этот политический эксперимент в 1991 году? Но история не знает сослагательного наклонения – поэтому, обратимся к различным проявлениям националистического опыта, которые анализирует Бенедикт Андерсон. В той концепции национализма, которую предлагает Андерсон культурный фактор играет очень значительную роль.

В связи с этим Б. Андерсон пишет, что «...я всего лишь предполагаю, что для понимания национализма следует связывать его не с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых – а вместе с тем и в противовес которым – он появился...»¹⁹⁰. Культура, особенно – национальная культура, может быть той сферой, где наиболее максимально и крайне широко разворачиваются националистические чувства. Монументальная сторона культуры открывает еще более широкий простор для выражения своих национальных амбиций.

Именно поэтому, Бенедикт Андерсон писал, что «...у современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата. Публичное церемониальное благоговение, с каким относятся к этим памятникам именно в силу того, что либо они намеренно оставляются пустыми, либо никто не знает, кто в них лежит, поистине не имеет прецедентов в прежней истории...»¹⁹¹. На фоне событий весны 2007 года в Таллинне сложно переоценить правоту этого утверждения Б. Андерсона. С другой стороны, таллиннские события, связанные с переносом памятника «Бронзового Солдата» и останков похороненных там советских воинов (сам Андерсон, вероятно, оценил бы эти действия крайне негативно, комментируя подобные мероприятия как «...поистине кощунство странного, современного типа...»¹⁹²) из исторического центра на Военное кладбище, демонстрирует различные дискурсы национализма.

¹⁸⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 30.

¹⁹⁰ Там же. – С. 33.

¹⁹¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 31.

¹⁹² Там же. – С. 31.

Однако за всеми этими событиями, связанными с таллинскими волнениями и националистической истерией, которая стимулировалась в Эстонии и в России, исследовательское сообщество почти забыло о том, что это памятник вполне интегрируем в особый дискурс эстонского национализма, о котором не хотят вспоминать ни эстонские, ни российские националисты. Речь идет о крайне интересном, но почти неизученном слое в эстонском национализме, связанным с попытками сформировать особую советскую, лояльную Москве, но вместе с тем и эстонскую идентичность. Этот памятник можно в таком контексте понимать не как наследие советской оккупации, а как памятник неудачной попытке соединить эстонский национализм (кстати, позировал для памятника этнический эстонец) с советским коммунизмом.

Памятники неизвестным солдатам – это монументы, которые, в первую очередь, обращаются к национальному чувству. Только национализм является той политической идеологией, которая создает культ павших героев: «...культурное значение таких памятников становится еще более ясным, если попытаться представить себе, скажем, Могилу неизвестного марксиста или Памятник павшим либералам. Можно ли при этом избежать ощущения абсурдности? Дело в том, что ни марксизм, ни либерализм не слишком-то озабочены проблемой смерти и бессмертия. И если националистическое воображение проявляет такую заботу, то тем самым предполагается его тесное духовное родство с религиозным воображением...»¹⁹³.

Памятники неизвестным солдатам универсальны для любого национализма. Они быстро возникают и глубоко интегрируются в любую националистическую культуру. С одной стороны, эстонский национализм недооценил, как важен этот памятник не только для русских националистов, но и для простых русскоязычных граждан и жителей Эстонии. С другой стороны, сами русские националисты выбрали неверную тактику однозначного позиционирования этого памятника не как русского (значительное количество русских памятников мирно существует в эстонском ландшафте), а как «советского» при общей аллергии эстонских властей на все проявления и атрибуты советской оккупации. Иными словами, эстонский националист мог понять русского, но само понятие «советский националист» / «советский патриот» звучит в современной Эстонии как нонсенс.

Но отойдем от постсоветской тематики, анализ которой характерен для Б. Андерсона в наименьшей степени. Мы помним, что в свое время Эрнэст Гэллнэр значительное внимание уделял фактору ислама, полагая, что он может пролить свет на особенности функционирования национализма и выяснения известного нам «разнообразия

¹⁹³ Там же. – С. 31.

националистического опыта». Бенедикт Андерсон, как профессиональный востоковед (специалист по Индонезии), тоже не был чужд интереса к исламу. Андерсон в «Воображаемых сообществах» высказал мысль, что ислам абстрактно или принадлежность к исламской умме в частности могут оказывать и оказывают влияние на формирование отдельных региональных или локальных «воображаемых сообществ».

Ислам может акцентировать принадлежность к воображаемому сообществу как нации (например, индонезийцам, арабам, туркам), но, с другой стороны, более широкому сообществу – большой исламской умме. Хадж – один из наиболее действенных способов подчеркнуть свою идентичность («...религиозные паломничества – это, вероятно, самые трогательные и грандиозные путешествия воображения...»¹⁹⁴), продекларировать для верующих мусульман свою принадлежность к двум сообществам – своей нации, к которой они непосредственно в силу рождения и социализации принадлежат, и к исламской умме, к которой они тяготеют в виду религиозного воспитания.

В связи с этим Б. Андерсон писал, что «...уже ранее отмечалось, странное физическое соседство малайцев, персов, индийцев, берберов и турок в Мекке есть нечто непостижимое без отлившегося в какую-то форму представления об их общности. Бербер, сталкиваясь с малайцем у ворот Каабы, образно говоря, должен спросить самого себя: “Почему этот человек делает то же, что и я делаю, произносит те же слова, что и я произношу, хотя мы не можем даже поговорить друг с другом?” И как только возникает такой вопрос, на него существует один-единственный ответ: “Потому что мы... мусульмане”. Разумеется, в хореографии великих религиозных паломничеств всегда была некая двойственность: огромные толпы неграмотных людей, говоривших на своих родных языках, обеспечивали плотную, физическую реальность церемониального перехода; и в то же время небольшой сегмент грамотных двуязычных адептов из разных языковых сообществ выполнял объединяющие обряды, истолковывая соответствующим группам приверженцев смысл их коллективного движения...»¹⁹⁵.

Но и в данном случае передача не просто религиозного опыта, но и информации о принадлежности / непринадлежности к тому или иному сообществу, как видим, является почти исключительно делом грамотного большинства, интеллектуалов, то есть тех, кого Э. Гэллнэр называл носителями высокой культуры. Таким образом, нация формируется усилиями интеллектуалов как некое воображаемое и воображенное сообщество. В то время, как большинство носителей того или иного языка являются этнической массой, которой силой воображения интеллектуалов

¹⁹⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 76.

¹⁹⁵ Там же. – С. 75.

суждено стать нацией, эти самые интеллектуалы уже мысленно для себя санкционировали ее существование.

Значительное внимание Б. Андерсон в своих исследованиях, посвященных национализму, уделяет Индонезии. Интерес представляет попытка американского ученого интерпретировать новейшую историю этой страны в категориях национализма, идентичности и серийности. В одной из своих статей по индонезийской тематике Андерсон пишет, что существуют «...проблемы формирования коллективных субъективностей в современном мире посредством рассмотрения материальной, институциональной и дискурсивной основ, которые неизбежно порождают два полностью противоположных типа серийности – неограниченной и ограниченной. Примером неограниченной серийности, восходящей в своих истоках к печатному рынку, особенно к газетам и к ярмарочным представлениям, служат такие открытые к миру множества, как националисты, анархисты, бюрократы и рабочие... серийность делает, например, нормальным, совершенно непарадоксальным институтом Организацию Объединенных Наций. Примером ограниченной серийности, которая восходит в своих истоках к правительственной власти, особенно к таким институтам, как перепись и выборы, служат конечные серии ...»¹⁹⁶.

Для отечественных специалистов по Индонезии и для студентов, которые специализируются на изучении региона, может представлять интерес попытка Б. Андерсона в категориях ограниченной серийности проанализировать один из первых (29 февраля 1920 года) националистических митингов в Делангу – небольшом городе на Центральной Яве. В центре внимания Андерсона – речь индонезийского националиста, мусульманина и коммуниста, Хаджи Мисбаха¹⁹⁷. Андерсон полагает, что речь сыграла особую роль в конструировании не просто индонезийской идентичности, но националистической перцепции событий, происходящих в Европе. Согласно Б. Андерсону, такие репрезентации были весьма полезны и продуктивны в процессе развития национализма: «...из этой логики серий возникла новая грамматика репрезентации, которая также была предпосылкой для воображения нации. Позднеколониальная обстановка особенно полезна для понимания этого

¹⁹⁶ Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Б. Андерсон // Логос. – 2006. – № 2.

¹⁹⁷ В своем выступлении Хаджи Мисбах сказал следующее: «...современную эпоху вполне можно назвать джаман балик бозоно, ибо то, что обычно находилось наверху, теперь оказалось внизу. Говорят, что в стране Оостенрийк, которой обычно правит раджа, сейчас произошел балик бозоно. Теперь ею правит Республика, а многие амбтенаар убиты Республикой. Как только бывший амбтенаар высовывает нос на улицу, ему сразу же перерезают глотку. Так что, братья, помните! Земля принадлежит только нам...». Следует пояснить значение некоторых слов: джаман балик бозоно – древнеяванское народное выражение, означающее «эпоха мира, перевернутого с ног на голову»; Оостенрийк – голландское название Австро-Венгрии; раджа – монарх на индонезийском языке; амбтенаар – «правительственные чиновники». См.: Shiraishi T. An Age in Motion: Popular Radicalism in Java, 1912-1926 / T. Shiraishi. – NY., 1990. – P. 193.

развития, потому что она позволяет увидеть, что логика действовала одинаково, хотя и в разной институциональной среде, среди белых правителей и цветных подданных...»¹⁹⁸.

Анализируя феномен собственно воображаемых сообществ, Б. Андерсон уделяет особое внимание истории государств, которые образовались в Северной и в Южной Америках, на базе европейских колоний. Именно в них он склонен видеть не просто одну из первых попыток реализации националистического принципа, а первый удачный эксперимент по созданию новых национальных государств и вместе с ними новых политических наций. Подобные государства Б. Андерсон предлагает определять как креольские: «...ведем ли мы речь о Бразилии, США или бывших колониях Испании, во всех этих случаях язык не был элементом, дифференцирующим их от соответствующих имперских метрополий. Все они, в том числе США, были креольскими государствами, которые создали и возглавляли люди, имевшие общий язык и общее происхождение с теми, против кого они боролись...»¹⁹⁹.

Таким образом, на данном этапе националистический опыт рассматривался как в первую очередь опыт именно политический в то время, как этническая проблематика еще не встала на повестку дня: «...в таких важных случаях, как Венесуэла, Мексика и Перу, одним из ключевых факторов, который с самого начала подстегивал стремление к независимости от Мадрида, было вовсе не стремление вовлечь низшие классы в политическую жизнь, а, напротив, страх перед политическими мобилизациями низших классов...»²⁰⁰. Ранний политический национализм, который был характерен, например, для государств в Южной Америке развивался по законам политического движения и имел намного больше общего с либеральным или консервативным движением, нежели с националистическим движением в том контексте, в котором мы его понимаем.

Поэтому, на этом этапе национализм имел элитарный характер и был более востребован в крайне узком интеллектуальном сообществе, нежели среди широких масс населения. В связи с этим Б. Андерсон ставит несколько вопросов, призванных помочь более полно осознать процессы институционализации и постепенной политизации элитарного национализма в Южной Америке: «...почему именно креольские сообщества так рано сформировали представление о том, что они нации, – задолго до большинства сообществ Европы? Почему такие колониальные провинции, обычно содержавшие большие, угнетенные, не говорившие по-испански населения, породили креолов, сознательно переопределивших

¹⁹⁸ Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Б. Андерсон // Логос. – 2006. – № 2.

¹⁹⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 69.

²⁰⁰ Там же. – С. 70.

эти населения как собратьев по нации? А Испанию, с которой они были столь многим связаны, – как враждебных иностранцев? Почему испано-американская империя, безмятежно существовавшая на протяжении почти трех столетий, вдруг неожиданно распалась на восемнадцать самостоятельных государств?...»²⁰¹.

Ответы на эти вопросы Б. Андерсон не склонен видеть только в репрессивной политике Мадрида и влиянии со стороны европейского Просвещения. По его мнению, в этом случае свою роль сыграл фактор регионализации, постепенного разрушения единства огромных территорий Испанской Империи. Этот фактор постепенной регионализации сыграл недобрую шутку с Испанией, лишив ее большинства колоний, но с соседней Португалией он обошелся еще более жестоко. В то время как Мадрид пытался процессы регионализации если не остановить, но замедлить, Лиссабон сам стал инициатором регионализации собственной колониальной империи. Португальский король сам короновал своего сына Педру в Бразилии и тем самым заложил основы не для регионализации, а для фрагментации португальского политического пространства.

Но к тому времени на территории Южной Америки начал действовать другой фактор, с которым ни португальцы, ни испанцы не смогли совладать: «...сама обширность испано-американской империи, необычайное разнообразие ее почв и климатов и, прежде всего, исключительная затруднительность коммуникаций в доиндустриальную эпоху способствовали приданию этим единицам самодостаточного характера. В колониальную эпоху морское путешествие из Буэнос-Айреса в Акапулько занимало четыре месяца, а обратная дорога и того больше; сухопутная поездка из Буэнос-Айреса в Сантьяго длилась обычно два месяца, а поездка в Картахену – и все девять...»²⁰².

И Испания, и Португалия могли вполне успешно путем военных действий и репрессивным мер бороться с оппозиционным политическим движением в колониях. Иными словами, сепаратизм был подавляем политически. Но ни Испания, ни Португалия не могли ничего противопоставить силе пространства. В такой ситуации местный политический национализм, за которым стояли местные политические элиты (своеобразные для того времени интеллектуальные сообщества) в сочетании с географическими просторами (которым эти самые интеллектуалы постепенно начинают придавать почти сакральное значение) оказался по истине разрушающей силой. С другой стороны, деконструкция целостного испанского и португальского политического пространства привела к тому, что на просторах Южной Америки начал доминировать политический национализм, а сам континент превратился в

²⁰¹ Там же. – С. 71.

²⁰² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 74.

регион, где политические принципы, цели и идеалы национализма проходили своеобразную проверку на прочность.

Бенедикт Андерсон полагает, что после образования национальных государств в Южной и в Северной Америке национализм там так и не смог стать этническим. После этого в развитии национализма начинает лидировать Европа: «...почти во всех них центральное идеологическое и политическое значение имели «национальные печатные языки», в то время как в революционных Америках английский и испанский языки никогда не составляли проблемы... все они могли работать, опираясь на зримые модели, предоставленные их далекими, а после конвульсий Французской революции и не столь далекими провозвестниками...»²⁰³. Если в Америке язык играл роль канала для выражения своей политической оппозиционности и нелояльности испанским властям, то в Европе языки превратились в поле битвы между различными националистами и интеллектуалами, которые, изучая и создавая новые литературные национальные языки, тем самым создавали, точнее – воображали, новые сообщества. Поэтому, век национализма в Европе стал и «...золотым веком вернакуляризирующих лексикографов, грамматиков, филологов и литераторов...»²⁰⁴.

Более того, язык был той сферой, где носители «высокой культуры», которые говорили на чужом языке, а не на языке большинства населения той территории, где они жили, учились быть не просто националистами, но именно народными националистами. Комментируя эту особенность развития европейских национализмов, Б. Андерсон писал, что «...одноязычные словари были огромными компендиумами печатной сокровищницы каждого языка, переносимыми (хотя иной раз не без труда) из магазина в школу, из офиса в дом. Двухязычные словари сделали зримым надвигающееся равенство языков: каковы бы ни были внешние политические реалии, под обложкой чешско-немецкого / немецко-чешского словаря спаренные языки имели общий статус. Одержимые подвижники, посвящавшие многие годы своей жизни их составлению, с необходимостью стягивались в крупные библиотеки Европы, прежде всего университетские, или вскармливались ими...»²⁰⁵.

Такая волна постепенной унификации и кодификации языков охватила всю Европу. Правда, не обошлось без парадоксов – первый систематизированный учебник, например, чешского языка был издан по-немецки (*Geschichte der böhmischen Sprache und altern Literatur*), а его автор (Й. Добровски), хотя и имел славянскую фамилию, так же предпочитал говорить именно по-немецки. Первый пятитомный чешско-немецкий словарь издал один из первых чешских националистов, который вообще

²⁰³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 87.

²⁰⁴ Там же. – С. 91.

²⁰⁵ Там же. – С. 91.

имел немецкую фамилию – Й. Юнгманн. В Латвии первые словари и грамматики латышского языка вообще были составлены немцами. До 1840-х годов там не могло быть никакой речи о латышах или частично латышах среди представителей просвещенных классов. Но это было уделом носителей того, что Э. Гэллнэр называл «высокой культурой».

Мы помним, что эта самая высокая культура в концепции Э. Гэллнэра имела долгую историю, прежде чем распространилась до границ всего сообщества. Бенедикт Андерсон так же пытался выяснить, как некогда узко распространенная культура образованного меньшинства стала национальной культурой. Андерсон полагал, что успех экспансии национализированной высокой культуры состоял в том, что «...все эти лексикографы, филологи, грамматики, фольклористы, публицисты и композиторы осуществляли свою революционную деятельность не в вакууме...». Они имели своих потребителей – ту часть населения, которая умела читать. В такой ситуации национализм активно и успешно развивался там, где священник выполнял не только полицейские функции, но и играл роль учителя. Поэтому, националистический триумф рано или поздно состоялся в Словакии, Чехии, Латвии, Литве, Эстонии и даже Украине и Беларуси. Из этой цепочки выпадает Россия, где 90 % населения не умело ни читать, ни писать. Поэтому, русский национализм был обречен на то, чтобы остаться национализмом «высокой культуры», а Россия не знала массового русского народного национального движения.

Несколько иначе развивались отношения между языком и национализмом в Британии и на территории Южной Европы. Проблема состояла в том, что если чехи, словаки, украинцы, латыши и прочие были угнетенными нациями, которые стремились к равноправию и независимости, то с чисто внешней стороны во Франции жили французы, в Испании – испанцы. Сложнее было с Великобританией, где кроме англичан были носители языков из кельтской группы: «...английский язык вытеснил из большей части Ирландии гэльский, французский припер к стенке бретонский, а кастильский оттеснил на обочину каталанский. В Британии и Франции по сугубо внешним причинам сложилось относительно высокое соответствие языка государства и языка населения, общее взаимопроникновение, на которое указывалось выше, не имело драматических политических последствий...»²⁰⁶. Если в Восточной и Центральной Европе языковой национализм был политическим, то на Западе и Юге он был обречен на то, чтобы развиваться в контексте постепенной регионализации. В такой ситуации языковой национализм становится региональным и преимущественно культурным.

Дальнейшее усиление в Европе континентальных национализмов следует объяснять кризисом династических империй: «...фундаментальная

²⁰⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 98.

легитимность большинства этих династий была совершенно не связана с национальностью. Романовы правили татарами и латышами, немцами и армянами, русскими и финнами. Габсбурги возвышались над мадьярами и хорватами, словаками и итальянцами, украинцами и южными немцами. Ганноверы управляли бенгальцами и квебекцами, а также шотландцами и ирландцами, англичанами и валлийцами...»²⁰⁷. Европа после первой мировой войны пережила распад империй и перекройку своей политической карты не в силу слабости империй, которые вполне успешно не только существовали, но и конкурировали в начале XX века.

Кризис имперского типа государственности не был связан и с тем, что империя представляла собой архаичный тип государственного устройства. Из трех империй, Австро-Венгерской, Германской и Российской отстала только последняя, но и ее отставание могло быть преодолено в результате политики модернизации, спорадические проявления которой мы можем наблюдать в реформаторской активности, например, П.А. Столыпина. Правда, предшественник Николая II Александр III, получивший у Б. Андерсона уничижительную оценку «русификатора всея Руси»²⁰⁸, несколько подпортил имидж империи, но в начале XX века модернизационные импульсы явно начали преобладать над реакционными. Европейские империи прекратили свое существование в виду того, что у них появились местные национализмы, которые имели мечту, за реализацию которой следовало бороться.

К тому же европейские националисты имели перед своими глазами наглядный пример. Они видели как те же Гогенцоллерны, Ганноверы, посаженные на престолы в новых, что немаловажно, «национальных» (!) государствах мучительно превращались в греков и румын. Но европейским императорам было далеко до их японского коллеги. Комментируя эту ситуацию, Б. Андерсон пишет, что «...уникальная древность императорского дома (Япония – единственная страна, где монархия на протяжении всей ее письменно задокументированной истории была монополизирована одной династией) и его символичная японскость (сравните с Бурбонами и Габсбургами) существенно упрощали использование Императора в официально-националистических целях...»²⁰⁹. Местные националисты видели это, но одновременно они и понимали, что в Австро-Венгрии Габсбурги останутся Габсбургами. Поэтому, европейский национализм быстро из культурной плоскости перетек в политическую.

Националистическая мечта оказалась более привлекательной чем служение империи, которое нередко требовало от латышей и украинцев становится русскими, от украинцев, хорватов, сербов – австрийцами, от

²⁰⁷ Там же. – С. 103.

²⁰⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 108.

²⁰⁹ Там же. – С. 116.

словаков – венграми... В отличие от либералов и социалистов, занятых в политической борьбе, националисты преследовали внешне благородную цель – если социалисты боролись только за права рабочих, то националисты, выступавшие от имени нации в целом, обладали значительным преимуществом. Вокруг националистических движений сформировался своеобразный ареол добродетели, возник имидж националиста, как борца за права и рабочего, и служащего, и крестьянина. Национальное воображение, о котором много пишет Б. Андерсон, местных интеллектуалов-националистов работало едва ли не на реализацию только этой единственной цели.

Но на пути реализации своих политических целей европейские националисты встречались с многочисленными трудностями. Важнейшая из них могла состоять в том, что некоторые культуры в Европе того времени уже обрели два уровня – «высокую» и «народную» культуры. Классический пример, о чем пишет и Б. Андерсон²¹⁰, в этом отношении демонстрирует нам венгерский национализм. Известно, что резкая активизация венгерского национализма пришлась на 1820 – 1830-е годы, что в итоге привело к национальной революции и попытке создать независимое Венгерское государство. Примечательно, что на данном этапе лидировали т.н. «народные» националисты. Только их поражение создало условия для доминирования в рамках венгерского национализма течения, связанного с «высокой» культурой. В этой ситуации интересно то, что некоторые соседние национализмы развивались с точностью наоборот или вообще смогли избежать обращения к опыту «высокой» культуры.

1.3. Дискурсивная теория национализма: исследования Крэйга Калхуна

Среди теорий национализм выделяется дискурсивный метод изучения националистического феномена и самого националистического опыта. В отличие от других, существующих в современном национализмоведении парадигм, сторонники дискурсивного анализа, хотя и признают важность анализа общих социальных институтов и процессов, тем не менее, считают необходимым уделять особое внимание различным конкретным (локальным, национальным, культурным, идентичностным и т.д.) дискурсам в национализме. Одним из сторонников и теоретиков дискурсивного подхода является американский исследователь Крэйг Калхун²¹¹, который принадлежит и к числу противников создания единой

²¹⁰ Там же. – С. 122 – 124.

²¹¹ См. работы Крэйга Калхуна, посвященные различным аспектам национализма: Calhoun C. The Authority of Ancestors: a Sociological Reconsideration of Fortes's Tallensi in response to Fortes's critics / C. Calhoun // *Man. The Journal of the Royal Anthropological Institute.* – 1980. – Vol.

теории национализма, полагая, что «...национализм слишком многообразен, чтобы его можно было объяснить одной теорией»

В качестве введения необходимо сказать несколько слов о самом Крэйге Калхуне. Вероятно, специалистам по американской истории фамилия Калхун может показаться знакомой, а некоторые вспомнят о сенаторе 1810 – 1830-х годов Джоне Калхуне. Крэйг Калхун (Craig Calhoun) – потомок того самого американского сенатора от Южной Каролины, дважды вице-президента и одного из самых влиятельных сторонников рабства. Калхун родился в 1952 году²¹². Крэйг Калхун получил образование в США и Европе, а с 1999 года возглавил Американский Совет по исследованиям в общественных науках. Калхун – ученик знаковой фигуры в политологии, Роберта Мертона. Докторскую диссертацию Калхун защитил в Лондоне, у другого классика – британского историка Э. Томпсона, одного из крупнейших специалистов по истории рабочего движения. Кроме этого, он читает лекции в Нью-Йоркском Университете.

Как и все западные исследователи национализма Крэйг Калхун с почти ритуальной преамбулы, где пишет о том, что в исследовательском сообществе относительно национализма существует полярно противоположные точки зрения, которые варьируются от утверждений, что национализм отмирает до взрыва национализма в современном мире: «...разговоры о национализме не прекращаются на протяжении двух столетий, причем нередко встречаются заявления, что он свое уже отжил...»²¹³. Многие западные аналитики действительно периодически спонтанно переполняются уверенностью, что национализм скоро вовсе исчезнет из политической жизни, уступив свое место универсальным

15. – No 2. – P. 304 – 319; Calhoun C. The Radicalism of Tradition: Community strength or venerable disguise and borrowed language / C. Calhoun // *American Journal of Sociology*. – 1983. – Vol. 88. – No 5. – P. 886 – 914; Calhoun C. Classical social theory and French revolution of 1848 / C. Calhoun // *Sociological Theory*. – 1988. – Vol. 7. – No 2. – P. 210 – 225; Calhoun C. Imagined Communities and indirect relationships: large scale social integration and the transformation of everyday life / C. Calhoun // *Social Theory and Changing Society* / eds. P. Bourdieu, J.S. Coleman. – Boulder, 1991. – P. 95 – 120; Calhoun C. Infrastructure of Modernity: indirect relationships, information technology, and the social integration / C. Calhoun // *Social Change and Modernity* / eds. H. Haferkamp, N.J. Smelser. – Berkley, 1992. – P. 205 – 236; Calhoun C. New social movements in the early 19th century / C. Calhoun // *Social Science History*. – 1993. – Vol. XVII. – No 3. – P. 385 – 427; Calhoun C. Nationalism and civil society: Democracy, diversity, and self-determination / C. Calhoun // *International Sociology*. – 1993. – Vol. 8. – No 4. – P. 387 – 411. более полная библиография работ К. Калхуна доступна в русском переводе его книги «Национализм». См.: Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 284 – 285.

²¹² О Крэйге Калхуне см.: Дерлугьян Г. Организатор мировой науки / Г. Дерлугьян // Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 7 – 19; Смирнов А. «Национализм» и публичная сфера / А. Смирнов // Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 263 – 286.

²¹³ Калхун К. Национализм. – С. 25.

ценностям: «...жители Запада не только недооценили потенциал национализма... но они грезили о его исчезновении во всем мире...»²¹⁴.

В западном исследовательском сообществе одновременно сильна и противоположная точка зрения, согласно которой национализм проявляется не только в период открытого военного противостояния. В преддверии основной дискуссии относительно национализма Крэйг Калхун вновь делает очередной ритуальный для современных исследований национализма жест, указывая на то, что вокруг нации, как и национализма, не утихают дискуссии: «...в литературе о национализме ведутся серьезные споры между теми, кто считает нацию простым продолжением древних этнических идентичностей и теми, кто считает ее явно современной...»²¹⁵.

Отношение к национализму на Западе развивается циклично, о чем, в частности, и пишет К. Калхун: «...каждый раз после спада предшествующей волны многие ведущие ученые и представители общественного мнения облегченно вздохнули и поспешно объявляли недавние националистические движения просто переходными или даже последними, которые видел мир...»²¹⁶. Такая близорукость характерна не только для западного общественного мнения. В России боязнь национализма и вера в его скорое исчезновение, вызванная страхом от того, что национализм сможет заменить политические и государственные «притязания на легитимность»²¹⁷, обрела особые формы.

После «революции роз» в Грузии некоторые российские публицисты и журналисты заявили о том, что это последний акт сознательного антироссийского национализма на пространстве бывшего СССР. Потом подобные политические изменения произошли в Украине (что вызвало волну антиукраинских настроений в некоторых российских СМИ) и в пророссийски и лояльно ориентированном Кыргызстане, чего вообще мало кто в российском исследовательском сообществе ожидал и предвидел. После киргизских событий в отечественном журналистском и публицистическом дискурсе заговорили о том, что эра национализма на постсоветском пространстве заканчивается, и, что новые режимы окажутся недолговечными. Последующие события, наоборот, вылились в рост националистических настроений, периодическое обострение двусторонних отношений (между Россией и Грузией, Россией и Украиной) и то, чего практически никто не ожидал – рост национализма на территории самой Российской Федерации, как национализма официального, так и оппозиционного, в национальных республиках.

²¹⁴ Там же. – С. 68.

²¹⁵ Там же. – С. 35.

²¹⁶ Там же. – С. 68 – 69.

²¹⁷ Там же. – С. 133.

В такой ситуации изучение опыта американских исследователей в объяснении столь значительных способностей и жизненных потенций национализма выглядит в России делом почти политически оправданным. Мы можем воспринять национализм как политическую, культурную и идентичностную реальность. Вероятно, западному и российскому обществу придется сбросить маску политической корректности, приняв ситуацию, при которой «...национализм стал основой коллективной идентичности в современную эпоху и определил особую форму государства, преобладающую на протяжении двух последних столетий...»²¹⁸. Поэтому, современные нации обладают своими историческими корнями в старых этнических идентичностях, что позволяет воспринимать национализм как «...особый способ осмысления коллективной идентичности, отличный от этничности...»²¹⁹.

В таком контексте национализм является и «...способом конструирования коллективных идентичностей, который появился вместе с преобразованиями в государственной власти, расширением дальних экономических связей, новыми средствами коммуникации...»²²⁰. С другой стороны, феномен политического и культурного национализма оказался крайне устойчивым и, поэтому, как полагает К. Калхун, современный мир выстроен в национальных / националистических категориях: «...жители богатых стран Запада склонны не замечать национализм, глубоко укоренившийся в наших представлениях о мире – организации гражданства и паспортов, в нашем взгляде на историю, нашем делении литератур и кино, в нашем соперничестве на Олимпийских играх...»²²¹.

В этом контексте нация, по К. Калхуну, является сообществом, для которого характерны «...определенная степень сплоченности между членами предполагаемой нации и коллективной идентичности, признание целого его членами и осознание себя индивидом в качестве части этого целого...»²²². Анализируя феномен нации, как одно из неизбежных условий развития национализма (вопрос о первичности нации или национализма в данном случае не имеет принципиального значения), Крэйг Калхун попытался сформулировать десять отличительных признаков, которые делают нацию нацией.

В качестве этих признаков Калхун упоминает: границы территории и населения; представление о целостности нации; суверенитет или стремление к нему; идея о народе как основе суверенитета; участие народа в жизни государства; прямое «членство» в нации, когда каждый считает себя ее частью; культура; наличие истории или представлений о том, что

²¹⁸ Калхун К. Национализм. – С. 27.

²¹⁹ Там же. – С. 87.

²²⁰ Там же. – С. 73.

²²¹ Там же. – С. 25.

²²² Там же. – С. 29.

такая история была; общее происхождение и расовые черты; связь с территорией проживания²²³. Исходной посылкой, от которой отталкивается Крэйг Калхун, является стремление проанализировать различные дискурсы национализма через категорию применения насилия к гражданским лицам.

Крэйг Калхун, хотя и признает, что современной нации могли предшествовать не только более ранние этничности, но даже и идентичности, полагает, что любая современная нация нуждается не просто в постоянном воспроизводстве через возобновление местных интеллектуальных сообществ, призванных транслировать и популяризировать национальные мифы, но в постоянной интеграции, под которой Калхун понимает процесс не просто сближения социальных групп и страт, а фундаментальные структурные изменения в функционировании наций²²⁴. Интеграция наций может иметь самые разные формы и проявления – от стремления унифицировать язык до этнических чисток, направленные на уничтожение тех, кто местным националистам кажется неспособным на интеграцию в национальное сообщество.

В связи с этим Калхун полагает, что история национализма, и тем более – проявления националистического опыта или националистических aspirations в различных регионах и в разные исторические эпохи, редко отличается. Комментируя это, Калхун писал, что «...во время очередной годовщины уничтожения Герники в 1993 году... мне довелось побывать в Стране басков... в газетах тогда печатались снимки, навевавшие мрачные воспоминания, и описания новых разрушений и случаев применения террора против гражданских жителей, на этот раз в Сараево...». Поэтому, Калхун указывает на целесообразность проанализировать «...такие повторения националистического насилия...»²²⁵.

Но вероятно не эти чудовищные по своим масштабам проявления националистического чувства стали важнейшим стимулом для западного академического сообщества в изучении национализма. В 1991 году прекратил свое существование Советский Союз, что открыло новую страницу в истории новейшего национализма. Практически все новые государства, в той или иной степени, испытали на себе давление со стороны национализма – своего собственного или национализма таких же новых соседних государств. Исчезновение с политической карты мира СССР привело к тому, что возникли новые националистические дискурсы, о которых всего за несколько лет западные советологи не могли и подумать.

Если усиление украинского или латышского национального движения и национализма вполне укладывалось в советологические схемы и концепции, то о своеобразном националистическом ренессансе в

²²³ Калхун К. Национализм. – С. 30 – 31.

²²⁴ Там же. – С. 164 – 165.

²²⁵ Там же. – С. 23.

периферийных регионах бывшего СССР никто даже и не мог подумать: «...пытаясь провести политическую границу, которая соответствовала бы этническим границам, армяне и азербайджанцы начали войну в Нагорном Карабахе, а чеченские повстанцы выступили против самой России... а правые русские националисты сожалели об утрате бывших владений своей страны...»²²⁶. Казалось бы, что в такой ситуации национализм – удел государств, которые пребывают в стадии политического и экономического транзита.

В такой ситуации может возникнуть в корне неверная мысль, что если мы стабилизируем экономическую ситуацию, укрепим политический режим (в данном случае неважно, каким он будет демократическим или другим), то национализм и соответственно национальные конфликты и противоречия сами собой исчезнут. Крэйг Калхун, выросший в США – стране со стабильной экономикой и политической системой, считает, что ни экономическое, ни политическое благополучие не являются панацеей от проявлений крайнего или даже умеренного национализма: «...при этом обычно забывают о том, насколько границы и народный суверенитет связаны с националистическим дискурсом, при помощи которого мы придаем современному миру концептуальную форму и практическую организацию...»²²⁷.

Как американец в этой ситуации Калхун ссылается на опыт Запада. Мы можем привести пример, связанный с Россией. И первое и второе президентство В.В. Путина с точностью до наоборот повторяю два президентских срока его предшественника Б.Н. Ельцина. На этапе экономического и политического кризиса 1990-х годов в России состоялся небывалый националистический ренессанс, как русского национализма, так и национализмов нерусских народов. Стабилизация, которая нередко ассоциируется с именем В. Путина (хотя корректнее ее связывать с благоприятной экономической и политической конъюнктурой в мире) вовсе не отменила все националистические и национальные проблемы и противоречия, которые Российская Федерация унаследовала от 1990-х годов.

С другой стороны, национализм пережил неоспоримую трансформацию и националистический дискурс из сферы этнического плавно переместился в сферу политического. Национальные конфликты были разрешены политическими методами. Исключение составляет Чеченская Республика, где ситуацию пришлось стабилизировать военно-политическими средствами. Вероятно, мы можем утверждать, что чеченский конфликт является исключением, а не правилом в новейшей истории национализмов на политическом пространстве Российской Федерации. Вот почему, в этой ситуации Калхун предостерегает от того,

²²⁶ Калхун К. Национализм. – С. 26.

²²⁷ Там же. – С. 27.

чтобы сводить проявления националистического опыта исключительно к насилию в ходе межнациональных конфликтов. По его мнению, Западная Европа демонстрирует совершенно иные проявления национализма и националистического опыта отдельных сообществ.

В Европе национализм успел укорениться и институционализироваться в виде различных демократических политических (в частности, электоральных) процедур: «...раскол Чехословакии на Чешскую и Словацкую Республики произошел мирно, Квебеку не хватило несколько процентов голосов, чтобы отделиться от Канады, норвежские избиратели высказали свои националистические настроения, проголосовав против членства в Европейском Союзе...»²²⁸. Но в этой ситуации не следует условно делить национализм на хороший и правильный патриотизм, с одной стороны, и плохой и неправильный шовинизм, с другой. Калхун полагает, что «...это осложняет понимание каждого из них и ведет к сокрытию общих черт между ними... и негативные, и позитивные проявления национальной идентичности и преданности определяются общим дискурсом национализма...»²²⁹.

Но в такой ситуации иногда бывает крайне сложно понять, где начинается и кончается патриотизм, уступая место шовинизму и ксенофобии. Не исключено, что в этой ситуации многие в качестве примера попытаются привести ситуацию с украино-российскими и / или российско-латышскими (российско-эстонскими) отношениями. Вероятно, мы не можем проинтерпретировать эти отношения в категориях национализма с двух сторон – и с российской, и с украинской (латышской / эстонской). Корректнее, анализировать их в категориях разных уровней развития политической культуры.

Яркая иллюстрация в этом контексте – прилавки российских книжных магазинов. Не уверен, что произведения, написанные на грани публицистики и медицинского анамнеза, демонстрируют нам подлинно российский националистический дискурс. Книги, где вместо общепринятых названий наций, мы читаем «хохлы» и «чухна» не свидетельствуют о наличии национализма, подчеркивая только крайне низкий уровень не политической культуры сообщества, а той социальной группы (или даже – субгруппы), к которой принадлежат авторы. Но это не является исключительно российской проблемой. Иногда подобные явления мы можем наблюдать и в политической жизни соседних государств.

С другой стороны, на актуальность изучения национализма указывает и то, что с различными проявлениями национализма неизбежно сталкиваются историки и политологи, которые занимаются изучением трансформаций на Западе и Востоке в последние двести или триста лет: «...национализм играл важную роль в революциях и войнах за

²²⁸ Калхун К. Национализм. – С. 26.

²²⁹ Там же. – С. 28.

независимость, но свидетельством успеха националистических проектов служит то, что существование и политическая самостоятельность наций на долгое время смогли стать чем-то само собой разумеющимся...»²³⁰. Но во второй половине XX века способность человека реагировать на вызовы в значительной степени притупилась и ослабла. Относится это и к национализму: западные обыватели начинают замечать его только тогда, когда он «...проявляется в виде конфликтов между государствами и теми, кто стремится к изменению границ или системы управления...»²³¹.

Для Крэйга Калхуна национализм представляет собой сложное явление, представленное многочисленными дискурсами. Более того, история одного национализма может развиваться как постоянная смена различных дискурсов, которые нередко противоречат друг другу. В этом контексте дискурсивной природы национализма Эфиопия является достаточно удачным примером, хотя новейшая история этой страны почти не соотносится с категориями «счастья» и «удачи», о чем, в частности, пишет и К. Калхун. Известно, что сначала Эфиопия была империей, потом ее пыталась оккупировать фашистская Италия, после чего она, по словам Калхуна, «...стала объектом грубых действий коммунистического режима, направленных на создание единой нации...»²³². Новое же правительство попыталось обуздать национализм, предоставив отдельным регионам автономию, что закончилось отделением от Эфиопии Эритреи.

Но случай со злоключениями эфиопского национализма интересен в несколько ином контексте: мы можем проанализировать и наблюдать различные дискурсы националистического опыта и национального строительства, в ходе которого предлагались совершенно разные национальные проекты, базировавшиеся, в свою очередь, на различных типах не только национальной и политической идентичности, но и политической лояльности. Национализм в концепции К. Калхуна разворачивается как многоуровневый феномен, как совокупность различных идентичностей. Поэтому, невозможна однозначная перцепция национализма как явления исключительно политического. Национализм – это и уровень отдельной человеческой личности. В то время как «...дискурс наций выражается в основном на языке страсти и идентификации...», то государственный дискурс в этой же ситуации «...чаще использует язык разума и интересов...»²³³.

Национализм, согласно К. Калхуну, явление историческое, но которое неотделимо принадлежит новой истории: «...представляя национализм как дискурсивную формацию, которая имеет несколько различных измерений, я утверждаю, что хотя одни черты намного старше других, совокупность

²³⁰ Там же. – С. 25.

²³¹ Калхун К. Национализм. – С. 25.

²³² Там же. – С. 27.

²³³ Там же. – С. 28.

таких черт, опознаваемая нами в качестве национализма, является отличительной особенностью современной эпохи...»²³⁴. Крэйг Калхун склонен объяснять появление национализма в политическом ландшафте современной Европы как некую историческую случайность, истоки и предпосылки которой сложно объяснить, а дату возникновения и вовсе невозможно назвать: «...никакого первого националиста не существовало, не было какого-то момента, когда люди, которые прежде и понятия не имели о нации, ни о политических устремлениях и идеологических предпочтениях своей собственной страны внезапно начали мыслить в националистических терминах...»²³⁵.

Развивая эту идею, К. Калхун указывает и на то, что «...национализм современен... он не просто возник недавно, он является одной из особенностей современной эпохи – эпохи, в которую дискурс национализма получил почти повсеместное распространение и оказался тесно связанным с политической властью и административными возможностями государства...»²³⁶. Но современность национализма не освобождает исследователя от изучения различных исторических дискурсов, неразрывно связанных с национализмом. В связи с этим Крэйг Калхун писал, что «...особые националистические идентичности и проекты продолжают опираться на давние этнические идентичности, на местные родственные и общинные отношения и на заявленную связь с наследуемыми территориями...»²³⁷.

Изначально, будучи явлением, лишенным внутреннего единства, и имея дискурсивную природу, национализм, по мнению К. Калхуна, имеет (может иметь) три измерения. Первое измерение – национализм как дискурс. Комментируя эту особенность национализма, К. Калхун пишет, что «...производство культурного понимания и риторики ведет к тому, что люди во всем мире мыслят и выражают свои устремления с точки зрения нации и национальной идентичности...». Второе измерение – национализм как проект. Иными словами, «...социальные движения и государственная политика, посредством которых люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями...». Третье измерение – национализм как способ оценки. Под этим К. Калхун предлагает понимать «...политические и культурные идеологии, которые утверждают превосходство отдельной нации...»²³⁸.

Калхун не склонен абсолютизировать и идеализировать роль националистического дискурса в современном мире: «...националистический дискурс – один из наиболее важных элементов

²³⁴ Там же. – С. 35.

²³⁵ Калхун К. Национализм. – С. 38.

²³⁶ Там же. – С. 43.

²³⁷ Там же. – С. 73.

²³⁸ Там же. – С. 32 – 33.

глобального культурного развития, который привел к преобразованию этничности и культурных особенностей, повлияв на процесс формирования самого государства...»²³⁹. Таким образом, национализм однако сохраняет статус идеологии, которая в ряде случаев может монополюльно определять и направлять ход политических процессов. Национализм стал (точнее – смог оставаться) такой идеологией в силу того, что никто из националистических идеологов, в отличие, например, от марксистов и коммунистов, не попытался монополизировать национальный политический дискурс в своей стране.

Попытки монополизации политического дискурса, как помним, плохо закончились для коммунизма, националисты не спешат повторять ошибки своих оппонентов и критиков слева. Появление национализма как политической идеологии К. Калхун связывает с революционными изменениями, которые произошли в ряде европейских стран в Новое время. Калхун полагает, что определенные элементы национализма мы можем наблюдать на примере событий английской революции, латиноамериканских движений за независимость (в этом отношении он, в частности, солидарен с Бенедиктом Андерсоном), в Великой французской революции и в немецком романтизме.

Концепция национализма у Калхуна отлична от аналогичных схем Э. Гэллнэра и Б. Андерсона в том отношении, что в качестве классического примера становления национализма он пытается проанализировать Англию: «...английская нация укоренена в англо-саксонской истории и сформирована норманнским завоеванием... конфликты между Англией, Шотландией и Уэльсом способствовали появлению у каждой из этих сторон своей идентичности, но Англия, которую Генрих V втянул в войну против Франции, стала объектом собственно националистического дискурса вместе с более поздними призывами помнить об Азенкуре в новых политических и социальных контекстах. Именно Шекспир и более поздние историки сделали “короля Гарри” хотя и не законченным, но все же националистом...»²⁴⁰.

Апелляции к далекой и славной истории, битвам и королям в данном случае возникают неслучайно. Крэйг Калхун подчеркивает, что у национализма сложились очень непростые отношения с историей²⁴¹. Сложно переоценить ту роль, которую сыграли националисты в создании национальных историографий и написании первых национальных историй. Первые профессиональные историки – это почти всегда профессиональные националисты, которые сочетали политическую деятельность с историческими изысканиями. Парадокс отношения между национализмом как движением и политической идеей и историей, как наукой, состоит в

²³⁹ Там же. – С. 41.

²⁴⁰ Калхун К. Национализм. – С. 39.

²⁴¹ Там же. – С. 113.

том, что на историю влияют как классические националисты-примордиалисты с их идеей изначальности нации, так и исследователи-инструменталисты, которые пытаются выяснить роль и долю национального мифа и националистического опыта в развитии той или иной национальной историографии.

Комментируя эту ситуацию, К. Калхун не только указывал на то, что этнические истоки или идея о неких славных древних исторических корнях нередко играет роль доминирующей темы в развитии националистической наррации²⁴², но и писал, что «...составление линейных исторических повествований, посвященных развитию нации, и утверждение примордиальной национальной идентичности часто идет рука об руку...»²⁴³. В такой ситуации история, точнее – наши представления об истории перестают быть наукой, деградируя до своеобразной воображаемой площадки, где мы все пытаемся утвердить или вытеснить ту или иную национальную идентичность.

Как видим, Крэйг Калхун использует дискурсивный анализ как своеобразный компромисс между сторонниками изначальности наций и приверженцами теории об их современном характере. Такая схема не исключает ни великого исторического прошлого, ни нарратива о роли интеллектуалов в формировании национальной идентичности. В концепции К. Калхуна доминирует своеобразная дихотомия, словно он пытается примирить примордиалистов и модернистов, интегрировать английский национализм в современное национализмовеждение. Калхун пытается сделать это, отталкиваясь от категории «этничности».

Само понятие этничности в концепции Калхуна возникает, как попытка примирить примордиалистов с модернистами. Этничность исторически развивалась как многообразный и разнообразный феномен, повлияв, тем самым, и на «многомерность националистического дискурса». В такой ситуации этничность, изначальна присущая большинству человечества, объединенного в группы и сообщества, становится «...лишь одним из потенциальных источников однородности и взаимных обязательств, хотя однородность и взаимные обязательства характерны для многих наций, они не свойственны им всем...»²⁴⁴.

Этничность – очень важный, но неопределяющий, фактор в развитии и становлении национализма. Калхун полагает, что этничность вовсе не способствует, как может показаться, превращению отдельных социальных групп в нации: «...этнические корни и культурная самобытность – это только часть аспектов создания современных наций...»²⁴⁵. Поэтому, национализм в ряде случаев может только опираться на ранее

²⁴² Там же. – С. 126.

²⁴³ Там же. – С. 116.

²⁴⁴ Калхун К. Национализм. – С. 61.

²⁴⁵ Там же. – С. 109.

существовавшие этничности и использовать опыт идентичностей, который сложился под их влиянием. Национализм, наоборот, может самым радикальным образом преобразовать и перестроить этничность.

В такой ситуации может оказаться интересным попытаться проанализировать судьбу этничности в российском дискурсе. Современная Российская Федерация является многонациональным государством, где численно, политически и экономически доминирует одна группа – русские. Рядом с русскими живут представители других народов, многие из которых в состоянии предъявить историю, соизмеримую по протяженности с русской или даже ее превосходящую. Территория будущей России в те времена была совокупностью территорий, которые контролировались той или иной группой. Например, финно-угорские общности стали известны античным авторам раньше, чем славяне. На протяжении истории этничность неизменно фигурировала в России. Вероятно, этничность сыграла свою негативную роль в том контексте, что, если есть локальные особенности, зачем делать еще что-то.

Нация в европейском, западном, понимании в России возникает относительно поздно. С другой стороны, нередко на современном этапе отдельные этнические группы обладают более развитой и четко выстроенной и сконструированной идентичностью, чем русские. Параллельно в России существует целый ряд национализмов западного типа. Особенность, национального и этнического развития России заключается в том, что она до настоящего времени пребывает на стадии своеобразной дихотомии сосуществования этничности и нации, различных типов идентичности, который Запад успешно миновал на заре националистической эры в своей истории.

Парадокс ситуации в Восточной Европе, по мнению К. Калхуна, состоит в том, что это был регион ярко выраженной этничности (точнее – ярко выраженных этничностей) и дремлющих национализмов, а «...крах коммунизма в 1989 году вызвал еще одну международную волну националистических движений...»²⁴⁶. Другой зоной доминирования этничности в Европе мы можем назвать Великобританию. Если в России на протяжении семидесяти лет ее истории национальные противоречия замалчивались в рамках коммунистического эксперимента, то на Британских островах сложились условия для сочетания социального и национального / националистического движения. Если в России молчаливым проявлением необычайного витализма феномена этничности служит существование финно-угорских народов, то относительно Британии мы можем вести речь о носителях кельтских языков.

Например, валлийцы могут и выражают свое недовольство существующим положением вещей в рамках различных оппозиционных

²⁴⁶ Калхун К. Национализм. – С. 64.

движений. Такие движения могут быть и социальными, и национальными. Комментируя особенности развития национализма и этничности на периферии, К. Калхун пишет: «...валлийцы, недовольные отсталостью своей страны, могут выражать свое недовольство и преследовать свои цели при помощи классового и националистического движения... классовые движения встречали большую поддержку среди валлийского населения – иногда в сочетании с националистическими идеями, иногда совсем без них...»²⁴⁷.

Калхун не случайно в качестве примера сочетания национального / националистического и социального / социалистического движения приводит Уэльс. Россия и Великобритания – страны с устойчивым, но отнюдь не уникальным, националистическим опытом. С другой стороны, анализ различных российских и британских националистических дискурсов может оказаться продуктивным в процессе выяснения расхождений между примордиалистами и модернистами. И Россия, и Британия имеют развитые исторические науки и сложившиеся национальные исторические школы. В этом контексте «...историческое исследование обнаруживает примечательную преемственность между современными национальными культурами и их предшественницами...»²⁴⁸.

В такой ситуации перед К. Калхуном встает крайне непростая задача: выяснить не соотношение примордиальных и инструменталистских теорий национализма, а попытаться показать, что каждая из этих групп в каком-то смысле монополизировала знание о национализме. Хотя сложно найти компромисс между теми, кто считает, что нации и национализм возникли в результате социально-экономического и культурно-идентичностного развития общества и теми, кто в существовании наций видит элемент божественного замысла. Калхун пытается разрешить эту проблему, обратившись к тому, что в западной социологии называется «изобретением традиций».

Калхун признает, что в большинстве западных государств национальные традиции являются изобретениями местных интеллектуалов-националистов. В этом он не видит ничего плохого и постыдного. То, что националисты смогли сформировать традиции еще раз подчеркивает ту значительную роль, которую играет национализм в политической жизни большинства стран. Калхун не согласен с тем скепсисом, который нередко вкладывается в эти изобретенные традиции. Можно согласиться с тем, что «...националистические традиции представляют собой недавние и, возможно, манипуляционные

²⁴⁷ Там же. – С. 66 – 67.

²⁴⁸ Там же. – С. 75.

творения...»²⁴⁹, но это автоматически не означает, что они хуже исторически возникших и стихийно сложившихся народных традиций.

Гораздо важнее то, что эти традиции являются санкционированными проявлениями национальной идентичности, которую мало кто (если это не националисты-маргиналы из соседнего государства или местные крайние левые, озабоченные проблемами исключительно классовой борьбы) ставит под сомнение. Проблема состоит в другом: одни из этих традиций уже достаточно укоренились, а другие нет. Кроме этого большая часть населения в современных национальных государствах и представления не имеет об изобретенном характере традиций. Поэтому, попытки политологов, культурологов, социологов и историков показать это могут восприниматься как проявления антинациональной и антигосударственной деятельности.

В Армении, например, существует ежегодная традиция поминания жертв геноцида армян, но мало кто знает, что в Армянской ССР траурный митинг мог быть воспринят как проявление «буржуазного армянского национализма». Но то, что становится традиционным национальным ритуалом у одних, вызывает нескрываемое раздражение у других. В политическую культуру стран Балтии в 1990-е годы вошли шествия и возложения венков к национально маркированным памятникам, приуроченные различным историческим датам и событиям. В Российской Федерации подобная практика встречает непонимание.

Иногда такая ситуация может складываться и в пределах одного государства. В Украине, например, в западных областях особым почетом пользуются ветераны, которые воевали в УПА в то время, как в восточных областях доминируют ветеранские организации, унаследованные от СССР. Ситуация в Украине осложнена тем, что там нет крайностей той десоветизации, которая прошла в странах Балтии. Ветеран с немецким «железным крестом», например, в Таллинне вряд ли встретит ветерана с советским орденом, так как ношение советских наград в Эстонии запрещено. Украина смогла избежать таких болезненных и крайних проявлений национализма, но, с другой стороны, она не может и уравновесить две по сути своей националистические традиции – национальную и советскую. И в то время, когда ветеранское движение, например, во Львове ориентируется на украинские власти и обращается к ним за помощью, то, например, киевские ветеранские организации могут обратиться за помощью к другому государству. Как же быть в ситуации, когда одна часть общества выработала политическую идентичность, а вторая подрывает ее, ставя под сомнение факт государственного суверенитета? И главная сложность не в том, чтобы, например, в Киеве развести два шествия в разные части города. Основная проблема состоит в

²⁴⁹ Калхун К. Национализм. – С. 82.

том, как преодолеть этот раскол и сформировать единую политическую украинскую нацию в то время, как национальная идентичность уже успела сформироваться. И традиции, пусть и изобретенные, но способные консолидировать нацию, в этом контексте обретают особую роль.

Вернемся к политической составляющей национализма, о которой мы писали выше. Рефлексия над синтезом социалистического и националистического опыта – мост в аналогичные проблемы Восточной и Центральной Европы. Калхун указывает, что социализм и национализм не являются взаимоисключающими идеологиями. И хотя Калхун признает, что «...Советский Союз долгое время считался образцом интернационализма и преодоления национализма и исторического противоборства наций...»²⁵⁰, тем не менее, он, как и западное исследовательское сообщество в целом, не склонны видеть в СССР государство, которое смогло победить национализм.

Националистический феномен смог приспособиться и к советскому авторитарному режиму и к уэльской экономической периферии. В такой ситуации волна националистической активизации, которая захлестнула Европу, в 1990-е годы поколебала веру политиков в первую очередь политические (не важно, какие – либеральные, авторитарные, гражданские) ценности, но укрепила веру националистов в непреходящем значении своей идеологии. Поэтому, национализм оказывается более универсальным явлением, чем политические партии. В такой ситуации, в последнее десятилетие XX века, националистический дискурс разрушил свою замкнутость в границах национальных государств, став международным явлением.

Сами националистические движения оказались тесно переплетенными и взаимосвязанными друг с другом: «...существование одних националистических движений способствовало появлению других и служило для них образцом и идейной основой...»²⁵¹. Подобно другим исследователям национализма Крэйг Калхун пытается определить причины возникновения националистического феномена. Калхун полагает, что ни одно из более ранних объяснений национализма как «...результат сохранения этнических идентичностей, политических и культурных изменений, связанных с индустриализацией, сепаратистских ответов на неравномерное экономическое развитие со стороны жителей периферии...»²⁵² не может по-настоящему удовлетворить и устроить современного исследователя.

Все эти концепции, по мнению К. Калхуна, являются редуционистскими, сокращающими подлинное значение национализма. Вместо концепции национализма, где доминирует какой-либо один

²⁵⁰ Калхун К. Национализм. – С. 68.

²⁵¹ Там же. – С. 65.

²⁵² Там же. – С. 57 – 58.

принцип, Калхун предлагает анализировать национализм как крайне сложное и многоуровневое явление, как совокупность различных дискурсов: «...на уровне практической деятельности существует множество различных национализмов, идея нации неразрывно связана со множеством различных аспектов нашего понимания мира, противоположными государственными политиками и необычайно многообразными социальными движениями...»²⁵³.

В такой ситуации за любым национализмом, («...общим знаменателем японского экономического протекционизма, сербских этнических чисток, пения американцами “Усеянного звездами знамени”... служит дискурсивная форма, которая определяет и связывает всех их, хотя она может и не давать полного причинного объяснения каждого из этих случаев...»²⁵⁴), стоит конкретный националистический дискурс, связанный с формирующимися или сформировавшимися идентичностями, которые способствуют тому, что все человеческие сообщества, объединенные в виде национальных государств, с одной стороны, отличаются друг от друга, а, с другой, пребывают в состоянии противостояния и конфронтации, которые могут иметь различные формы.

И хотя, в начале этой главы я писал, что Калхун отрицает возможность создания единой теории национализма, тем не менее, концепт, предложенный в его исследованиях, претендует на некую универсальность благодаря дискурсивному подходу. В этой ситуации задача исследователя состоит в определении того, что такое дискурс, его границ и формировании исследовательского инструментария для изучения национализма. Но на этом пути сокрыта опасность того, что дискурсивный метод может элементарно деградировать до истории национализмов или истории явления А в национализме О, или биографии националиста С в национализме В. В таком случае на каждом исследователе лежит значительная ответственность, а выбор зависит от него самого и традиций того сообщества, к которому они принадлежит.

1.4. Конструктивистский этносимволизм Энтони Смита и проблемы «исторического» в теориях национализма

Британский социолог Энтони Смит – один из крупнейших специалистов по теории и истории национализма. В начале этой лекции скажем несколько слов об Энтони Смите – одном из крупнейших британских социологов. Энтони Смит получил образование в Водхэм-колледже Оксфордского Университета. Степени магистра и доктора Смит получил в Лондонской школе экономике, где позднее и преподавал. В

²⁵³ Калхун К. Национализм. – С. 59.

²⁵⁴ Там же. – С. 60.

современное национализмоведение Энтони Смит вошел как автор фундаментальных работ, посвященных различным аспектам нации, национализмов, идентичностей, этничностей²⁵⁵. Кроме этого он – редактор ряда монографий о национализме²⁵⁶. Исследования Э. Смита переведены на ряд языков, в том числе – и Восточной Европы²⁵⁷.

Среди своих коллег Смит выделяется тем, что пытается синтезировать истую веру примордиализма в изначальность наций с различными модернистскими и конструктивистскими теоретическими подходами. По словам Энтони Смита, его собственный концепт наций и национализма следует определять как «этносимволизм»²⁵⁸. В работах Энтони Смита «этносимволизм» превращается в своеобразный ответ на модернистский вызов. Именно исследователи-модернисты во второй половине XX века почти монополизировали сферу изучения национализма, в результате чего в западном национализмоведении сложилась мощная модернистская традиция.

Комментируя ситуацию, Энтони Смит саркастически замечает, что «...ныне существует общепринятая “история национализма” и ясно, что она модернистская...»²⁵⁹. Что понимает Энтони Смит под «этносимволизмом»? По его мнению, этносимволизм избавлен от крайностей, характерных как для примордиализма, так и модернизма. Причем, последний, по словам Э. Смита, просто не в состоянии «...проникнуть во внутренний мир национализма...»²⁶⁰. Энтони Смит

²⁵⁵ Smith A.D. *Theories of Nationalism* / A.D. Smith. – L., 1971; Smith A.D. *Nationalism in the Twentieth Century* / A.D. Smith. – Oxford, 1979; Smith A.D. *The Ethnic Revival in the Modern World* / A.D. Smith. – Cambridge, 1981; Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations* / A.D. Smith. – Oxford, 1986; Smith A.D. *National Identity* / A.D. Smith. – L., 1991; Smith A.D. *Nations and Nationalism in a Global Era* / A.D. Smith. – Cambridge, 1995; Smith A.D. *Nationalism and Modernism* / A.D. Smith. – L., 1998; Smith A.D. *Myths and Memories of the Nation* / A.D. Smith. – Oxford – NY., 1999; Smith A.D. *The Nation in History* / A.D. Smith. – Hanover, 2000; Smith A.D. *National identity and myths of ethnic descent* / A.D. Smith // *Research in Social Movements, Conflict and Change*. – 1984. – No 7. – P. 95 – 130; Smith A.D. *History and liberty: dilemmas of loyalty in Western democracies* / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1986. – Vol. 9. – No 1. – P. 43 – 65; Smith A.D. *The myth of the «modern nation» and the myths of nations* / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1988. – Vol. 11. – No 1. – P. 1 – 26; Smith A.D. *Art and nationalism in Europe* / A.D. Smith // *De onmacht van bet grote: Cultuur in Europa*, ed. J.C.H.Blom. – Amsterdam, 1993. – P. 64 – 80.

²⁵⁶ *Nationalist Movements* / ed. A.D. Smith. – L., 1976.

²⁵⁷ По числу переводов книг Э. Смита лидирует Украина, где исследования британского автора стали выходить в первой половине 1990-х годов. См.: Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації та націоналізм в глобальну епоху / Е. Сміт. – Київ, 2006. К сожалению, на русском языке вышло не так много работ Энтони Смита. См.: Смит Э. Национализм и модернизм. Краткий обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004; Смит Э. Национализм и историки // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 236 – 263.

²⁵⁸ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004. – С. 11.

²⁵⁹ Там же. – С. 83.

²⁶⁰ Там же. – С. 61.

склонен позиционировать этносимволизм как своеобразный компромисс тех, для кого в одинаковой степени важно историческое прошлое своей или чужой нации и современная методология социальных наук.

Если, по мнению Э. Смита, примордиалисты излишнее внимание уделяют идее изначальности наций, а модернисты – их современности, то в рамках этносимволизма возможен анализ того, что для примордиалистов естественно, а для модернистов – непринципиально. Речь идет о «...роли субъективных элементов в выживании этносов, формировании нация и влиянии национализма...»²⁶¹. Согласно Энтони Смигу, этносимволизм освобождает исследователя от тех крайностей, которые характерны для других теорий национализма. В частности, этносимволизм позволяет не сосредотачиваться исключительно на роли в процессе развития нации и национализма носителей «высокой культуры», о которой, в частности, много в свое время писал Э. Гэллнэр.

В такой ситуации этносимволисты в своих исследованиях пытаются синтезировать изучение народной и высокой культур²⁶². Смит полагает, что этносимволизм может помочь ученому выяснить, почему те или иные традиции, унаследованные нацией от донационального периода, трансформировались и успешно функционируют в новом, национальном, контексте, а другие уступили место традициям и ритуалам, придуманным националистами-интеллектуалами²⁶³. Иными словам, этносимволизм может помочь понять механизм изменений в процессе трансформации этнической группы в нацию. Другой аргумент Э. Смита против модернистского понимания национализма сводится к тому, что в исследованиях, написанных с позиций модернизма, мы сталкиваемся с крайне незначительным временным периодом, который насчитывает от трех до четырех столетий.

По мнению Смита, это ведет к тому, что из сферы внимания выпадает немало дискурсов, которые вполне можно интерпретировать в категориях национализма. Если же исследователь обратиться к более ранней истории, то, по словам Э. Смита, этносимволизм даст возможность «...уделить внимание тому вопросу, как предшествующие нации формы коллективной идентичности могут влиять на возникновение наций...»²⁶⁴. Подобно большинству своих коллег, Энтони Смит избегает давать единое и целостное определение национализма, указывая на его связь с целым рядом феноменов, среди которых неизбежно фигурируют нация, национальная идентичность и национальное государство. Смит считает, что национализм, хотя и принадлежит к числу политически важных и

²⁶¹ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 58.

²⁶² Smith A.D. Nationalism and classical social theory / A.D. Smith // British Journal of Sociology. – 1983. – Vol. 34. – No 1. – P. 19 – 38.

²⁶³ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 59.

²⁶⁴ Там же. – С. 58.

значимых идеологий, тем не менее, не следует преувеличивать его значение.

Вероятно, и националистам и исследователям националистического феномена надо понять, что «золотой век» национализма остался в прошлом. На современном этапе значение и влияние национализма крайне ограничено: «...национализм только на непродолжительное время приобретает первостепенное значение – в период государственных кризисов, внешней опасности, завоевания и защиты территории или в период внутреннего господства враждебной этнической или культурной группы...»²⁶⁵. Энтони Смит полагает, что нормальное и продуктивное изучение национализма в рамках одной гуманитарной дисциплины не является возможным в силу того, что «...национализм имеет свои правила, ритм и память, которые формируют интересы его сторонников, чем они сами очерчивают контуры национализма...»²⁶⁶.

Поэтому, исследования национализма – это всегда (или почти всегда) исследования междисциплинарные. Автор, задавший целью изучить националистический феномен в одной конкретно взятой стране, не может апеллировать к своим знаниям только в сфере социологии или политической наук – ему неизбежно придется привлекать данные других наук, среди которых литературоведение, история, языкознание, антропология. Но Э. Смит не ограничивается только попыткой утвердить исследования национализма, как исследования, развивающиеся на грани различных наук, и, как результат, разных методологических подходов, которые требуют исследования владения инструментарием разных наук.

Среди наук, о которых пишет Энтони Смит, история упомянута неслучайно. Мы помним из первой лекции, что среди своих коллег, убежденных в том, что нации являются продуктом современной истории, Смит с его верой в глубинные исторические корни и истоки наций, с его примордиализмом в этносимволистской редакции выглядит едва ли не маргиналом и аутсайдером. Но в такой ситуации ни в коем случае не следует сводить теорию Энтони Смита до модернизированного, облаченного в одежды академической науки, примордиализма.

Смит, критикуя современные теории наций и национализма, предпочитает об историчности наций не в категориях политической и описательной истории, где нередко доминирует патриотическая или националистическая парадигма, а в категориях «...этнической идентичности и общности, которые и составляют исторические и социальные основания наций и национализма...»²⁶⁷. Смит резко выступает против узких теорий национализма, которые дают исследователю возможность интеллектуального маневра в рамках исключительно

²⁶⁵ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 29.

²⁶⁶ Там же. – С. 10.

²⁶⁷ Там же. – С. 9.

политической науки. Сложно не согласиться с идеей Смита о том, что «...значение национализма не ограничивается только миром политики... это – и культурный и интеллектуальный фактор потому, что современный мир наций определяет структуры нашего мировоззрения и наши системы символов...»²⁶⁸.

С другой стороны, подобно своим коллегам, Смит констатирует небывалый рост националистических настроений, которые периодически охватывали и продолжают охватывать различные страны и континенты. В отличие от коллег-модернистов, которые пишут свои работы преимущественно в силе политического анализа в сочетании с экскурсами в историю, социологию, культурологию и антропологию, Смит не считает нужным скрывать того, что видит причины периодически случающихся националистических ренессансов не в политике, а в том, что за каждой нацией, и, как результат, национализмом стоит целый комплекс этнических или исторических предпосылок²⁶⁹. Смит пишет, что некоторым нациям изначально и психологически присущ национализм. Иными словами, человек биологически предрасположен к тому, чтобы быть националистом.

В этом контексте Смит сравнивает национальное / националистическое чувство с религиозным²⁷⁰, указывая, что они почти изначально характерны для самой природы человеческой личности. В такой ситуации конфликты на Балканах, Кавказе и на Ближнем Востоке являются вторично политическими в то время, как их истоки следует искать в национальных проблемах, взаимных претензиях и в том, что участники этих конфликтов изначально диаметрально отличны друг от друга. Развивая идею Энтони Смита, косовский конфликт стал следствием того, что сербы – это сербы, а албанцы – албанцы. Чеченский конфликт так же разгорелся из-за того, что есть русские и есть чеченцы.

С таким односторонним объяснением трудно согласиться, так как оно исключает и фактически игнорирует целый комплекс немаловажных факторов, сводя все к «этническим чувствам» и «националистическим стремлениям»²⁷¹. Анализируя концепцию Смита, нам не следует и впадать в другую крайность. Смит не абсолютизирует и не идеализирует значение национализма. Наоборот, он не отрицает того, что национализму присуща своеобразная интеллектуальная нищета. Национализм не стал ни наукой, ни философией, ни религией. Национализм не породил своих гениальных

²⁶⁸ Там же. – С. 10.

²⁶⁹ Smith A.D. War and ethnicity: the role of warfare in the formation, self-images and cohesion of ethnic communities / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1981. – Vol. 4. – No 4. – P. 375 – 397; Smith A.D. Ethnic and nation in the modern world / A.D. Smith // *Millennium: Journal of International Studies*. – 1985. – Vol. 14. – No 2. – P. 127 – 142.

²⁷⁰ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 10.

²⁷¹ Там же. – С. 9.

мыслителей, как это успешно смогли сделать, например, философия и религия.

Национализм на этом фоне интересен тем, что отдельные великие философы и ученые в своих странах постепенно приобрели репутацию националистов, а иногда и отцов той или иной нации, того или иного национализма: «...национализму не хватало великих мыслителей, но он, точнее - понятие нации, привлек значительное количество великих деятелей культуры – писателей, художников, историков, филологов – которые посвятили свою деятельность исследованию и репрезентации идентичности и образа своих собственных наций...»²⁷². В этом контексте проявилась великая способность национализма адаптироваться и синтезироваться с другими политическими и философскими течениями. В силу этой способности национализм на протяжении своей истории приобрел массу разнообразных дискурсов, что затрудняет определение самого феномена «национализм» в целом.

Комментируя объективные трудности выработки дефиниции, Э. Смит констатирует, что большинство своих значений национализм приобрел относительно недавно – в XX столетии. По мнению Э. Смита, выработку единого определения усложняет то, что национализм может проявляться в совершенно различных процессах. В такой ситуации под национализмом в зависимости от ситуации мы можем понимать «...процесс создания и становления наций...», «...чувство и сознание принадлежности к нации...», «...язык и символику нации...», «...социальное и политическое движение от имени нации...», «...доктрину и / или идеологию нации, общую и конкретную...»²⁷³.

Смит полагает, что каждая из этих дефиниций проливает свет лишь на одну из сторон сложного националистического феномена. Поэтому, им предлагается компромиссное определение национализма как одновременно «...языка, символики, социально-политического движения и идеологий нации...»²⁷⁴. В этом определении Смит ставит перед собой задачу едва ли выполнимую. Он не просто пытается помирить примордиалистов (отсюда – язык и символика) с институционалистами-модернистами. Смит пытается помирить марксистов с их оппонентами. Иными словами, он пытается анализировать национализм в социально-экономических категориях, не забывая при этом и про символический аспект наций и национализма.

В такой ситуации национализм для Э. Смита социально и экономически маркированный и детерминированный феномен. Смит, видимо, и сам понимает всю парадоксальность ситуации, но пишет, что в то время как исследователи склонны видеть в национализме «...социально-

²⁷² Там же. – С. 10.

²⁷³ Смит Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 13.

²⁷⁴ Там же. – С. 14.

политическое движение, которое наделяет определенным смыслом и значением культуру...», то сами националисты определяют национализм иначе, как «...новое прочтение своей истории, возрождение родного языка при помощи языкознания и лексикографии, развитие своей литературы, обновление национальных искусств...»²⁷⁵. Таким образом, Энтони Смит пишет о двух, достаточно сложно синтезируемых, определениях национализма.

Смит и сам затрудняется в определении однозначно верной концепции национализма, полагая, что такая невозможна в принципе. Как компромиссный вариант определения национализма Э. Смит предлагает следующее: «...национализм – это идеология, которая ставит в центр своих интересов нацию и пытается содействовать ее расцвету...»²⁷⁶. Сложность формулирования дефиниции национализма состоит в соотношении двух тесно связанных понятий – нации и национализма. Смит указывает, что в некоторых определениях мы изначально сталкиваемся с ссылкой на нацию, а уже потом возникает национализм. Комментируя это, он пишет, что «...не следует думать, что нации существовали раньше самого факта появления своих национализмов...». Смит, напротив, указывает на интересный феномен существования наций без национализма и / или национализма без наций.

Но Смит считает, что такая ситуация является исключением, а не правилом. Поэтому, анализируя национализм, исследователю следует принимать во внимание тот фактор, что «...любой национализм в той или иной степени касается проблем национальной идентичности...»²⁷⁷. В этой связи Смит указывает на то, что развитие национализма в различных регионах имеет свои локальные особенности и, поэтому, история различных национализмов в разной мере демонстрирует нам и социально-политическое и культурное движение. Смит полагает, что исторически националистическое движение может начинаться не с митингов протеста, а с «...появления литературных обществ, исторических исследований, музыкальных фестивалей и журналов...»²⁷⁸.

Поэтому «...историки и языковеды, художники и композиторы, поэты, писатели-романисты и кинорежиссеры...»²⁷⁹ нередко монополизировали не просто саму национальную идею, но и националистическое движение в целом. В такой ситуации может возникнуть вопрос «Это – культура, где же здесь национализм». Примечательно то, что такой вопрос почти не возникнет в студенческой аудитории европейского или американского университета, но может прозвучать в российском университете. Такой

²⁷⁵ Там же. – С. 14.

²⁷⁶ Там же. – С. 16.

²⁷⁷ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 17.

²⁷⁸ Там же. – С. 14.

²⁷⁹ Там же. – С. 15.

вопрос, вероятно, не возникнет в восточно-европейском, азиатском или африканском университете, где преподавание истории литературы ведется едва ли не как истории национального / национально-освободительного движения.

Проблема в том, что большинство сегодняшних студентов российских университетов получили среднее образование в школе, где, например, на уроках литературы они были вынуждены слушать о гуманитарном и общечеловеческом значении и содержании произведений Н. Карамзина, А.С. Пушкина, Н. Лескова, М.Ю. Лермонтова. Иными словами, они получили крайне односторонние знания о развитии русской литературы. Фактически литература, литературная деятельность, писательство были каналами проявления и трансляции активно формировавшейся русской идентичности, хотя и в форме «высокой культуры». Между тем, история национализма показывает, что литература на национальном языке – один из мощных источников национальной / националистической активности и политического движения, которое использует националистические лозунги.

Выше мы приводили несколько дефиниций национализма, и в одной из них фигурировал символизм. На этом аспекте теории Э. Смита следует остановиться подробнее. Под символизмом Э. Смит понимает одну из потенций национализма, которая апеллирует к тем категориям и истинам, которые для большинства националистов принадлежат к числу непогрешимых добродетелей нации. Среди всех этих добродетелей на первое место следует ставить «коллективное собственное имя», то есть название нации. В данном случае не могу не процитировать самого Энтони Смита: «...по мнению националистов, как и враждующих веронских семейств “роза с другим именем не будет так сладко пахнуть”...»²⁸⁰.

Классический пример, которые подчеркивает, что «...символика наций начинала жить самостоятельно...»²⁸¹, спор между греческими и македонскими националистами относительно самого названия «Македония» и стоящего за ним этнонима «македонцы». Комментируя греко-македонский националистический диспут, Смит пишет, что «...взятое из прошлого название призвано подчеркнуть национальную выразительность, героизм, ощущение общей судьбы, возродить эти черты в представителях нации, то же самое с государственным флагом...»²⁸².

Вероятно, пример с Македонией – удачный (в смысле иллюстрации ситуации) пример. Греко-македонский спор далек от разрешения, о чем в частности свидетельствует то, как Республика Македония фигурирует в международных организациях. Пока мы будем видеть «FYROM» (Former Yugoslav Republic of Macedonia) вместо «Republic of Macedonia», конфликт

²⁸⁰ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 15.

²⁸¹ Там же. – С. 15.

²⁸² Там же. – С. 15.

двух националистических традиций, который превратился в спор о словах и символах, будет далек от разрешения. В центре этих дискуссий лежит проблема нации – того, что может или не может быть нацией или претендовать на статус нации.

Смит указывает на две возможные перцепции нации – первая характерная для самих националистов, а вторая для тех, кто занимается изучением их деятельности. Отличительная черта концепции Э. Смита в том, что он наряду с понятием нация использует и понятие «этнос» в то время, как значительная часть исследователей национализма предпочитает отталкиваться от нации без отнoса, предпочитая писать о различных культурных типах, уровнях и сообществах²⁸³. Комментируя понятие «этнос», Смит пишет, что под ним мы можем понимать «...человеческую общность, связанную с родным краем, для которой характерны общие мифы о происхождении, общая память, один или больше элементов общей культуры и некоторая солидарность, в первую очередь – среди элиты...»²⁸⁴.

Смит предостерегает от попыток дать однозначное определение нации в марксистском (в данном случае уместно упомянуть сталинское определение нации как «...стойкой общности людей, которая исторически возникла на базе общности территории, языка, экономической жизни и психологического склада, который проявляется в общности культуры...») и / или антимарксистском (классическим вариантом является определение Б. Андерсона, которое вызывало, вероятно, стойкое раздражение у советских исследователей, так как в корне противоречило приведенному выше сталинскому определению: «...нация представляет собой воображенное политическое сообщество...») духе. Две эти концепции нации могут иметь как общие черты, так и в корне друг от друга отличаться.

Сложно не согласиться с замечанием Смита о том, что националисты нередко идеализируют (и, как результат, искажают) саму идею нации. В связи с этим Энтони Смит пишет, что «...национализм придает особое значение распространяющимся чувствам, пробужденным идеей нации...»²⁸⁵. Поэтому, для националистов нация является общностью, принадлежность которой определяется ощущением этой общности. В такой ситуации в анализе национализма появляется новый, идеологический, дискурс. Иными словами, исследователь в праве анализировать национализм не в категориях политического и / или культурного движения, но в идеологическом контексте.

²⁸³ Smith A.D. Chosen peoples: why ethnic groups survive / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1992. – Vol. 15. – No 3. – P. 436 – 456; Smith A.D. The origins of nations / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1989. – Vol. 12. – No 3. – P. 340 – 367.

²⁸⁴ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 20.

²⁸⁵ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 17.

Энтони Смит не отрицает того, что мы можем воспринимать национализм как «...совокупность основных убеждений, которых придерживается большинство националистов...» или «...некоторые основные идеалы, которые так или иначе присущи каждому национализму...» или даже «...ряд родственных понятий, которые наделяют конкретным содержанием основные абстракции национализма...»²⁸⁶. Смит считает, что развитие националистической идеологии в разных странах универсально. В такой ситуации, по его мнению, можно выделить несколько идей, характерных для любого национализма.

Эти идеи могут быть следующими: «...мир разделен на нации и каждая из них имеет свою историю и характер; нация – единственный источник политической власти; лояльность по отношению к нации важнее других лояльностей; дабы быть свободным человек должен принадлежать к той или иной нации; каждая нация нуждается в самовыражении; всеобщий мир возможен в случае существования отдельных национальных государств...»²⁸⁷. Все эти универсальные националистические ценности не столь универсальны, как могут показаться. Они могут приниматься этническими националистами и отвергаться политическими. Идеи, привлекательные для политических националистов, неприемлемы для сторонников этнического национализма.

Например, обратимся к лояльности в отношении нации, которая, по Энтони Смицу, важнее других лояльностей. В многонациональных и тем более федеративных государствах достаточно сложно проследить реализацию этого националистического принципа. С другой стороны, это еще сложнее сделать в многонациональной стране, пребывающей в условиях политического транзита, конечный результат которого неясен. В этой ситуации, когда в обществе доминирует устойчивая рефлексия о славном (но не демократическом) прошлом может возникнуть странный парадокс, при котором лояльность неким абстрактным и политизированным представлением о некоем великом прошлом куда важнее, чем лояльность относительно демократических ценностей.

В ходе любой университетской дискуссии мы неизбежно обращаемся к опыту наших предшественников, и перед нами встает почти неразрешимая проблема советской историографии. Критическое отношение к ней, облаченное в чисто научное определение типа «работы советских историков не отражали исторический дискурс во всей его полноте и сложности» нередко может стать поводом для обвинения в отсутствии патриотизма, несмотря на то, что с 1991 года Россия развивается не в рамках советского политического канона. Это подчеркивает то, что в России политическая культура восприятия

²⁸⁶ Там же. – С. 28.

²⁸⁷ Там же. – С. 28.

национализма и культура национализоописания в рамках академического / университетского сообщества находятся на стадии формирования. Приведенный пример показывает, что сведение нации к одной конкретной идеологии весьма проблематично.

В этом контексте примечательно то, что Смит признает возможность для различных националистов идти к созданию своей нации совершенно различными путями. В такой ситуации сама категория нация приобретает новый дискурс. Нация становится «категорией националистической практики»²⁸⁸. Вероятно, уместна параллель с Бенедиктом Андерсоном и его теорией «воображаемых сообществ». Если у Б. Андерсона нация, «воображаемое сообщество», становится результатом интеллектуальной рефлексии, то у Смита все более откровенно: нация – результат политических устремлений националистов. Проблема определения нации лежит в определении того типа сообщества, каким является нация. В этом контексте, по мнению Э. Смита, следует развести понятия «нация» и «государство».

Нация – это тип общности, а государство – проявление институционализированной деятельности. Понятию нации у Э. Смита предшествует идея этнической общности. Этническая общность, как и нация, является культурно детерминированным феноменом. С другой стороны сообщество на уровне этнической общности не знает признаков и атрибутов, которые характерны для нации. Речь идет о политической доминанте, национальной культуре и территории. Более того, этническая общность, в отличие от нации, не знает самого феномена государства и тем более – национального государства. Комментируя это, Смит писал, что понимает под нацией «...человеческое сообщество, которое живет на родной земле, имеет общие мифы, общую историю, общую национальную культуру, единую экономику, единые права и обязанности для всех ее представителей...»²⁸⁹.

С другой стороны, «...нация, чтобы действительно стать нацией, должна иметь свою собственную родину на протяжении относительно длительного времени...»²⁹⁰. Вероятно, под родиной Смит понимает национальное государство, и в этой ситуации мы можем выстроить цепочку соответствий следующего порядка «немцы – Германия», «французы – Франция», «итальянцы – Италия», «португальцы – Португалия». В этот логический ряд теперь вполне вписываются и восточноевропейские нации со своими национальными государствами: «поляки – Польша», «украинцы – Украина», «словаки – Словакия», «латыши – Латвия»... Европа (как думают некоторые европейские националисты, с которыми вполне солидарны некоторые маргиналы в

²⁸⁸ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 18.

²⁸⁹ Там же. – С. 19.

²⁹⁰ Там же. – С. 19.

России) однако не заканчивается на европейских границах Российской Федерации.

В такой ситуации на территории Европы проживает ряд наций, которые не имеют национального государства в европейском понимании, но, тем не менее, эти группы являются нациями. Это понимает и Смит, который констатирует, что «...мы же видим, что для нации не обязательно иметь свое собственное независимое государство, а достаточно иметь статус автономии и свое отечество...»²⁹¹. Вероятно, это утверждение Э. Смита наилучшим образом иллюстрируют две европейские страны – Испания и Российская Федерация. И каталонцы, и баски, и галисийцы в Испании, и чуваша, и эрзя, и мари в России имеют свои автономии и национализмы.

С другой стороны, Испания и Россия не самые удачные объекты для сравнения в виду того, что, например, в Каталонии права каталонского языка реализуются в полном масштабе в то время, как в субъектах РФ статус национальных языков нередко не идет дальше конституционных деклараций. Помните, выше мы привели определение двух понятий, которыми оперирует Э. Смит – этнос и нация. В этом контексте я задам аудитории несколько провокационный вопрос. Посмотрите на современную карту Российской Федерации и попытайтесь, отталкиваясь от территориально-административного деления, ответить на вопрос, кто в России является этносом, и кто нацией. Можем ли мы в этой ситуации говорить о том, что русские могут быть определены как нация?

Комментируя подобную ситуацию, Э. Смит пишет, что иногда является крайне полезным «...перейти от идеализированных примеров до эмпирических в силу того, что здесь мы сталкиваемся с исключениями из правил и тем, что наше понимание проблемы будет приблизительным...»²⁹². Попытаемся встать на позицию сторонников политического определения нации, элементы которого мы можем найти, например, у Э. Гэллнэра, о котором мы с вами говорили в одной из предыдущих лекций. В России мы не найдем совпадения этнического и политического принципа не только для русских, но и для чувашей, татар, мари и других наций. Если мы попытаемся мыслить как ортодоксальные сторонники политического прочтения феномена наций и национализма, русские в этом контексте – не нация, а в лучшем случае - этническая общность.

С таким определением не согласится, вероятно, не один русский и не один серьезный западный исследователь. Это подчеркивает, что не следует верить во всеильность и непогрешимость политической перцепции национального. В этом отношении теория Б. Андерсона может отказаться более продуктивной. В контексте «воображаемых сообществ» русские,

²⁹¹ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 19.

²⁹² Там же. – С. 21.

мари, чувашаи, эрзя, татары, мокша – все эти общности являются нациями. Не исключено, что, например, чувашаи или эрзя более подпадають под андерсоновскую дефиницию «воображаемых сообществ», то есть наций, чем русские. Это происходит не от того, что, например, чувашаи или эрзя являются искусственно структурированными группами (как тцатся доказать некоторые русские маргинальные крайние националисты), но это стало результатом того, что чувство принадлежности к нации, осознание общей истории (то есть то, что мы можем определить как идентичность или степень ее развития и проявления в общественно-политическом и культурном дискурсе) у некоторых чувашских или эрзянских интеллектуалов развито больше чем у русских.

В данном контексте нам следует остановиться и на проблеме государственного патриотизма и этнического национализма. Энтони Смит полагает, что в некоторых западных странах сосуществуют эти два явления. Например, в Великобритании параллельно развивается государственный патриотизм / национализм англичан и противостоящие ему этнические национализмы шотландцев и уэльсцев²⁹³. В Российской Федерации сложилась (или пока только складывается) похожая (правда, со значительными региональными особенностями) ситуация. Русский и местные национализмы развиваются в одинаковой степени как государственные и этнические из-за того, что и за русским национализмом и национализмом, например, чувашским, эрзянским или татарским стоит своя идентичность.

В отличие от советской и современной российской традиции изучения и исследования национализма для Э. Смита идентичность является подвижной категорией. В такой ситуации, по его словам, сама идентичность постепенно обретает ситуативный характер и формируется феномен т.н. «сложной идентичности». Иными словами, Смит пытается доказать, что возможен свободный выбор уже существующей идентичности или формирование принципиально нового идентичностного типа на уровне не только отдельного индивида, но и целых сообществ. Энтони Смит, комментируя феномен идентичности, пишет, что «...может возникнуть неверное впечатление, что идентичности статичны и неизменны... это совсем не так... культурные идентичности и сообществ подвергаются изменениям и разрушению, и эти перемены могут быть постепенны и всеобщи или внезапны и фрагментарны...»²⁹⁴.

В такой ситуации любые сообщества обречены на «этносимволическую реконструкцию» – периодическое осмысление, переосмысление и обновление своих собственных идентичностных типов. Самый яркий, на мой взгляд, пример подобного плана – попытка в постсоветской России сформировать новый тип русской идентичности

²⁹³ Смит Е. Националізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 22.

²⁹⁴ Там же. – С. 25.

(пусть и маргинальной), который базировался бы на ценностях ислама. Об этом речь пойдет в одной из следующих лекций.

Вернемся к теоретическим рассуждениям Энтони Смита о национализме. Мы помним, что он достаточно широко использует «этническую» терминологию, что самым существенным образом повлияло на ту типологию национализма, которую предлагает Э. Смит. Согласно Смицу мы сожжем выделять два основных националистических типа – этнический и гражданский. Предложив именно такую типологию, Смит пытается отойти от ставшей не просто традиционной, но и проблемной дихотомии классификаций, которая проявляется в делении национализма по географическому признаку – на западный и восточный. Смит не согласен с предложенной еще Г. Коном классификацией, в основе которой лежат различные характеры национализма – гражданский и мирный на Западе и агрессивный на Востоке.

В понимании Э. Смита Восток – это не Ориент Э. Гэллнэра и Б. Андерсона. Для Смита (впрочем, как и для Г. Кона) Восток – это регион восточнее Рейна, то есть Восточная и Центральная Европа. Смит полагает, что история европейских национализмов показывает, что национализм нельзя делить на типы, исходя из приведенного выше принципа²⁹⁵. Например, в Восточной Европе развивался мирный, преимущественно политический и гражданский, чешский национализм. Можем ли мы с ним по степени развития политической культуры сравнить, например, ирландский национализм, хотя Ирландия географически гораздо ближе к Западной Европе, чем Чехия. Именно поэтому, Э. Смит предлагает по сути своей компромиссный вариант типологии национализма, выделяя гражданский и этнический типы, указывая на то, что развитие националистических движений не только на Востоке и Западе Европы, но и в Азии и Африке, отмечено именно этими типами.

С другой стороны, в такой ситуации мы уже не в праве говорить о том, что в Европе доминировал однозначно гражданский, а на Востоке этнический национализм: национализм ирландцев и басков несет в себе значительный этнический компонент, в грузинском и армянском национализме достаточно непросто отделить этническое содержание от политического, а индонезийский мусульманский национализм со второй половины 1960-х годов становится едва ли не знаменем оппозиционного демократического политического движения. География – крайне ненадежный советчик в изучении национализма. Гораздо полезнее отталкиваться от конкретного политического содержания националистического феномена.

Концепция наций и национализма Э. Смита на фоне других теоретических построений вокруг националистического феномена

²⁹⁵ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 43.

интересна тем, что он пытается удревнить нацию. Иными словами, те периоды в истории человеческой цивилизации, которые однозначно трактовались в категориях сугубо самодостаточной событийной ценности, Энтони Смит пытается проанализировать так, словно тогда уже существовали нации и, может быть, даже национализм. История дала Э. Смигу удачный пример. Это – греки и греческая история²⁹⁶. Казалось бы, как не возникнуть нации и некоему своеобразному национализму в толь развитом социально и экономически сообществе. К тому же греки создали свою письменность и литературу. Именно литература ценный способ для транслирования национальной идеи. Более того, сама историческая наука, то есть систематизированные представления о прошлом своего сообщества, возникают тоже в Греции.

Невольно в такой ситуации у историка может возникнуть соблазн писать о греческой нации, идентичности и национализме античного периода. Казалось бы, положен конец монополии исследователей-модернистов, которые омолодили нации и национализм, определив их возраст в триста, а иногда – в четыреста, лет. Но в этой ситуации Энтони Смит предостерегает от столь однозначных, значительно модернизирующих историю, объяснений. Как бы греческие националисты не лелеяли миф про внеисторичность греческой нации, греческая история кажется все-таки более дискретной, чем непрерывной. Смит считает возможным писать о некоторых национальных и даже идентичностных дискурсах древней истории, но полагает, что это надо делать крайне осторожно.

Энтони Смит полагает, что на этапе истории Древнего Мира имели место скорее отдельные дискурсы идентичности, чем сам феномен национальной идентичности. Яркий пример – хетты²⁹⁷, первый индоевропейский народ, создавший государственность. Хеттской истории вообще «везло» на ее модернизаторов и интерпретаторов в духе феодализма. Проблема в том, что некоторые авторы пытались вообразить хеттов как свое «воображаемое сообщество» с национальной культурой, языком и идентичностью. Вероятно, полностью сложившейся идентичностью (именно в ее национальном контексте) хетты не обладали. Иначе, как мы можем объяснить, что через несколько десятилетий после уничтожения хеттской государственности, исчезают и сами ее создатели. Иными словами, если бы они были носителями того, что мы понимаем под идентичностью, хетты в той или иной форме имели все шансы сохраниться как сообщество

Энтони Смит не просто указывает на значительный потенциал истории для изучения национализма – по мнению британского исследователя, историки нередко сами принадлежат к числу тех людей, без

²⁹⁶ Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994. – С. 34.

²⁹⁷ Сміт Е. Національна ідентичність. – С. 37.

которых сложно представить развитие национализма в целом ряде государств²⁹⁸. Смит пишет, что «...история национализма – это в такой же степени история тех, кто о нем повествует...». Развивая эту мысль, Смит указывает на то, что «...историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в это движение... заложив моральный фундамент для зарождающегося национализма в своих странах...историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготавливали рациональные основания и хартии наций своей мечты...»²⁹⁹. Несколько конкретизируя это наблюдение, Э. Смит пишет, что «...нации создаются в историческом и социологическом воображении...»³⁰⁰. Правда, историки могли быть и среди самых последовательных критиков национализма³⁰¹.

Анализируя сложные отношения историков и национализма, Смит указывает на то, что вторая половина XX века породила крайне скептическое и даже враждебное отношение к национализму в историческом сообществе. Некоторые историки, словно стремясь не допустить повторения масштабных военных конфликтов типа второй мировой войны, отрицали не только национализм, как политический феномен, но и саму нацию, рассматривая ее как искусственно созданную националистами конструкцию. Такой национальный нигилизм неизбежно должен был привести к ответной реакции. В 1990-е годы, в виду распада Советского Союза и СФРЮ, национализм снова встал на повестку дня. В националистических дебатах и дискуссиях история начала играть роль двигателя националистических движений и взаимных претензий. Но Энтони Смит не предлагает ограничиться исключительно этим объяснением.

Истоки этого националистического феномена Энтони Смит предлагает искать в истории. Помните, выше мы говорили про этносимволизм в том контексте, что в его рамках открываются немалые перспективы для изучения национализма в исторической перспективе. История в этом контексте является важным подспорьем для исследователя, особенно тогда, когда изучаемая страна имеет развитую письменную традицию, что обеспечивает его корпусом источников, которые позволяют проанализировать события в изучаемом регионе на протяжении нескольких столетий. Англия – почти идеальная страна для написания истории национализма в духе этносимволизма³⁰².

²⁹⁸ Smith A.D. Nationalism and the historians / A.D. Smith // International Journal of Comparative Sociology. – 1992. – Vol. XXXIII. – No 1 – 2. – P. 58 – 80

²⁹⁹ См. об этом подробнее: Смит Э. Национализм и историки / Э. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236.

³⁰⁰ Смит Э. Национализм и историки. – С. 252.

³⁰¹ Смит Э. Национализм и историки. – С. 236.

³⁰² Смит Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 88 – 89.

Если в Восточной Европе национальная / националистическая история насчитывает од двух до трех столетий, то в Англии мы можем пролонгировать период национальной истории, начиная едва ли не с XIV века. В такой ситуации модернистский этап в истории европейских национализмов – только один из этапов³⁰³. Ему предшествовал домодернистский этап. Причем, его внутренняя периодизация является дискуссионной проблемой. В рамках домодерной истории национализма мы можем выделить несколько этапов. Давайте в качестве примера будем использовать Англию.

Первый этап, как пишет Энтони Смит, мы можем датировать X – XV веками, когда существуют несколько локальных групп-сообществ, народный разговорный язык активно записывается и формируется т.н. «народная» литература. Смит полагает, что уже в первый период могут складываться различные идентичности – в первую очередь, местные и региональные³⁰⁴. Второй этап – период между XV и XVII столетиями, когда формируется «высокая» культура, а число существующих локальных сообществ сокращается по причине постепенного размывания границ между ними. Третий период начинается в XVIII веке, когда традиционные институты распадаются под натиском набирающей обороты модернизации³⁰⁵.

Схема, описанная Энтони Смитом, бесспорно интересна, но, к сожалению, сфера ее применения при изучении национализма оказывается крайне узкой. Мы можем использовать ее при изучении национализма в странах с развитым каменным строительством и обязанной ему своим сохранением исторической письменной традицией. Речь идет об Англии, Италии, Франции³⁰⁶ и в некоторой степени скандинавских странах. Вероятно, мы можем переложить этот метод на анализ националистических дискурсов и казусов в Испании и Португалии. Первая интересна на фоне одновременного исторического развития нескольких идентичностных типов – каталонского, кастильского, галисийского. Вполне закономерный вопрос о возможной источниковой базе подобного исследования следует адресовать специалистам по испанской средневековой истории. Не исключено, что подобные исследования могут принести свои интересные результаты и при изучении национализма в Греции, Грузии и Армении. Проблема лежит не в плоскости конкретного анализа, а в сфере готовности исследователя поколебать устоявшиеся модернистские концепции наций и национализма.

³⁰³ Smith A.D. The problem of national identity: ancient, medieval and modern? / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1994. – Vol. 17. – No 3. – P. 375 – 399.

³⁰⁴ Сміт Е. Національна ідентичність. – С. 16.

³⁰⁵ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 90.

³⁰⁶ Smith A.D. The «historical revival» in late eighteenth century England and France / A.D. Smith // *Art History*. – 1979. – Vol. 2. – No 2. – P. 156 – 178.

II. ДИСКУРСЫ «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА»

2.1. Народный протонационализм и этничность

Рассматривая ранний латышский национализм, историк сталкивается со скудостью источников и крайне малым количеством упоминаний о национализме в немецкой и российской печати того времени. По данной причине, исследование раннего латышского национализма неизбежно будет развиваться вокруг анализа взглядов наиболее ярких его представителей – Индрикиса Страумитса и Яниса Спрогиса, которые в самом общем плане могут быть определены как носители «идей народного освобождения»³⁰⁷.

В латышском случае истоки предпарадигмальной стадии, которая выразилась в переходе в православие, могут быть определены и как социальные. Это наложило и существенный отпечаток на идеи раннего латышского национализма на воззрения И. Страумитса и Я. Спрогиса. Бедность и голод толкали латышских крестьян, в том числе и теоретиков народного протонационализма (Страумитс и Спрогис оба по социальному происхождению были крестьянами), на смену веры. Польский историк Ежи Топольски характеризует бедность как «составную часть механизма исторических перемен в различных сферах»³⁰⁸. При этом для ранних латышских националистов социально-экономические причины не играли роли главных побудительных факторов для перехода в православие. При этом роль социального фактора в формировании латышского национального движения и самосознания не отрицалась даже в западной историографии, в том числе и среди историков-эмигрантов. Ромуалдас Мисюнас и Рейн Таагепера по этому поводу пишут: «появление и рост национального сознания в XIX столетии сопровождался социальной борьбой крестьянства против культурно и этнически чуждой элиты»³⁰⁹.

Латышские национальные деятели того времени, будучи верующими людьми, могли не рассматривать материальные блага в качестве стимула для смены веры. Скорее всего, они руководствовались «ценностями духовной жизни»³¹⁰. Латышские авторы в своем национальном бесправии для поиска выхода из него обратились к религии. Немецкий историк Х.-Х. Нольте отмечает, что, компенсируя тенденции к всеобщей секуляризации, национализм обретает «почти религиозную святость»³¹¹. Параллельно, предпарадигмальная стадия в развитии любого национализма сопровождается, как правило, острой идейной борьбой и появлением работ,

³⁰⁷ Шишић Ф. Југословенска мисао / Ф. Шишић. - Београд, 1937. - С. 48.

³⁰⁸ Топольский Е. Бедность и достаток как категории исторической концептуализации / Е. Топольский // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. 1994. - М., 1994. - С. 266.

³⁰⁹ Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence 1940 – 1990 / R.J. Misiunas, R. Taagepera. - Berkley – LA., 1992. - P. 5.

³¹⁰ Салыгин Е.Н. Теократическое государство / Е.Н. Салыгин. - М., 1999. - С.91.

³¹¹ Нольте Х.-Х. Индивидуализм и нация на Западе. - С. 19.

которые несут в себе противоречия эпохи, отражая наличие различных тенденций.

Начало национальной активизации латышей Страумитс связывал в одинаковой степени с российским и германским влиянием. Описывая ситуацию в Латвии, он отмечал, что на ее территории «с давнего времени соседствовали две народности – сильное меньшинство и слабое большинство». При этом отношение Страумитса к немцам однозначно негативное. Что касается России, латышский автор так же согласен далеко не со всеми проявлениями ее внутренней политики в Прибалтике. Он считал, что российские власти всегда смотрели на латышские земли как на чуждый, ненужный им, край, отдав его на откуп местной немецкой знати. Когда же он писал о желании латышей слиться с русским народом, автор, скорее всего, в данном случае не искренен. Россию он рассматривал как один из инструментов ослабления немецкого влияния на латышей. Особое неодобрение Страумитса вызывало то, что российские власти в конфликтах между латышами и немцами поддерживали последних, руководствуясь социальными и экономическими интересами. Подобную политику автор был склонен объяснять слабой осведомленностью российских властей, которые, по его словам, не знали, что в регионе «правит не закон, а обычай»³¹². Такие идеи, выраженные в Записках, говорят о том, что их автор, по терминологии М.С. Джунусова, явно находился в состоянии «амбивалентности патриотических чувств»³¹³, то есть имел двойственное отношение к Латвии, стремясь с одной стороны к распространению православия и слиянию с Россией, с другой, выступая с критикой балтийских немцев.

Упрекая Россию, Индрикис Страумитс значительное внимание уделял критике немцев, которым он приписывал желание отделиться от Российской Империи. «Несчастливая наша Родина подарена немцам, а мы пошли в придачу как рабочий инвентарь», – писал он. Страумитс считал, что именно немцы были распространителями антирусских идей в Прибалтике. Латышский автор указывал на то, что немцы стремятся скрыть царские милости в отношении латышей, а возвеличивают исключительно себя: «мы слышим и нам говорят о русских только худое, а подари немец железного петуха на кирху – об этом прогремят по всей Лифляндии, а милость царя под спудом». Страумитс придерживался мнения, что немцы сознательно не дают латышам развиваться, отстранив их от управления и участия в общественной и экономической жизни: «все доходные места и должности были заняты немцами, даже промыслы были в их руках, латышу туда не было и доступа». Страумитс обвинял немцев в том, что они низвели латышей до уровня быдла, стремясь навязать латышам слово *lops* («быдло») в качестве самоназвания³¹⁴.

Страумитс был склонен винить немцев во всех несчастьях латышей и их родины – «бедного, бесхлебного края». Латвия, по словам Страумитса, это рай для дворян и ад для местных латышских крестьян. Конфронтация между

³¹² Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 186, 203.

³¹³ Джунусов М.С. Национализм. Словарь-справочник / М.С. Джунусов. - М., 1998. - С. 31.

³¹⁴ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 187 – 188, 203.

латышами и немцами в такой ситуации, по словам И. Страумитса, была совершенно естественным явлением: «какие чувства мог питать латыш к дворянству, которое лишило его хлеба и опаивало водкой». Именно немцы, по мысли Страумитса, источник всех проблем латышского населения, именно немцы низвели латышей до того, что те «жили хуже скота». Это проявлялось в полном бесправии латышских крестьян перед немецкими господами, которые, что «вздумали, то и делали»³¹⁵.

Индрикис Страумитс, обладая развитым латышским национальным самосознанием, понимал, что нет ничего более лучшего для привлечения большего числа сторонников как создания особого образа немцев. Немец, в сознании латышского автора, исключительно – враг, господин, от власти которого надо избавиться. В связи с этим Страумитс стремился доказать, что единственным немецким средством в общении с латышами было насилие. Страумитс считал, что немецкие бароны периодически устраивали бои латышских крестьян, подвергая унижениям и издевательствам всех латышей, независимо от пола и возраста³¹⁶.

Среди немцев Страумитс особо выделял пасторов, которых обвинял в том, что они «портили хороший латышский народ». Немецкие пасторы, по словам латышского автора, самые последовательные сторонники политики дворянства. Именно пасторов обвинял он в идейной поддержке немцев в их угнетении латышского населения. О пасторах, которые были «так умны, учены и набожны», Страумитс писал с явным пренебрежением. Страумитс считал, что пасторы способны лишь на то, чтобы произносить обличительные речи в интересах немецкого дворянства. Латышский автор обвинял пасторов в том, что те ведут светский образ жизни, стремясь ни в чем не отступать от светских господ. «Домашняя и служебная жизнь пасторов была посвящена интересам земным ... они были трубою дворянства ... задача их жизни состояла в том, как бы увеличить свои доходы ... все время они проводили в смотре за ходом хозяйственных работ ... главным их развлечением было ходить на охоту с помещиками, а из-за отсутствия собак для исполнения этой должности сгонялись латыши», - писал Индрикис Страумитс. Автор Записок стал свидетелем все большей секуляризации пасторов, что способствовало отходу латышей от немцев и ослаблению германского влияния в их среде. Страумитс отмечал, что пасторы «духовными делами занимались меньше всего, от кирхи и службы уклонялись»³¹⁷.

Страумитс не обошел своим вниманием и попытки онемечивания латышских крестьян немцами. Германизация, разумеется, не могла вызвать у латышского автора никаких симпатий и оценивалась им крайне негативно. Основными проводниками политики онемечивания он называет пасторов. Считая, что попытки германизации в Прибалтике не принесли и не принесут результатов, Страумитс все же пишет о том, что ограниченное число

³¹⁵ Там же. - С. 195.

³¹⁶ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 249.

³¹⁷ Там же. - С. 196 – 197, 206 – 207, 211.

латышей немцы все-таки смогли онемечить. Важнейший канал германизации, согласно Страумитсу, образование, которое немцы давали некоторым латышам при условии принятия ими немецкого языка и немецких традиций. Комментируя усилия немцев, направленные на германизацию, Страумитс писал: «немцы учили латышей, но образование предлагалось им при обязательном условии забыть свой родной язык и даже усвоить себе немецкий выговор, выучиться картавить как немцы и перед каждым латышским словом несколько раз повторять беззвучную немецкую букву ö, ö, ö». Страумитс считал, что такие латыши опасны, так как стремятся «плюнуть на родной язык»³¹⁸.

Понимая необходимость противостояния немцам при помощи русских, Индрикис Страумитс останавливался и на том, как немецкие пасторы относились к России и русским. В своих Записках он свидетельствует о том, что немецкие авторы стремились разжечь в латышской среде недоверие и ненависть к русским. По словам Страумитса, особых успехов в этом направлении немцы достичь не смогли, и латыши стремились к росту контактов с русскими. Страумитс писал, что в своем желании освободить часть латышей от русского влияния, немцы с церковной кафедры утверждали, что «во всех русских лавках понаделаны западни с кольцами, что как только латыш войдет один в лавку, так хозяин ногой надавит кольцо и латыш провалиться, а там его и убьют, а в погребах у русских всегда находят много убитых латышей». Подобные утверждения пасторов Страумитс расценивал как «распущенные в народе немецкия бредни»³¹⁹.

Индрикис Страумитс отмечал и то, что латыши со стороны немцев подвергались и экономической дискриминации. Описывая злключения латышей в Риге, автор отмечал, что латыши не имели права посещать немецкие лавки и покупать товары у немецких торговцев. На попытки латышей войти в немецкие лавки немцы, по словам Страумитса, выгоняли и били латышей³²⁰. Страумитс утверждал, что в Риге немцы в лавках не отвечали на вопросы латышей, деля вид, что не понимают по-латышски. Логика латышских крестьян была такова: входить в немецкие лавки не надо, а то «хозяин, пожалуй, прибьет». Если же латыши осмеливались войти, то, по словам Страумитса, немцы все равно их «выводили за волосы»³²¹. На таком фоне в латышской среде возрос интерес ко всему русскому. «Сложилось, наконец, убеждение, что нет на свете народа лучше русского, нет хуже, Гордее, наглее, драчливее, несправедливее немца», - писал И. Страумитс³²².

Начало национальной активизации латышей Страумитс датировал 1840-ми годами и связывал ее с ростом латышско-русских контактов: «латыши стали более чем прежде сближаться с русскими, интересоваться их бытом,

³¹⁸ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 215.

³¹⁹ Там же. - С. 239.

³²⁰ Там же. - С. 238.

³²¹ Там же. - С. 242.

³²² Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 244.

всматриваться в их веру, стали сравнивать, проверять и сличать»³²³. Латышский автор считал, что немецкие пасторы и помещики в Латвии были совершенно не готовы к активизации латышского населения. Страумитс отмечал, что немцы не смогли использовать для подавления движения в зародыше шляхту, которую они стремились создать в латышской среде³²⁴. Тем не менее, Страумитс был вынужден признать то, что немецким баронам и пасторам все же удалось внести некоторый раскол в среду латышей: «немцам давно уже удалось привнести в народную массу начало сословного разделения, разбить ее на части, разобщить между собой, противопоставить одну другой»³²⁵. Страумитс придерживался мнения, что движение было «для пасторов было совершенно неожиданное, никогда не приходившее им на ум». Страумитс считал, что движение выразилось в том, что латыши осознали несправедливость ситуации и стали задумываться о своем неравноправном положении: «у латышей, вскормленных и впоенных всякого рода унижениями, откуда-то взялась способность чувствовать наносимые им оскорбления; мало того, чувство боли стало выясняться и облекаться в форму суждений, даже осуждений»³²⁶.

Одним из первых проявлений национальной активизации латышей Индрикис Страумитс считал появление в Латвии движения гернгутеров. наиболее активными участниками движения, как показал Страумитс, были представители «деревенской аристократии» - состоятельные крестьяне-хозяева и зажиточные арендаторы³²⁷. Страумитс описывал это движение как совокупность религиозных братств, члены которых «собирались на сходки, рассуждали, предлагали советы и вопросы, постановляли решения». Страумитс был свидетелем того, что гернгутеры «составили себе правила, которые держались в большом секрете, а исполнялись строго с буквальной точностью»³²⁸. Национальная активизация в 1840-е годы в латышской среде носила религиозный характер. Центрами латышской национальной жизни становились молитвенные дома гернгутеров, где те проводили свои собрания, которые, как отмечал Страумитс, немецкие авторы стремились представить как «собрания развратников»³²⁹. Страумитс писал, что братство решило строить дома для проведения там молитв, «проповедовать и учить, проповедников назначать по выбору из своей среды при тщательном испытании поведения, познаний и ревности». Страумитс отмечал, что наряду с национальным самосознанием латышские гернгутеры были религиозными фанатиками, посещения коллективные моления за 90 верст от своих хуторов³³⁰. Гернгутеры, по словам Страумитса, развернули активную деятельность, «работали неутомимо, не оглядываясь на насмешки и

³²³ Там же. - С. 231.

³²⁴ Там же. - С. 218.

³²⁵ Там же. - С. 234.

³²⁶ Там же. - С. 231.

³²⁷ Там же. - С. 254.

³²⁸ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 234.

³²⁹ Там же. - С. 256.

³³⁰ Там же. - С. 235.

поношения, сыпавшиеся на их головы»³³¹. Их деятельность имела свои позитивные результаты, так как благодаря усилиям гернгутерских проповедников немало крестьян научились читать и писать по-латышски³³².

Скорее всего, в данном случае под религиозными мотивами они скрывали свои национальные цели и устремления. Это предположение может оказаться верным, если принимать во внимание то, что с началом гернгутерского движения в Латвии в крестьянской среде появились проповедники, которые проповедовали на латышском языке. При этом, их проповеди по своей направленности отличались от немецких. Если немецкие пасторы стремились воспитывать латышей в верноподданническом духе, то гернгутеры – в национальном. Страумитс описывал эту ситуацию так: «религиозное вдохновение как будто развязало языки и, в самое короткое время, явились между латышами истинно даровитые проповедники». Наиболее талантливым латышским национальным проповедником Страумитс считал Анджса Курмиса³³³. Немецкий историк Георг фон Раух отмечал, что подобные явления свидетельствовали о том, что среди латышей стали заметны претензии на право создания своей независимой национальной культуры³³⁴.

Индрикис Страумитс анализировал национальную активизацию латышей в религиозных категориях. Переход в православие он рассматривал как «необыкновенное явление среди иноверцев, хвастающихся своей образованностью», как стремление к «истинной вере». Движение в православие им оценивалось положительно, так как в рамках Русской Православной Церкви существовало больше условий и возможностей для использования латышского языка. Именно это движение Страумитс рассматривал как причину, по которой российские власти обратили внимание на положение в Прибалтике. Страумитс совершенно верно отметил и тот факт, что именно в православии немцы увидели угрозу своему господству. Этим он объяснял усиление антилатышской линии немецкого баронства, направленной в первую очередь против православных латышей. Проявлением антилатышских настроений немцев, которые Страумитс испытал на себе, была борьба, направленная против ношения православных нательных крестов, которые немцы, по его словам, называли «собачьими кламберами»³³⁵. Переходя в православие, латыши стремились использовать религию как фактор легитимизации своих действий, которые были направлены против немцев³³⁶.

Описывая национальную активизацию латышей, Страумитс констатировал наличие двух течений. «Между проснувшимися латышами обозначились две группы. У каждой были свои задачи и цели», - писал он.

³³¹ Там же. - С. 251.

³³² Там же. - С. 256.

³³³ Там же. - С. 236.

³³⁴ Rauch G. von Baltic States. Years of Independence / G. von Rauch. - NY., 1995. - P. 7.

³³⁵ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 185, 200, 211, 214.

³³⁶ Гараджа В.И. Социология религии / В.И. Гараджа. - М., 1996. - С.145.

Первая группа латышей, по словам автора, стремилась покинуть Прибалтику, принять православие и поселиться в русских губерниях. Вторая считала необходимым остаться в Латвии, но при условии проведения «своего рода реформации». Противниками обеих этих групп Страумитс считал в одинаковой степени немецких пасторов и помещиков³³⁷. Сторонники переселения связывали свои надежды с Россией. Видимо, имея планы переехать в русские губернии, они не стремились становиться русскими. О «полном слиянии с Россиею во всех отношениях» Страумитс, скорее всего, писал ради превлечения большего числа сторонников. В действительности, Страумитс считал, что русские крестьяне находятся в более лучшем состоянии, чем латышские. Он полагал, что распространение на латышей русских законов приведет к тому, что возникнут условия для их национального развития. Отвечая на вопросы «Чего же хочет латыш? Чего им все-таки нужно?», он писал, что латыши хотят иметь то, что «имеет Россия, что ей дано: живая вера, один царь, не тысячи царьков, свобода обеспеченного быта и ощущение над собой закона, а не переодетого в закон произвола»³³⁸.

Вторым теоретиком раннего латышского национального движения был Янис Спрогис. Спрогис, как и Индрикис Страумитс, отличался пророссийской политической ориентацией. При этом Латвию он считал своей Родиной³³⁹. Это можно объяснить тем, что он получил образование в России, кончив курс в Санкт-Петербургской духовной академии. Позднее Спрогис работал архивариусом виленского центрального архива. Латышский исследователь начала 1990-х годов Л. Черевинчик, комментируя эти факты биографии Спрогиса, отмечал, что он принадлежал в одинаковой степени латышской и русской культурам³⁴⁰, что, скорее всего, является преувеличением, так как Спрогис был латышом, но не русским.

В 1868 году им была издана книга «Памятники латышского народного творчества». Из-за германского засилья в Латвии книга не могла быть издана в Риге или другом городе, расположенном на латышской территории. По данной причине, книга вышла в Вильне, где немецкое влияние практически не ощущалось. На страницах этой книги Спрогис впервые ознакомил русских читателей с латышскими песнями, переведенными на русский язык. Латышские сгруппированы Спрогисом по четырем отделам: 1) вода, воздух, суша; 2) предметы растительности; 3) предметы из царства животных; 4) человек. Рассматривая проблемы латышской национальной культуры, Спрогис особое внимание уделял народным песням. «Латышская народная песня была в уважении в глубокой древности, тогда все начиналось и заканчивалось песней, пели молодые и старые, пели в будни и праздники, песня была так обширна, что обнимала весь мир латышей», - писал

³³⁷ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 234.

³³⁸ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 246.

³³⁹ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества» // Даугава. - 1992. - № 4. - С. 134.

³⁴⁰ Черевинчик Л. И.Я. Спрогис. - С. 132.

латышский деятель. Спрогис считал, что «не было ни одного предмета в латышском хозяйственном быту, даже в кругу отвлеченных понятий древнего латыша, который не был бы обставлен поэтическими образами»³⁴¹. Спрогис с горечью констатировал, что после немецкого завоевания употребление латышской песни стало сокращаться и уменьшаться. В целом, в идеях Спрогиса немало националистического: латышей он идеализировал и относился к ним с особым почтением. К литовцам, например, он таких чувств не питал. «У истых латышей жизнь сохранила часть первобытной простоты»³⁴², - отмечал Спрогис.

Спрогис в своем издании одним из первых пытался выяснить и осмыслить особенности национальной латышской истории. В связи с этим, особенно интересен для него был донемецкий период. Спрогис в некоторой степени идеализировал то время, когда господствовали «понятия языческие». Заслуга Спрогиса состоит в том, что он стремился выяснить проблемы донемецкой истории. Для этого он, в частности, писал: «в доисторической эпохе латышской жизни латышская земля была совершенно свободна от нашествия иноземных завоевателей». Идеализируя раннюю историю латышей, немецкое завоевание рассматривалось Спрогисом как величайшее историческое несчастье латышского народа, которое лишило его возможности самостоятельного политического и культурного развития»³⁴³.

Спрогис был критиком немецкой политики в Латвии. Как латыша с национально ориентированным мировоззрением Спрогиса не устраивало то, какая политика проводится немцами в отношении латышского населения. Спрогис во многом справедливо обвинял немцев в подавлении латышской культуры, попытках германизации латышского населения. Комментируя немецкое засилье, Спрогис писал, что «в настоящее время немецкое господство над латышами достигло зенита своего величия». Именно этим Спрогис объяснял упадок латышской народной культуры, отход латышей от народных традиций, в особенности – песенных»³⁴⁴.

В предисловии, написанном Спрогисом для издания латышских народных песен, есть ряд элементов от более позднего и развитого национализма. Подобно латышским националистам второй половины XIX – начала XX века, Спрогис идеализирует латышей. Он был склонен к тому, чтобы выделять их из числа соседних народов. Латыши рассматривались им как уникальная и неповторимая общность. В связи с этим Спрогис писал об «отличительных свойствах латышского поэтического гения», который, по его словам, был «чрезвычайно оригинален и самобытен»³⁴⁵.

Что касается издания народных латышских песен Спрогиса, то в его рамках присутствуют песни, посвященные различным сторонам жизни

³⁴¹ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 135.

³⁴² О латышских народных песнях // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. - Рига, 1876. - С. 55 – 63.

³⁴³ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 136.

³⁴⁴ Там же. - С. 136.

³⁴⁵ Там же. - С. 137.

латышей. Особое внимание он уделил песням о «русских и Русской земле» («Крѣве, крѣву земе»), литовцах («лейши»), пруссаках («пруши»), неметчине («Вацземе»), Риге. Спрогис видимо сознательно отбирал латышские песни опубликованные в своем издании. В песнях о России, с одной стороны, заметен социальный подтекст, что говорит о социальной природе латышского национального движения на раннем этапе: «Крустѣм калта Крѣву земе, Ші кунгѣм ізваргота; Цаур крустѣм Сауле леца, Цаур варгѣм норѣтея» («Из крестов скована Русская земля, а эта обессилена господами; чрез кресты восходит солнце, а через господ заходит»)³⁴⁶.

Кроме этого Спрогисом в народных песнях неоднократно отмечаются положительные связи латышей с русскими и литовцами. Спрогис, видимо, считал, что русские и литовцы могут быть использованы латышами в их борьбе с немцами. Надежды латышского автора на Россию вполне понятны: латышские крестьяне и раннее выражали уверенность в изменении политики в регионе в их пользу, что свидетельствует о традиционной для крестьянства на территории Российской Империи веры в доброго правителя. Что касается литовцев, то Спрогис не видел отличия между ними и латышами, видимо, полагая, что ассимиляция литовцев латышами будут способствовать усилению последних в их с борьбе с немцами: «Крѣвам деу сав' масіню, Патс сев ньему Лейша мейту; Гай Крѣвос, гай Лейшос, Вісур манн зноті – раді» («Русскому я дал свою сестрицу, а сам себе взял Литовку; хожу к Русским, хожу к Литовцам, везде мне зятья – родня»)³⁴⁷.

Контакты с литовцами рассматривались Спрогисом как доказательство латышской природы литовцев, что на данном этапе (1850 – 1860-е годы) было неудивительно, так как литовский и латышский языки еще не сложились окончательно, а их диалекты были близки. Вера Спрогиса в близость и родство латышей с их литовскими соседями была наивной, отражала многовековые связи двух народов: «Пут, балінь, вара струмпі, Аугста калная галіня: Лай нак серсті тас масіняс, Кас Лейшос ногаюшас» («Труби, братец, в медную трубу, на верху высокой горы: пусть приходят в гости те сестрицы, которые ушли в Литву»). При этом в ряде песен, изданных Спрогисом, присутствуют в отношении Литвы и агрессивные мотивы: «Эс грібею Лейшу земі, Зіл' угуні дедзінат; Тікай вѣн ъгадаю, Маса Лейшу робежа» («Я хотел выжечь Литву зеленым огнем; но вспомнил, что сестрица в границах Литвы»)³⁴⁸.

Спрогис был склонен объяснять сложности исторического развития латышей негативным влиянием со стороны соседей, которые тормозили «способности латышей к самостоятельному развитию в одно политическое целое». Проникновения русских, немецкое завоевание, нападения литовцев – это, в концепции Спрогиса, важнейшие факторы, которые негативно влияли на латышей³⁴⁹. Реально оценивая ситуацию, Спрогис понимал, что латыши не

³⁴⁶ О латышских народных песнях. - С. 61.

³⁴⁷ Там же. - С. 61.

³⁴⁸ О латышских народных песнях. - С. 61.

³⁴⁹ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 137.

в состоянии многое противопоставить немцам и русским. По данной причине, Спрогис «отыгрывался» на литовцах. Поэтому в песнях, подобранных Спрогисом, звучат мотивы необходимости растворения литовцев в латышской среде: «Лейши, Лейши – ман' баліны, Гарам ману сету яя; Мужам Лейши палькат, Я ъкша не накат!» («Литовцы, Литовцы – мои братья, Они проезжают мимо моего дома, на век останетесь Литовцами, если не заедите в мой дом!»)³⁵⁰.

Подбирая песни для издания Спрогис, видимо, нередко руководствовался желанием показать, что латыши не питают к немцам положительных чувств. Поэтому, в песнях в разделе «Вацземе» звучат антинемецкие настроения. Параллельно с принижением всего немецкого Спрогис стремился возвеличить все латышское, принизить немецкое. По данной причине, немцы, в изображении Спрогиса, не только господа и помещики, опасные люди, но и глупые существа. Будучи угнетены национально и социально, латыши стремились компенсировать свои проблемы высмеивая и критикуя все немецкое с позиций народного традиционного крестьянского сознания: «Ше невайд таду коку, Каді кокі Вацземе; Вірз акменя Берзиньш ауга, Зелта пога галіня» («Здесь нет таких деревьев, какая деревья в Неметчине, На камне растет береза, На ее макушке золотая почка»), «Эс аскалу ванадзіню, Айзсутію Вацземе, Вацземньку бринояс, Видземс путті брункс нес» («Я заковал сокола, Послал его в Неметчину, Удивляются немцы, что Лифляндския птицы носят кольчугу»)³⁵¹.

Антинемецкий настрой Спрогиса проявился и в тех песнях, подобранных им для публикации, которые были посвящены Риге. Отличительная черта песен данного раздела – Рига постепенно все более осознается как именно латышский город, несмотря на то, что большинство городского населения составляли немцы. При этом Спрогис осознавал и то, что процветание Риги не является результатом немецкого труда. Спрогис исходил из того, что благополучие главного немецкого города региона – результат угнетения латышей немцами: «Рига! Рига! Скайста, скайста! Кас то скайсту даріная? Відземньку сура вара, Пакавоті кумеліны» («Рига! Рига! Красива она, Но кто ее сделал красивой? Тяжелая неволя Лифляндцев. Их подкованные кони»)³⁵².

Особенное внимание Янис Спрогис уделил подбору песен о «чужих людях». Судя по песням, отношение составителя сборника к разного рода инородцам было отрицательным. Отличительная черта данных песен состоит в том, что инородцы рассматриваются им как опасные «чужие люди», которые несут латышам только вред, от которых латышскому населению угрожает опасность. Инородцы, в изображении Спрогиса, способны только на то, чтобы угнетать латышей, расхищать латышские богатства. Особенно

³⁵⁰ О латышских народных песнях. - С. 61.

³⁵¹ Там же. - С. 62.

³⁵² О латышских народных песнях. - С. 62.

Спрогис негативно относился к тому, что инородцы вывозили из Латвии латышек, что отрывало их от их национальных корней³⁵³.

Спрогис был одним из первых, кто уделил внимание особенностям языческой латышской донемецкой культуры. Заслуга Спрогиса в данном направлении состоит в том, что он подобрал целый ряд песен, где широко представлены языческие мотивы, упомянуты имена латышских донемецких языческих богов. Спрогис упоминает Диевса – Бога. Он описывает бога с традиционных крестьянских позиций. В понимании Спрогиса Диевс – Бог может «тихо, тихо ездить с горы в долину», он ездит «на дымчатом коне, который приносит листья деревьям». Через седло коня Бога «всходит солнце, через его узду – луна». Спрогис был одним из первых, кто описал Перконса – героя латышской языческой мифологии³⁵⁴.

Увлекаясь идеей транскрипции литовских и латышских текстов русскими буквами, Спрогис противодействовал возникновению местной народной письменности для литовцев. Его политические взгляды не помешали ему, однако, отыскать три документа западнорусской юридической письменности 1651, 1701, 1750 годов. Спрогис, основываясь на этих источниках, доказал, что присяга произносилась на суде на литовском языке, а тексты были записаны латинскими буквами³⁵⁵. Спрогис считал, что литовцы лишь часть латышей и со временем они должны перейти на латышский язык, который он и старался им привить, используя кириллицу и латышские языковые формы.³⁵⁶ При этом латышские историки языка неоднократно отмечали несоответствие русской кириллицы нормам латышского языка и находили значительные недостатки в издании Я. Спрогиса³⁵⁷.

Появление латышского национализма, имевшее форму «политизации народной культуры»³⁵⁸ через смену религиозной парадигмы, что стало своего рода «религиозной терапией»³⁵⁹ для угнетенного латышского крестьянина, в 1840-е годы не могло остаться незамеченным. При этом влияние данных событий на латышей было не столь значительным. События 1840-х годов были своего рода «национальной эмансипацией крестьянского народа», так как латыши поголовно были крестьянами, а российское государство и местные правящие круги не воспринимали их самостоятельное сообщество³⁶⁰. Его появление привело к активизации политической борьбы в

³⁵³ Латышские народные песни в переводе И. Спрогиса. Отдел четвертый // Даугава. - 1993. - № 1. - С. 119.

³⁵⁴ Латышские народные песни в переводе И. Спрогиса. Отдел пятый // Даугава. - 1993. - № 4. - С. 148 – 150.

³⁵⁵ Известия Императорской Академии Наук. - Т. IV. - 1896.

³⁵⁶ Список работ Спрогиса см.: Витебские Губернские Ведомости. - 1898. - № 136.

³⁵⁷ Черевинчик Л. И.Я. Спрогис. - С. 132.

³⁵⁸ Шартъ Р. Культурные истоки французской революции. - С. 149.

³⁵⁹ О термине см.: Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в Средние Века / Ю.Е. Арнаутова // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. 1995. - М., 1995. - С. 151.

³⁶⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. - С. 161 – 162.

регионе, что выразилось в начале активной взаимной критики как немецких политических лидеров, так и теоретиков молодого латышского национализма. Историки Ромуалдас Мисюнас и Рейн Таагепера по данному поводу отмечают, что активный прозелитизм Русской Православной Церкви, который в ряде регионов Латвии и Эстонии развивался вполне успешно, привел не только к активизации конкуренции между православием и протестантизмом, но и к росту числа публикаций на латышском и эстонском языках, то есть началу политической полемики³⁶¹.

Критика раннего латышского национализма связана в основном с изучением истории деятельности Индрикиса Страумитса и движения за переход в православие. Появление такого неоднозначного произведения как страумитовские записки (ставшего одним из признаков национального возбуждения латышей) не могло остаться незамеченным. Несмотря на то, что произведение Страумите нередко несет в себе «упрощенный и стереотипизированный образ действительности»³⁶², оно вызвало отклики. Правда, нередко они касались не самого автора, а Ю. Самарина, выступившего в роли издателя.

«Литературные провинности не остаются безнаказанными»³⁶³, - замечает французский историк Р. Шартье. Первыми откликнулись, разумеется, немцы. Именно они восприняли Записки как провинность, при этом – весьма опасную и серьезную. Еще в 1864 году пастор Вальтер, комментируя усиление православия в 1840-е годы писал, что «Лифляндия должна быть исключительно немецкой страной: поэтому, наш главнейший долг защита прав немцев и лютеранской церкви ... из сожаления к исчезающим расам, мы поддерживали их национальность, но между нами не должно быть ни эстов, ни латышей, ни русских – в Лифляндии могут и должны жить только немцы»³⁶⁴. Позднее он утверждал, что опасность в 1840-е годы грозила евангелической церкви и закону и порядку в Прибалтике³⁶⁵. Немецкие авторы, как правило, истоки всех проблем видели в религиозной пропаганде Православной Церкви³⁶⁶.

После этого многие балтийские немецкие деятели стали иначе относиться к латышам – они стали несколько большее внимание уделять вопросам образования латышей. Например, такого мнения придерживался пастор Шац, стремившийся «привлечь латышей к нужному образованию». В 1842 году он отметил, что немцы должны большее внимание уделять и подготовке латышских детей к конфирмации, что исключало бы их последующий переход в православие. В 1845 году пастор К. Бруинингк констатировал необходимость воспитания в латышах набожности и преданности. Похожие идеи и выражала подконтрольная немцам «Latweeschu Awihzes»

³⁶¹ Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence. - P. 6.

³⁶² Сальгин Е.Н. Теократическое государство. - С.92.

³⁶³ Шартье Р. Культурные истоки французской революции. - С. 75.

³⁶⁴ Цит.по: Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С.111.

³⁶⁵ Bischof Dr. Walter. - Leipzig, 1891.

³⁶⁶ Православие и лютеранство в России. - Лейпциг, 1890.

(«Латышская газета»), указывавшая на то, что латышам надо дать «не светское образование, а ценности с большим духовным содержанием»³⁶⁷.

Положительную оценку движение за переход в православие получало только в балтийской русской литературе и прессе³⁶⁸. Многие латышские авторы критиковали немецкое лютеранское духовенство: «прибалтийские лютеранские священники всегда были более ненавистными врагами народа, чем сами бароны – они получали свои приходы по милости баронов и должны были заботиться о том не только как эксплуатировать крестьян, но и о том, чтобы те были более эксплуатируемыми»³⁶⁹, - писал, например, Фрицис Розиньш-Асис. Более поздние латышские интеллектуалы исходили часто из марксистских позиций. Это было характерно, разумеется, для советской Латвии. В связи с этим, показательны выводы П. Валескалнса. Обращение в православие он, как ни странно, рассматривал как результат «происков лютеранских пасторов», оценивая его как форму классовой борьбы: «под религиозной оболочкой скрывалась надежда крестьян избавиться от ненавистного ига немецких захватчиков». В целом считалось, что это вело к росту связей между ... латышскими и русскими революционерами³⁷⁰.

Западные интеллектуалы к самаринскому изданию работ Страумите не обращалась. Проблематика перехода в православие присутствует в контексте других тем. Например, Д. Хоскинг указывал на то, что российские власти до определенной степени предпочитали поддерживать латышей в их противостоянии немцам. Ю. Самарина оценивается как «первый русский государственный деятель, который предпринял наступление на немецкое владычество в Прибалтике»³⁷¹. Что касается отечественной реакции, то дореволюционные историки уделяли значительное внимание переходу латышей в православие. В связи с этим показательна концепция П.М. Токарева. Переход в православие объяснялся тем, что крестьяне находились в сложном экономическом положении, бедствовали, при этом они не могли, по его словам, применять насилие, так как понимали бесперспективность

³⁶⁷ Об этом подробнее см.: Daukste V. Par carisma un Baltijas muižniecībām attiecībām zemnieku skolu un izlītības jautājumos (19.gs. 40. – 50.gadi) / V. Daukste // Германия и Прибалтика. - Рига, 1983. - С. 51 – 65; Даукште В. Сотрудничество остзейского дворянства и лютеранского духовенства по вопросу просвещения латышских крестьян в 1840-х – 1850-х годах (в Курляндии и Лифляндии) / В. Даукште // Германия и Прибалтика. - Рига, 1980. - С. 100 – 113.

³⁶⁸ Лейсман Н. Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия / Н. Лейсман. - Рига, 1908; Записки священника Полякова об Эйхенангерском приходе // Сборник материалов и статей по истории прибалтийского края. Т.3. - Рига, 1880. - С.515 – 564; Преображенский В.И. Открытие рижского викариатства / В.И. Преображенский // Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской губернии. - Рига, 1894. - Вып. 2; Сахаров С. Православные церкви в Латгалии / С. Сахаров. - Рига, 1939; Гаврилин А. Некоторые вопросы крестьянского движения за переход в православие в 1841 году в Прибалтике в интерпретации апологетов православия / А. Гаврилин // Latvijas agrārās vēstures jautājumi. - R., 1984. - lpp.126. – 144.

³⁶⁹ Розинь Ф. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике / Ф. Розинь. - М., 1925.

³⁷⁰ Валескалн П.И. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли Латвии / П.И. Валескалн. - Рига, 1967. - С. 84 – 85.

³⁷¹ Хоскинг Д. Россия: народ и империя / Д. Хоскинг. - Смоленск, 2000. - С. 395 – 396.

подобных действий: «Верующая душа латыша нашла в православии такую обрядность и такое богослужение, которые одновременно давали пищу для ума, воображения и чувства человека, так как доставляли пищу исключительно уму», - писал он. Историк указывал и на то, что в переходе в православие главную опасность увидели немецкие бароны. Именно они, по его словам, стали главными инициаторами повторного обращения в лютеранство. При этом к переходу в православие он относился положительно: «церковь православная была готова принять новых чад»³⁷².

Рассматривая значение предпарадигмальной стадии в латышском национальном движении, можно сравнить ее с родившимся ребенком, о котором не ясно выживет он или нет. Ситуация неопределенности существовала в отношении молодого латышского национализма в 1830 – 1850-е годы. Национализм уже существовал, был выработан определенный комплекс идей. Правда, не было ясно, какова будет их дальнейшая судьба, было сложно сказать ждет ли латышей почти полная германизация и существование в такой же обстановке в которой существуют лужицкие сербы. Наряду с германизацией не менее опасной была и перспектива русификации.

Мировоззрение ранних латышских националистов – явление очень сложное и многоплановое. Некоторые историки вообще склонны отрицать наличие национального мировоззрения у тех, кто достаточно легко сменил одну веру на другую. Янис Лицис (1830 – 1906, Индрикис Страумите или Янис Лицитис, по другим источникам) был, скорее всего, именно таким человеком. Это относится и к двум другим лидерам православного движения – к Давидсу Балодису (обратившему в православие в 1847 году 2057, а вообще – 7322 латышей) и Янису Спрогису³⁷³. Однако, в латышском случае смена веры не была просто социально вынужденным явлением, так диктовалась скорее всего национальными чувствами. Некоторые историки, рассматривая фактор смены одной веры на другую в национальных движениях считают, что новообращенные не имели национального самосознания, а стремились только к укреплению своего личного престижа и создания особого положения для своих сторонников³⁷⁴. Тем не менее, национальное мировоззрение ранних латышских общественных деятелей – явление очень сложное и многоплановое.

Раннее латышское национальное мировоззрение не может быть сведено к книжному знанию. Мировоззрение националистов данного этапа определялось в значительной степени устной традицией и народной культурой, которая имела древние и отдаленные истоки³⁷⁵. Идеи раннего национального движения обнаруживают свою близость с кружками склонными к инакомыслию и существовавшими в России. Магистральными идеями на данном этапе были веротерпимость, уравнивание религий,

³⁷² Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С. 93 – 98.

³⁷³ Sproģis J. Pašbiografija / J. Sproģis. - R., 1911.

³⁷⁴ Торовић В. Босна и Херцеговина / В. Торовић. - Београд, 1925. - С. 71 – 72.

³⁷⁵ Гинзбург К. Сыр и черви. - С. 45.

развитие морали и т.п. В идеях Яниса Лициса было немало традиционного, что сближает его с более ранними мыслителями. Мировоззрение Лициса стало своего рода латышским переосмыслением немецкой лютеранской религиозности переложенной на традиции русского православия. Таким образом, Лицис-Страмитс в своей доктрине соединил изначально несоединяемые элементы. По данной причине, они и обрели крайне незначительную востребованность со стороны латышей того времени. Вот почему, используя терминологию М. Кертиса, Янис Лицис – Индрикис Страумитс – это «невостребованный интеллеktуал» или «alienated intellectual»³⁷⁶.

Вместе с тем, история латышского национального движения на этом раннем этапе его развития – это не есть история отдельных политических лидеров и теоретиков, так как таковых в латышской среде тогда еще не существовало. Это, скорее всего, история движения одиночек-маргиналов. «Во все времена, во всех обществах существовали одиночки, способные к бунту против своей социальной среды ... подобные люди играли центральную творческую роль в обновлении типов сознания и поведения людей, оставаясь редким исключением»³⁷⁷, - пишет отечественный культуролог Г.Г. Дилигенский. В целом, признавая правоту выводов Г.Г. Дилигенского, мы можем их несколько конкретизировать для конкретного латышского случая: «бунт» И. Страумите и его сторонников был не просто бунтом против социальной среды – это было возмущение, по преимуществу, религиозного плана; что касается обновления типа сознания, то эти ранние латышские националисты стремились не просто к его новациям, а почти к замене новыми образцами поведения.

События 1840-х годов, связанные с переходом в православие свидетельствуют о том, что доверие к старому политическому и религиозному порядку, который существовал в латышских землях, было в значительной степени подорвано. Подрыв старого порядка выразился в том, что изменились религиозные устремления, ослабли немецкие институты и сократилось их влияние на латышей, которые стали относиться к ним с меньшим уважением. Кроме этого в латышских землях возросла неудовлетворенность незначительного числа образованных латышей относительно существовавшего порядка, своего места в его рамках. Образованные латыши начали испытывать чувство недоверия к немецким авторитетам – началось развитие скептицизма, который «исподволь подточил веру в традиционные ценности и иерархии». Перефразируя слова английского историка Л. Стоуна можно сказать, что без перехода части латышей в православие в 1840-е годы, не возник бы латышский национализм,

³⁷⁶ По проблеме интеллектуалов, в особенности – невостребованных – и их роли в формировании политических идеологий и движений см.: Curtis M.H. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England / M.H. Curtis // Past and Present. - 1962. - Vol. 23. - P. 25 – 43.

³⁷⁷ Дилигенский Г.Г. Историческая динамика человеческой индивидуальности / Г.Г. Дилигенский // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. - М., 1994. - С.88.

то есть – без возрождения религиозного не было бы возрождения национального.

Тем не менее, за православной тенденцией в латышском национальном движении не было будущего. Православные латышские деятели, как бы не было велико их влияние, все же оставались национальными маргиналами. Они представляли собой особую субгруппу людей, которая находилась в промежуточном положении между несколькими крупными и более влиятельными группами. Первой группой были балтийские немцы, которые рассматривали Страумитса и его сторонников как угрозу своему политическому доминированию. Второй группой были первые образованные латыши, которые просто не приняли модель, предложенную православными латышами, так как она была чревата полной ассимиляцией. Третьей группой была собственно Российская Империя, власти которой так же не имели определенной программы развития отношений с православными латышами: для Империи были важны балтийские немцы и, поэтому, от серьезной поддержки латышского православного движения она отказалась.

При этом следует принимать во внимание и то, что победа православного течения в национальном движении могла негативно сказаться на развитии латышей как общности, так как она могла создать предпосылки для русификации. Однако ее крах лишил русификаторскую политику в Латвии опоры и устойчивых оснований. Крах перехода в православие привел к тому, что латыши так и остались узкой, во многом замкнутой, группой, что затрудняло влияние на нее. Безусловно, русификация была затруднена и из-за того, что оставшиеся в лютеранстве или католичестве латыши сохранили свои этнические различия, точнее - отличия от русского населения.

Однако латышский народный протонационализм уже на своем самом раннем этапе истории обладал завидным иммунитетом к внешним опасностям. Ни германизация, ни русификация и распространение православия не смогли подавить национального импульса в среде латышей. Латышское, только что начавшееся движение, колебалось между двумя тенденциями. Это говорит о том, что оно не обрело единой парадигмы, которая определяла бы ее развитие. Отсутствие единой парадигмы проявилось в наличии двух тенденций. Первая была представлена достаточно сильными прорусскими настроениями. Прорусское течение достаточно быстро отмерло как некий атавизм, став движением по преимуществу религиозным; этим самым оно дало волю развития другому крылу в рамках латышского национализма, которое постепенно трансформировалось в сторону младолатышского движения. Второе течение было представлено незначительной группой латышских интеллектуалов, которые были заинтересованы в развитии Латвии на латышской основе без перенесения русских норм. Именно за этой группой оказалось будущее.

Проанализированные события были именно ранним национальным движением которое отличалось: 1) традиционалистско-религиозным содержанием и отсутствием модернового импульса; 2) синкретическим характером (национальные, политические и религиозные идеи не были четко

разведены); 3) отсутствием организационной структуры, печатных органов и общепризнанных лидеров.

Поэтому, к 1850-м годам оно сходит с исторической сцены, уступив место зрелому (младолатышскому) движению, которое сочетало политический ориентир на Россию с приоритетом сохранения латышских национальных традиций. Раннее национальное движение уступило место зрелому. Культивирование латышского национального стало парадигмой, которая определяла развитие национального движения, известного как младолатышское, во второй половине XIX века. Таким образом, все массовые движения взаимозаменяемы – одно движение легко может превратиться в другое: значит, религиозное движение со значительным национальным импульсом в состоянии эволюционировать до движения националистического. События более позднего периода демонстрируют верность этого предположения.

2.2. Периферия, маргиналы и идентичность в процессе развития национализма

XIX век стал периодом формирования современной, модерной, украинской культуры и украинского литературного языка. Этот процесс не протекал стихийно, и становление литературной нормы было связано с деятельностью нескольких поколений украинских исследователей и писателей – первые исследовали язык, вторые его развивали, превращая из народного говора и диалекта в язык литературы. Этот процесс протекал неравномерно и хронологически затянулся до начала XX столетия, когда украинский язык стал похожим на современный литературный украинский язык. Быстрее и активнее всего этот процесс постепенной модернизации и разрушения традиционной культуры протекал в Империи Габсбургов и Империи Романовых – на украинских этнических территориях. На украинской периферии, на границе украинской колонизации, где украинцы были преимущественно крестьянами и контактировали с россиянами и другими нациями, этот процесс шел замедленными темпами. На это влияло отсутствие сильной национально ориентированной украинской интеллигенции, которая могла бы содействовать развитию украиноязычной школы и церкви. С другой стороны, украинский язык не признавался как независимый и отдельный язык, и значительная часть российских исследователей была склонна интерпретировать его как диалект русского языка. Но и в такой ситуации украинские интеллектуалы развивали и культивировали язык, чем заложили основу для активизации национального украинского движения в начале XX века.

Другая ситуация сложилась на территории Венгрии и Балкан, где в XVIII веке появились украинские переселенцы. Развиваясь в относительной изоляции, оторванные от остальных украинских территорий, украинцы установили контакты с местным населением, что оказало очень значительное

влияние на развитие украинского языка, изменило ход развития культуры украинцев. Изоляция и отдаленность от украинских исторических земель привели к тому, что принесенные язык и традиции словно законсервировались. Оставшись украинскими, они значительно стали отличаться от тех традиций, которые развивались в Западной Украине и в Империи Романовых. Поэтому, в популярной литературе утвердился стереотип об этом регионе как об одном из русинских центров, центров русинского языка и какой-то особенной русинской идентичности. Научные студии Володымыра Гнатюка, в которых он коснулся разных аспектов языка и народной культуры украинцев, которые жили на территории Империи Габсбургов, демонстрируют, как развивался русинский дискурс украинской идентичности.

Восточная периферия украинских этнических территорий, расположенная на границе с массивом русскоязычных губерний, Восточная Слобожанщина, как и украинские территории в Венгрии и на Балканах, из этого процесса языкового и политического строительства украинской современной нации «выпала». Здесь не было ни украинской интеллигенции, ни украиноязычной школы, ни украинской церкви – тех факторов и социальных институтов, которые гарантировали бы не только развитие, но и широкое использование украинского языка. Попытки немногочисленных местных украинских интеллектуалов внести свой вклад в языковое строительство на таком фоне выглядят очень интересными. История Воронежской губернии, в отличие, например, от истории Кубани, не знает значительного числа украинских национально ориентированных деятелей, а украинские районы всегда были периферией, на которые смотрели как на случайные островки украинской колонизации. Самым крупным украинским деятелем Воронежской губернии (и, вероятно, всей Восточной Слобожанщины) можно назвать Митрофана Дикарева, который в 1891 году издал в Воронеже «Очерк воронежского мещанского говора»³⁷⁸.

Активность украинских интеллектуалов в Восточной Слобожанщине имела эпизодический характер, а сами они были не в силах изменить вектор политического, этнического и культурного развития региона. С другой стороны, они и не ставили перед собой такой амбициозной цели. Украинское движение на территории Словакии, на Балканах было намного слабее, чем украинское движение в исторической Украине. Поэтому, заезжие украинские интеллектуалы-исследователи, собиратели народного фольклора были редкими гостями, а их местные коллеги, представители немногочисленной интеллигенции, были не в силах что-либо серьезно изменить. Поэтому украинская история XX века была и историей двух противоречивых процессов. С одной стороны, украинским национальным деятелям стало очевидно, что Украина, которую они строили, далека от единства –

³⁷⁸ Кирчанов М.В. Книга М.А. Дикарева «Очерк воронежского мещанского говора» как источник русско-украинских этнических контактов / М.В. Кирчанов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Дикаревские чтения 12. / ред. и сост. М.В. Семенцов. – Краснодар, 2006. – С. 48 – 54.

политического, экономического, культурного и языкового. XX век – это время существования нескольких Украин. Раскол между ними проходил не только по линии «Восток – Запад». В XX веке от исторических украинских земель постепенно отпадают периферийные территории, где украинская колонизация столкнулась с могучими неукраинскими национальными сообществами, группами и традициями. В результате этого отпадения украинскими перестают быть Восточная Слобожанщина и Кубань (хотя и до этого украинский компонент в регионе не доминировал), значительно сокращается украинское влияние на Западе, в Словакии, на Юго-Востоке, в Сербии и Хорватии. XX столетие вошло в историю как эпоха разрыва когда-то единого украинского культурного пространства.

Но это украинское единство было условной категорией. Украинцы Империи Габсбургов и Империи Романовых говорили на разных украинских диалектах. Еще больше отличались диалекты украинцев Хорватии и Кубани, Словакии и Восточной Слобожанщины. Но и в такой ситуации украинцы все же смогли сблечь языковое единство. Как бы ни варьировались украинские локальные диалекты, все они были диалектами украинского языка, который переживал процесс стандартизации, перехода от народной стадии, крестьянского языка к языку современной нации, которая владела всеми, свойственными нации, добродетелями. Кроме этого, между украинцами существовало немало религиозных отличий. Социальная специфика Российской Империи и Австро-Венгерской Империи наложила свой отпечаток на развитие украинцев. В ситуации широкой географии украинского населения, география с характерными для нее огромными пространствами, которые стимулировали отличия, была противником украинской народной культуры. Напротив, она только стимулировала и закрепляла патриархальные основы и институты, которые исторически развивались в украинских селениях Украины, Галичины, Хорватии, Кубани, Восточной Слобожанщины.

Народная традиционная украинская культура и язык, далекий от литературной нормы, которую так усиленно культивировали и пропагандировали украинские националисты-интеллектуалы в Империях Романовых и Габсбургов, имели надежного союзника в лице восточной европейской географии. Однако украинские националисты обстоятельно и радикально перекроили эту карту. Процессом, у истоков которого стояли украинские националисты, и который так существенно изменил территорию украинского населения, стала модернизация. Политическая программа украинского национального движения отличалась значительными модернизационными импульсами. Украинские националисты, как и какие-нибудь другие националисты, стремились привлечь свой народ не только к чисто внешней стороне европейской культуры, которая была для них не просто важнейшим синонимом самой модернизации, но и к самой модернизации, но и самым радикальным способом перестроить его жизнь и быт, вытеснив патриархальный крестьянский уклад, и заменить его современной, модерной культурой. Такая культура должна была быть

украинской – национальной унифицированной культурой украинской нации. Ее натиску уже не могла противостоять никакая география – даже восточная европейская.

В такой ситуации перед нами раскрывается еще одно измерение украинской истории XX века. Украинская история – это и история разрушения народной культуры, отдельные носители и представители которой болезненно для себя выстраивали новую идентичность, открывая мир украинской современной культуры, которая в то время активно нарождалась. Этот процесс имел всеукраинский характер, но не все украинские интеллектуалы, связанные с украинскими периферийными сообществами, приняли в нем участие. Одни (например, Дикарев) просто не дожили до триумфа украинского национализма в первой четверти XX века, когда украинское национальное движение ставило вопрос не просто о национальной автономии и национальной школе, но о политической институционализации – о создании независимого украинского государства. Другим (например, Володымыру Гнатюку) повезло больше – они вписались в украинский проект, смогли найти свое место в рамках украинской культуры. В такой ситуации между Дикаревым и Гнатюком существует важная параллель – оба, прежде всего, были украинцами. Вся их «украинизация» (если этот термин и применим в этой ситуации) свелась к поиску своего места среди украинских интеллектуалов. «Украинизация» Дикарева и Гнатюка – это научная деятельность, направленная на изучение украинцев. Другими словами, научные исследования превратились для них в мощный канал трансляции своей (пусть и локальной, пусть иногда и маргинальной, пусть и ослабленной, пусть и немагистральной) линии в развитии украинской идентичности.

«Казусы» Гнатюка и Дикарева, безусловно, украинские. Обе жили в непосредственной близости от массива украинских территорий. Гнатюк вообще жил во Львове – одном из регионов, которые наиболее динамично украинизировались. Вместе с этими случаями конструирования и трансляции украинской идентичности история украинцев из периферийных территорий демонстрирует нам и другие варианты развития событий. Гнатюк и Дикарев пришли в украинскую культуру из культуры, которая была народной, продолжая оставаться и украинской. В такой ситуации исследователь может поставить вопрос: были ли в истории Украины такие интеллектуалы, которые пришли в украинскую национальную культуру из культуры традиционной, но в меньшей степени украинской? Да, такие интеллектуалы были и мы найдем их в истории Кубани и Балкан. Гавриил Костельнык – украинский деятель, который пришел в украинское движение из украинских окраин Балкан. Он начал как провинциал и маргинал, но и стал знаковой фигурой в украинской истории. История Костельныка – история постепенной украинизации, разрушения традиционного самосознания, смытой волной модернизации, которая охватила Украину в первой четверти XX столетия.

Традиция украинского книгоиздания в Воронежской губернии имела маргинальный характер. Украинская литература всегда осознавалась

местными российскими деятелями как какое-то случайное этнографическое явление, а украинские деятели жили в таких условиях, которые автоматически выставляли их за пределы литературной жизни. На Балканах и в Венгрии сложилась другая ситуация: украинцы были одной из многочисленных этнических групп, которая не встречалась с такими вызовами ассимиляции, с которыми сталкивались украинцы в Российской Империи. Поэтому, украинская культура и украинская традиция имели намного больше каналов для проявления своей уникальности, для трансляции своих особенностей другим, неукраинским, сообществам.

Книгу Дикарева, представителя восточной украинской традиции, можно оценивать и интерпретировать по-разному. Ее автор не был профессиональным филологом, чего он сам и не скрывал. Его общественный и социальный статус не был постоянным – не принадлежал он ни к интеллигенции, ни к дворянству – он не был и священником, но он перестал быть и крестьянином. Этого выходца из крестьян можно назвать своеобразным народным интеллектуалом. Мы заимствуем этот термин из французской историографии, где он широко используется для изучения истории народной и традиционной крестьянской средневековой и современной культуры³⁷⁹. С другой стороны, творчество Дикарева можно проанализировать в категориях микроистории – на фоне других деятелей украинского национального движения он – фигура менее значительная, деятель локальной, периферийной, а не украинской национальной истории. Он – типичный носитель украинской национальной, но не классической националистической, идеологии. Поэтому, его творчество – наилучший источник для анализа в рамках именно микроисторических студий³⁸⁰. Поэтому, мы попытаемся проанализировать «Очерк воронежского мещанского говора»³⁸¹ и фигуру Дикарева именно в таком контексте и в окружении его современников.

Подобно Дикареву балканские украинские деятели уделяли немалое внимание изучению местных украинских традиций, языка и народной культуры. Но в отличие от Дикарева, они не были склонны интерпретировать, понимать и позиционировать местную украинскую культуру как однозначно украинскую и как только украинскую. Развитие вне Украины, существование в регионе, который не имел непосредственной границы с массивом этнических украинских земель – все эти факторы значительно повлияли на развитие местной украинской идентичности в сторону ее маргинализации. Если в России украинский идентитет ослабевал в условиях постоянной политики игнорирования со стороны властей, которые

³⁷⁹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1965; Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1981; Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М., 1990.

³⁸⁰ Davis N. The Shapes of Social History / N. Davis // Storia della storiografia. – 1990. – No 17. – P. 28 – 34; Ginzburg C. Microstoria / C. Ginzburg // Quaderni storici. – 1994. – No 86. – P. 511 – 539.

³⁸¹ Дикаревъ М. Очеркъ воронежскаго мещанскаго говора / М. Дикаревъ. – Воронежъ, 1891.

стремились ассимилировать украинцев и деградировал от собственно украинского к малороссийскому, то на Балканах украинская идентичность обрела местные локальные черты. Поэтому, среди сербов и хорватов украинская идентичность постепенно слабела, становясь статичной и почти неизменяемой. В результате возник особый русинский дискурс украинской идентичности, который мы можем наблюдать в произведениях Володымыра Гнатюка – современника Дикарева – который, как и он, занимался изучением языка, культуры и традиций местных украинцев.

Дикарев, как В. Гнатюк, не был представителем культурной и политической элиты, его «социальная родина» - это угнетенные и притесняемые классы. И хотя, нас от момента издания его книги отделяет относительно небольшой срок (всего 115 лет) на том этапе в России социальная группа, выходцем из которой был Дикарев, признавалась способной только на пассивное усвоение культуры, создаваемой интеллигенцией. Иногда звучали голоса о том, что такие, как Дикарев могут быть культурно самостоятельны, но их нужно направлять. С другой стороны, существовала тенденция вывести подобных Дикареву за рамки культуры³⁸². В результате все эти три модели были реализованы: статус и положение Дикарева отличались меньшей стабильностью, и он почти всегда был маргиналом на фоне окружающих его российских и русскоязычных интеллигентов.

Появление исследований Дикарева было реакцией на неприятие его обществом: он писал в то время, когда украинская литература переживала процесс политизации, что вело и к своеобразной литературизации политики³⁸³. В такой ситуации Дикарев – «невостребованный интеллигент»³⁸⁴. Его одинаково не поняли российские интеллигенты, которые смотрели на украинцев с непониманием и пренебрежением. Дикарев казался им собирателем фольклора племени, обреченного на ассимиляцию. С другой стороны, украинские интеллигалы не видели в нем «своего». В этом и заключается его трагедия – невостребованного интеллигента, который оказался на грани двух культур и идентичностей.

Книги Дикарева и Гнатюка вышли если не поздно, то их появление было тем событием, которое явно опоздало. Такая ситуация подтверждает предположение Джорджа Грабовыча о том, что украинская культура в России (но в других периферийных районах) была обречена на постоянную и непрерывную маргинализацию³⁸⁵. Выходцы из крестьянства украинской периферии пришли в национальное движение и культурную жизнь Украины поздно. То, что они пришли в украинскую культуру, свидетельствует о том,

³⁸² Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Biblioteque bleue de Troyes / R. Mandrou. – Paris, 1964; Bolleme G. Litterature populaire et litterature de colportage au XVIII siecle / G. Bolleme // Livre et societe dans la France du XVIII siecle. – Paris, 1965, - Vol. 1. – P. 61 – 92.

³⁸³ Шартье Р. Идеиные истоки французской революции / Р. Шартье. – М., 2001. – С. 21.

³⁸⁴ Curtis M.H. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England / M.H. Curtis // Past and Present. – Vol. 23. – 1962. – P. 25 – 43.

³⁸⁵ Grabowycz G. Ukrainian Studies: Framing the Context / G. Grabowycz // Slavic Review. – 1995. – Vol. 54. – No 3. – P. 674 – 678.

что большинство крестьян, представителей «молчаливой культуры», переживали процесс своеобразного «пробуждения». Большинство крестьян не смогло быстро адаптироваться к новой культуре. Поэтому, они остались маргиналами. Они были носителями народной культуры, которые пытались эту культуру описать и проанализировать в категориях совсем не народной, а «ученой», культуры. В такой ситуации их нарративы не «...исчерпали всего разнообразия и многообразия представлений, которые существовали среди крестьянства...»³⁸⁶.

Сам Дикарев признавался, что в своей книге пытался проанализировать особенности воронежского мещанского диалекта, уделив внимание, в первую очередь, фонетическим аспектам. Описывая этот диалект, Дикарев констатировал его переходный характер: «...в ряде случаев говор приближается к литературному языку, в других – к сельскому языку...». Дикарев для обозначения местного диалекта предложил употреблять термин «воронежский мещанский говор»³⁸⁷. Такая ситуация свидетельствует, что Дикарев пытался конструировать свой тип идентичности, опираясь на язык потому, что именно язык является одним из важнейших факторов не только конструирования, но и элементарного сохранения идентичности³⁸⁸.

Для Володымыра Гнатюка язык тоже имел немалое значение в том проекте идентичности, который он предлагал своим украинским соотечественникам. Именно в плоскости языка мы можем найти существенные отличия между двумя вариантами идентичностей, которые развивались в Восточной Слобожанщине и на Балканах. Если для Дикарева язык представлял преимущественно научный интерес, то Гнатюк придал языку и национальное и даже политическое значение. Язык позиционировался им как проявление идентичности. Он полагал, что язык должен быть именно таким, каким он его видел. Поэтому, языковой проект Гнатюка – это сознательное конструирование именно языковой идентичности, которая была отделенной от другого дискурса украинской идентичности, который развивался в Украине Романовых.

Дикарев допускал, что слобожанский диалект отличается от соседних российских диалектов, но близок к украинским диалектам, распространенным в районах Новочеркасска, Ростова-на-Дону и Харькова. В такой ситуации он был склонен интерпретировать его как «...тип мещанского южно-великороссийского говора...». Дикарев ставит вопрос и о распространении этого диалекта на территории Воронежской губернии, допуская, что «...украинское влияние в городе должно было обозначиться сильнее, чем в селе...»³⁸⁹. В такой ситуации мы можем писать о Воронеже, как об одном из несостоявшихся центров украинской национальной жизни. С

³⁸⁶ Савицкий Е.Е. Народная культура и размышляющие крестьяне / Е.Е. Савицкий // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории / ред. Ю. Бессмертный, Е. Бойцов. – М., 2002. – С. 49.

³⁸⁷ Дикарев М. Очерк воронежского мещанского говора. – С. 2 – 3.

³⁸⁸ Берк П. Язык и идентичность в Италии раннего нового времени / П. Берк // Новое литературное обозрение. – 1999. - № 2. – С. 5 – 25.

³⁸⁹ Дикарев М. Очерк воронежского мещанского говора. – С. 3, 5.

другой стороны, используя терминологию канадского украинского историка Мырослава Шкандрия в этом регионе мы наблюдаем феномен «анархического приграничья»³⁹⁰, когда культурные нарративы и нормы не сформированы окончательно, а идентичность развивается в условиях постоянной эволюции, результат и возможные последствия которой неясны.

Язык книг самого Гнатюка и литературных памятников, которые были опубликованы по его инициативе, значительно отличается от того языка, на котором писал не только Дикарев, но и значительная часть украинских интеллектуалов и деятелей украинского национального движения того времени. Если Дикарев при записывании украинского фольклора руководствовался фонетическим принципом, то Гнатюк пытался внести в украинский язык, которым он пользовался, некоторые элементы оформленности и литературной нормы. Но и в такой ситуации его украинский язык не была языком Ивана Франко или Леси Украинки. Тем более, этот язык не был похож на язык Тараса Шевченко. На примере деятельности наследия Гнатюка мы наблюдаем, развитие альтернативной языковой нормы правописания, которая сознательно позиционировалась как правильная украинская. Другими словами, Гнатюк содействовал развитию альтернативного украинского проекта.

Книга, изданная Дикаревым, интересна своим приложением, которое состоит из трех частей. В первой части он опубликовал записанные им и его корреспондентами российские народные пословицы и поговорки. Вторая часть, «Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии» имеет подзаголовок «Малорусский сборник». Она представляет наибольший научный интерес, потому что демонстрирует то, что украинское население на территории Воронежской губернии было значительным, сохраняло и использовало украинский язык, и демонстрирует то, что единые нормы украинского правописания тогда отсутствовали.

Анализируя и сравнивая научные исследования и изыскания Дикарева и Гнатюка, становится заметным факт, что они совершенно по-разному подходили к самой проблеме научного творчества. Дикарев – классический маргинал, дилетант и любитель. Гнатюк имел больше общего с академической наукой. Публикация его произведений на территории бывшей Югославии, которая вылилась в издание пяти томов, стала едва ли не самым значительным событием в жизни русинского течения в украинской диаспоре. Читая Дикарева и Гнатюка заметны различия в самой манере написания. Гнатюк в этом контексте более научен, даже академичен. Его язык – язык популярной научной литературы. Этим он отличается от Дикарева. Но он отличается и тем, что та норма, которой он пользовался, не утвердилась в языковом дискурсе Украины, но так и осталась интересным, но маргинальным, проектом, которому было не суждено состояться.

³⁹⁰ Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004. – С. 28.

Написание украинских слов в издании Дикарева явно отличается от современного украинского литературного языка. Записывая украинские пословицы и поговорки, он применил фонетический принцип – он записывал их так, как слышал, но использовал при этом и украинские буквы. Дикарев использовал некоторые российские буквы, которые передают отдельные звуки украинского языка. Это свидетельствует о смешении российской и украинской нормы правописания и превращает книгу в интересный источник по истории развития украинского правописания и изучения украинского народного фольклора. С другой стороны, записывая пословицы украинской периферии, он зафиксировал и российское (как правило, лексическое) влияние на украинский язык, что превращает его книгу в источник по истории украинских миграций и украинско-российских этнических контактов.

Украинский текст В. Гнатюка мы легко читаем, некоторые слова на первый взгляд кажутся не знакомыми, но это ощущение вызвано тем, что их правописание отличается от современных норм. Это совсем не означает, что Гнатюк не был грамотным – он писал просто так, как было принято писать в местном украинском сообществе. В результате, на Балканах и в Украине Габсбургов и в Украине Романовых утвердились и возобладали разные литературные нормы. На Балканах и в Венгрии это способствовало постепенному консервированию определенной части украинского сообщества, его своеобразному самозамыканию и добровольной изоляции в рамках идеологии и мировоззрения русинства. В России и Австро-Венгрии, в Галичине, это привело к появлению того украинского литературного языка, которым мы пользуемся сейчас. Приведу несколько примеров. Гнатюк широко использовал букву «ї» в таких случаях, в которых она не использовалась украинскими авторами России и Австро-Венгрии. Такие слова как «література», «зовсім», «сусіди», «ніяка», «століття», «надія» Гнатюк гнатюк писал как «література», «зовсім», «сусіди», «ніяка», «столітя», «надія». Украинские слова типа «відродження», «становлення» Гнатюк записывал отлично от современной нормы – например, «відродженє», «становленє». Буква «с» в ряде случаев смягченна – поэтому, мы можем найти слова типа «освѣта», «свѣщеник». Буква «з» после гласных превратилась в «ж» - например, «ріжні» (вместо «різні»). Некоторые формы имеют архаичный характер, возникли под российским или сербским или хорватским влиянием, другие, вероятно, сознательно введены в литературный оборот для придания языку большей научности и выразительности – например, «висша» (вместо «вища»), «фундація» (вместо «фундація»), «властитель» (вместо «власник»). Кроме этого некоторые слова, использованные Гнатюком, в украинском языке уже того времени уже имели или постепенно обретали другое значение, чем то, которое он им придавал – например, слово «чоловік» он использовал в значении «людина», а для обозначения полов он применял заимствованные из русского языка слова «мужчина» и «женщина» (вместо «чоловік» и «жінка»).

Приведем несколько характерных для и Дикарева примеров. Дикарев опубликовал выражение «А-а! собака його йїж». В данном случае мы

наблюдаем, с одной стороны, то, что написание Дикарева не соответствует нормам современного украинского правописания (слово «йіж»). С другой стороны, заметно и российское влияние – слово «собака» было характерно в большей степени для российских диалектов, тогда как в украинских было распространено слово «пес». Из других заимствований из русского языка, которые были зафиксированы Дикаревым, упомянем слово «год» (вместо украинского «рік») в выражении «год на год не попаде». Упомянем и слово «хозяин» («За хазяїном і хазяйка хазяйка») ³⁹¹, которое можно интерпретировать как результат российского влияния, которое вытеснило украинский аналог «господар».

Материал, представленный в книге Дикарева, интересен в контексте анализа истории и традиционного быта крестьянского населения потому, что историки неминуемо сталкиваются «с незначительностью свидетельств об угнетенных классов прошлого» ³⁹². Поэтому, книга Дикарева дает возможность представить себе, как говорили и думали украинские крестьяне. Большинство слов, записанных Дикаревым, и отличных от современного украинского правописания – это глаголы. Например, им записанная поговорка «Байда тїе, в Байди йе», которая на современном украинском языке может быть записана так: «Байда н'є, у Байди є». Кроме этого в ряде случаев Дикарев использует в украинских словах российские буквы вместо украинских, что превращает их написание в отличное от современных украинских литературных норм. Пословица «Без коріння нічого не росте» им записана так «Бис коріня нічого не росте» ³⁹³. В данном случае им зафиксировано диалектальное «бис» вместо литературного «без», а слово «нічого» записано с использованием русских букв как «ничого».

Но вернемся к наследству Владимира Гнатюка. Он писал без использования российских букв, хотя российские буквы встречались в текстах народных песен и сказок, которые он издал. Но язык таких записей, где мы находим смешение российской и украинской литерной нормы, нельзя определить ни как русский, ни как украинский. Это – своеобразная смесь языков, языковых норм, литературных традиций. Научная публицистика Гнатюка демонстрирует нам несколько другой вариант развития украинского языка, его использования в научном тексте. Если то, что писал Дикарев можно прочитать и понять, но эти записи не так доступны, как современный украинский текст, то научное наследие Гнатюка легко читаемо и кажется непонятным в силу своих языковых нюансов. Например, открывающая фраза труда озаглавленного «Угро-руські духовні вірші» в понимании Гнатюка выглядит так: «хоч наша старинна література зовсім не убога, хоч деякі її пам'ятки визначаються не аби якою красою з кожного боку і могли-б навіть

³⁹¹ Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии. Малорусский сборник // Дикарев М. Очерк воронежского мещанского говора. – С. 272 – 275.

³⁹² Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / К. Гинзбург. – М., 2000. – С. 31.

³⁹³ Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии. Малорусский сборник. – С. 272.

нині вдоволювати не одного вигабливого критика, то в цілості вона дуже мало знана, спеціально в нас у Галичині, де крім спеціалістів ніхто нею не інтересується»³⁹⁴. Современная украинская литературная норма трансформирует выше приведенный фрагмент в несколько другой текст: «хоча наша старовинна література зовсім не убога, хоча деякі її пам'ятники відрізняються не аби якою красою з кожного боку і могли б навіть нині задовольнити не одного вимогливого критика, то в цілому вона дуже мало відома, спеціально у нас в Галичині, де окрім спеціалістів ніхто нею не цікавиться».

Записи украинских пословиц и поговорок Дикаревым интересны в контексте географии украинского населения на территории Воронежской губернии. В некоторых записанных пословицах фигурируют и географические названия. Например, Дикарев опубликовал такую пословицу как «*Богучарці п'ють по чарці, а на залимані бувають і п'яні*» («*Богучарці п'ють по чарці, а на залимані бувають і п'яні*»). Им записана и вошла в опубликованный сборник и следующая пословица «*На сирдитих у Мандреву їздять*» («*На сирдитих в Мандреву їздять*»), где упоминается селение в Валуйском уезде. Дикарев опубликовал и поговорку «*В Нагуті собаки гнуті*», что свидетельствует о том, что украинское население в Воронежской губернии впитало у себя выходцев и из Херсонской губернии. В пословицах упоминается и Дон («*На Дону було – губи надуло*»)³⁹⁵, который можно рассматривать как одну из естественных границ украинской колонизации.

Если Дикарев пытался записывать украинские слова и даже тексты украинцев Воронежской губернии, руководствуясь фонетическим принципом, то Гнатюк опубликовал несколько десятков текстов, записанных им от русинов. Если тексты, записанные и изданные Дикаревым, несут на себе несомненное российское влияние, то в текстах, опубликованных усилиями Гнатюка, заметно влияние со стороны языков южных славян. Так под хорватским или сербским влиянием в языке балканских украинцев появляется смягчение звуков «л» и «н» - «алье» вместо «але», «нье» (от хорватского «nje»). Некоторые слова могут быть интерпретированы как заимствования – «краль» (от хорватского «kralj»).

Книга М. Дикарева уникальна и особенно интересна для историка потому, что она дает возможность доступа в мир народной культуры. По словам российского историка О.Ф. Кудрявцева, доступ в этот закрытый мир народной культуры «совсем не прост» потому, что сфера ее бытования почти исключительно народная устная традиция, которая очень редко (почти никогда) не попадала на страницы доступных нам источников. С другой

³⁹⁴ Гнатюк В. Угорський духовні вірші / В. Гнатюк // Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси / В. Гнатюк. – Нови Сад, 1988. – Т. 1. Угорський духовні вірші. – С. 1.

³⁹⁵ Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии. Малорусский сборник. – С. 273, 274, 279.

стороны, она не часто привлекала внимание современников³⁹⁶. Поэтому, Дикарев фиксирует не народную культуру в ее классической форме, а ее ослабленный поздний вариант, который в условиях модернизации, уже начала распадаться.

Дикарев опубликовал и «*Рассказ о хахлацку свальбу*», автором которого был Т. Луценко, отставной солдат из Верхнего Карабута Острогжского уезда Воронежской губернии. Луценко написал этот текст сам, что свидетельствует о том, что он был грамотным. Грамотность Луценко может быть проанализирована в контексте теории американских историков о том, что распространение грамотности является не только индикатором, но и важнейшим элементом процесса модернизации³⁹⁷. Публикация этого текста превращает книгу Дикарева в еще более важный интересный источник. Это небольшое произведение демонстрирует нам трудности модернизации украинской этнической периферии, показывая, что «искоренение старой и насаждение новой культуры»³⁹⁸ протекало здесь в замедленном темпе. Объединения в рамках одного издания «научного» исследования Г. Дикарева, записей фольклора и произведения «народного» писателя Т. Луценко подтверждает предположение Карло Гинзбурга и Э. Гэллнэра о том, что в рамках любой культуры существует несколько культурных уровней³⁹⁹, не все из которых попадают в сферу интересов исследователя в виду незначительности или недоступности источников. Поэтому, книга, изданная Г. Дикаревым, позволяет значительно расширить наши представления об истории украинской этнической периферии.

Гнатюк опубликовал несколько десятков текстов, записанных в украинских селениях на Балканах. Некоторые из них дают нам возможность представить каким было и как менялось народное традиционное мировоззрение украинских крестьян. Отличительной чертой такой народной психологии была значительная религиозность. Примечательно то, что религиозные устремления крестьянства были далеки от той религиозной традиции, культуры и нравственности, которые предлагались крестьянам со стороны официальной церкви. Религиозные мотивы представлены в записанных и опубликованных Гнатюком текстах исключительно в мирских сюжетах. Например, святые Петр и Павел приходят на свадьбу как незваные гости, за что их и бьют местные крестьяне: *«Петро іс Паўлом, з братом, йак апостоли Хрїстови ходили по землі. Зашли до йедного села і там біла свадьба. І Павел говорить Петрові: Брате, там музика. Йа шче тото не видьїу нигда. Йа дакус піду посмотріти, але брат Петро йому говорить: Ти там не прошений. Не ходь ти там, бо будеш битий, бо там пїани льуди*

³⁹⁶ Кудрявцев О. Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке» / О. Кудрявцев // Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. – М., 2000. – С. 5.

³⁹⁷ Street B. Literacy in Theory and Practice / B. Street. – Cambridge, 1984; Cipolla C. Literacy and Development of the West / C. Cipolla. – Harmondsworth, 1969.

³⁹⁸ Шартье Р. Идеиные истоки французской революции. – С. 17.

³⁹⁹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. – С. 32.

сут»⁴⁰⁰. Такое понимание показательно, демонстрируя, что крестьяне были далеки от идеализации библейских персонажей, а наоборот стремились интегрировать их в бытовой и мирской контекст.

Отставной солдат Луценко, небольшой текст которого выдал Г. Дикарев, служил на территории российских губерний, но позже поселился на украинской территории. Рассказ этого бывшего солдата и выходца из народа, может быть проанализирован как памятник народной литературной традиции. В такой ситуации его автор, по словам российского исследователя Е.Е. Савицкого⁴⁰¹, почти «размышляющий крестьянин». Конкретизируя это предположение, приближая его к украинской тематике, Т. Луценко – если не размышляющий, то записывающий крестьянин. Текст, написанный им, содержит немало российских лексических заимствований. В самом названии фигурирует слово «свальба», которое мы можем интерпретировать, как и украинское и российское диалектное, характерное для территорий Воронежской губернии, которые были населены русскими и украинцами. В такой ситуации мы можем предположить, что в этом регионе возник особенный тип традиционной народной культуры, который соединял в себе как украинские, так и российские элементы.

Тексты, которые разыскали и записали Дикарев и Гнатюк интересны в том контексте, что демонстрируют нам образ «чужого», который был характерен для украинцев как носителей традиционной крестьянской культуры. Если в тексте Луценко заметны российские мотивы, то среди «чужих» образов в небольших текстовых фрагментах, услышанных и записанных от крестьян и изданных Гнатюком, фигурируют, например, венгры («*Йеден Мадьяр, котрий уж трицять рокиў биваў во Відню, а йеднак не миг научитишиа по нїмецки, од злості гваріу: Но, лем дураци тоти Нїмци. Трицат роки йак медже нїма бивам, ешчі мнѣ не розумїат*»)⁴⁰². Украинское сознание позиционировало венгров как непонятных и диких провинциалов, которые не могли приспособиться к культуре и ритму жизни большого города, но замыкались в своем узком национальном кругу. Русские балканскими украинцами осознавались как «москали», которые ассоциировались с войной и подавлением актов народного протеста в период революции 1848 года⁴⁰³.

Кроме венгров в народных анекдотах фигурировали евреи (жиды) и цыгане. Круг сюжетов, связанных с этими группами, разнообразен – например, Гнатюк опубликовал анекдот о том, как цыган и еврей играли в карты и пытались друг друга обмануть. Известен записанный и изданный им

⁴⁰⁰ Сьв. Петро з Павлом на весілю // Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси. – Нови Сад, 1986. – Т. 4. – С. 3.

⁴⁰¹ Савицкий Е.Е. Народная культура и размышляющие крестьяне / Е.Е. Савицкий // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории / ред. Ю. Бессмертный, Е. Бойцов. – М., 2002. – С. 45 – 52.

⁴⁰² Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси / В. Гнатюк. – Нови Сад, 1986. – Т. 4. – С. 48 – 49.

⁴⁰³ Згадка із 1848 р. // Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси / В. Гнатюк. – Нови Сад, 1986. – Т. 4. – С. 89.

анекдот, где фигурирует «*Арон, молодой жидок*»⁴⁰⁴. Такое негативное отношение к евреям, виденье в них именно «жидов», вероятно, не свидетельствует о том, что среди украинцев существовал сознательный антисемитизм. Евреи объективно воспринимались украинцами как носители традиционного сознания, как чужие, как другие – носители своего непонятого сознания, уклада и образа жизни. В таком контексте слово «жид» могло и не иметь негативного звучания, а использовалось исключительно для акцентирования внимания на чуждости евреев украинцам, полярной противоположности этих двух групп.

Рассказ Т. Луценко, опубликованный Дикаревым, фрагменты песен, сказок и народных анекдотов, изданные В. Гнатюком, при их всей простоте и неприязнительности, были показательными явлениями в развитии украинской идентичности. Французский историк Р. Мандру, анализируя похожий феномен народной литературы во Франции, высказал мнение, что такую литературу нужно называть «литературой отхода от действительности» потому, что она способствует формированию традиционного мировоззрения, укрепляя и усиливая его⁴⁰⁵. Выводы французского историка применимы и относительно «творчества» народных авторов, с которыми контактировали М. Дикарев и В. Гнатюк. Такие авторы-респонденты пытались законсервировать в своих рассказах, песнях и анекдотах украинские народные традиции. Но и Дикарев и Гнатюк писали, вероятно, не для народа, а для исследователей народа, что свидетельствует о постепенном размывании границ народной культуры.

И Владимир Гнатюк, и Митрофан Дикарев – фигуры в значительной степени маргинальные. Они имели немалые трудности с интеграцией в украинский культурный контекст. Особенно тяжело было второму – жил и работал Дикарев не в украинских губерниях, а сначала в Воронежской губернии, которую как часть Украины никогда серьезно не воспринимали даже радикалы-националисты, а затем на Кубани, где украинское население было численно значительным, составляя более половины кубанских жителей, но и как во всей Российской Империи политическое значение украинцев и роль в политической жизни края была минимальной. В результате, и Дикарев и Гнатюк свое место среди украинской общественности нашли. Залогом такой успешности была какая-то начальная примордиальная украинскость. С другой стороны, в украинской истории XX века были и фигуры, которые, подобно Гнатюку и Дикареву, были на ранних этапах своей деятельности фигурами бесспорно маргинальными. Но эта маргинальность была не результатом социального происхождения или непризнания со стороны украинской националистической элиты. Маргинальность таких политиков имеет другие истоки.

⁴⁰⁴ Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси / В. Гнатюк. – Нови Сад, 1986. – Т. 4. – С. 49.

⁴⁰⁵ Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Biblioteque bleue de Troyes / R. Mandrou. – Paris, 1964.

Костельнык – представитель маргинального отдаленного украинского изолированного сообщества переселенцев, он – один из активных критиков москвофильства, а его личный опыт перехода из русинской культуры в украинскую представляет интересный пример добровольного разрыва с маргинальным русинством в интересах классического украинского движения⁴⁰⁶. Гавриил Костельнык родился в 1886 году в Сербии, в Русском Керестуре – поселении, где жили украинцы и русины, которые приехали на Балканы в XVIII веке⁴⁰⁷. Будучи греко-католиком, он был вынужден покинуть преимущественно сербские районы и получить образование в Загребе⁴⁰⁸. Примечательно то, что в круг сознательных украинцев Костельнык попал не без участия со стороны уже упомянутого Володымыра Гнатюка. Таким образом, одни украинские интеллектуалы-маргиналы способствовали социализации других – еще более маргинальных периферийных украинцев, в которых они видели значительный потенциал для украинской идеи. Позже Костельнык жил и преподавал во Львове, сочетая преподавание с научной деятельностью. Он писал на своем родном бачванском диалекте, на украинском и хорватском языках. В 1935 году, в газете «Дело», Костельнык опубликовал статью «Почему я стал украинцем»⁴⁰⁹, которая является важным штрихом к его биографии, демонстрируя, как украинские деятели из периферии добровольно «прощались» с маргинальными моментами в своей биографии, которые не вписывались в украинский контекст.

Гавриил Костельнык в украинское движение пришел из маргинальной среды: он учился в венгерской школе, по-венгерски говорил как «настоящий венгр», а в 1900 году, выступая на одном из венгерских фестивалей в Пеште, читал венгерские стихотворения так, словно венгерский был его родным языком. Только то, что он не попал в венгерскую гимназию, спасло его от окончательной ассимиляции. Но, поступив в хорватскую гимназию, Гавриил, по его словам, стал «горячим хорватом». Позже, Костельнык писал, что в гимназии самым активнейшим образом свое хорватство декларировали он и несколько его немецких одноклассников⁴¹⁰. Учеба в Загребе протекала в условиях доминирования именно хорватского языка. Но в 1903 году Костельнык впервые попробовал писать стихотворения, и первые свои произведения он написал... на украинском языке, точнее ее бачванском

⁴⁰⁶ Пам'ятки України. Історія і культура. Науковий часопис. – 2006. – № 1 – 2. – С. 148 – 149.

⁴⁰⁷ Мацях Є. Українська еміграція в Югославії / Є. Мацях // Український Вісник. – 1942. – № 16; Зелік І. Українці в Югославії / І. Зелік // Українські поселення. – Нью Йорк, 1981; Рамач Л. Русини-українці в Югославії / Л. Рамач. – Вінніпег, 1971; Рамач Я. Кратка історія руснацох / Я. Рамач. – Нови Сад, 1993.

⁴⁰⁸ Про конфесійний аспект в історії українців на Балканах див.: Лещишин Я. Сьогодні українців Західної Славонії і Мославини / Я. Лещишин // Українці Хорватії. Матеріали і документи / Українці Хрватске. Materijali i dokumenti. – Кн. 1 / Кн. 1. – Загреб / Zagreb, 2002. – С. 164.

⁴⁰⁹ о. Костельнык Г. Чому я став українцем? / о. Г. Костельнык // Діло. – 1935. – 5, 16, 18, 19, 20 жовтня.

⁴¹⁰ Діло. – 1935. – 5 жовтня.

диалекте. Костельнык опубликовал книжку романтических стихотворений на родном диалекте «З мойого валала» («З мого села»).

Костельнык как политик и писатель сформировался тогда, когда среди украинцев шла острая дискуссия между москвофилами, сторонниками постепенного слияния украинцев с россиянами и отказа от украинского языка, и украинофилами, которые выступали за самостоятельный путь украинской нации. Примечательно, что балканские украинцы, которые жили в сербских районах, были втянуты в эту дискуссию. Для них идея союза с сербами была неактуальна: по словам Костельника, среди местных украинцев доминировали антисербские идеи, а самих сербов они считали нацией «некультурных свинопасов»⁴¹¹. В начале XX века немало балканских украинцев склонялись к союзу с хорватами, что существенно влияло на идентичность некоторых из них. О том, что на определенном этапе Костельнык пытался соотнести себя именно с хорватской нацией, писал и он сам.

Костельнык свободно писал стихотворения на хорватском языке, который знал свободно, как и свой родной бачванский диалект украинского языка. Однако, Костельнык признавался, что хорватом стать не смог, хотя для этого были все условия. Единственным препятствием было то, что, по его словам, он никогда бы не мог искренне написать «мы – хорваты»⁴¹², потому что это противоречило его моральным установкам: он понимал, что он не хорват. В такой ситуации началось постепенное возвращение Костельныка к украинским корням. В 1907 году Гавриил Костельнык приехал в Галичину, где продолжил изучать теологию. В то время Львов страдал от острых дискуссий и споров между украинофилами и москвофилами. Костельнык примкнул к первым и вскоре превратился в одного из самых последовательных критиков и противников вторых. Костельнык констатировал, что логика москвофилов была примитивной и не отличалась оригинальностью: украинцев они могли почти исключительно только ругать, а саму Украину считали результатом польско-немецкого заговора с целью разъединения «великого российского народа».

Москвофилы, которые жили в Галичине, отличались особым радикализмом и выдвигали проект слияния всех славян под эгидой России, отводя хорватскому, польскому, болгарскому и другим народам лишь статус этнографических групп большой «великой» российской политической нации. Эта идея, по мнению Г. Костельныка не имела никаких перспектив, но она нашла несколько сторонников среди бачванских украинцев, которые начали издавать газету «Зоря», где каждый автор писал на своем «русском» языке, который был смесью нескольких славянских языков и был искусственно приближен к русскому. По словам Костельныка, эта газета просуществовала лишь год и потом авторы перешли на «нормальный» бачванский диалект украинского языка⁴¹³.

⁴¹¹ Діло. – 1935. – 16 жовтня.

⁴¹² Діло. – 1935. – 16 жовтня.

⁴¹³ Зоря. – 1935. – 18 жовтня.

Анализируя бесперспективность москвофильской идеологии, Г. Костельнык указывал и на то, что это течение было аморфным и достаточно быстро распалась на два москвофильства – на политическое и национальное. Национальное москвофильство, по словам Костельныка, стало «настоящей болезнью украинского народа»⁴¹⁴, которую его соседи используют для обоснования своих претензий не только на украинские земли, но и на ассимиляцию украинцев. Политическое москвофильство – ситуация, при которой украинские политики оказываются союзниками России и проводят интересы, по мнению Г. Костельныка, враждебные интересам украинского народа. Но для Гавриила Костельныка, эти течения в москвофильстве были исторически обречены на крах, а сама идея сближения с Россией казалась ему лишенной перспектив. Последующий успех национального движения в Украине продемонстрировал то, что Костельнык в своем прогнозе прав.

В Галичине Костельнык пережил своеобразную украинизацию. Постепенно он пришел к мысли, что украинцы в Украине и украинцы за ее границами – один народ. В такой ситуации Костельнык не забывал, откуда он пришел – поэтому, какая-то маргинальность давала о себе знать. В 1923 году он издал грамматику бачванского диалекта украинского языка. Позже русинские сербские деятели неоднократно указывали на то, что Костельнык хранил связи с тем украинским сообществом, из которого он вышел: «...отец Костельнык любил свой край. Бачку, Керестур... Любил его так, как своих родственников и при каждой возможности с большим пиетизмом говорил о том крае. В 1925 году, возвращаясь из экскурсии в Рим, он заехал у Керестур, и, когда вернулся во Львов, многократно говорил, насколько ему не хватает Бачки. В вопросе языка бачванских руснаков Костельнык был ортодоксом. Язык - это жизнь народа. Заберите язык и народ исчезнет. Благодаря тому, что Костельнык начал писать, печатать, написал грамматику этого языка, то это небольшое сообщество наших славян, вдалеке от нас на юге, сохранилось и живет своей жизнью...»⁴¹⁵.

Но этот русинский компонент в деятельности Костельныка не был магистральным. В своей добровольной украинизации он дошел до того, что в 1918 году издал сборник «Встань, Україно». С другой стороны, Костельнык активно участвовал в изучении этнографии балканских украинцев. Костельнык пытался доказать украинцам из Бачки, что они являются частью украинской нации. С этой целью он написал несколько статей⁴¹⁶. Костельнык смог сознательно отказаться от своего маргинального периферийного прошлого. Поэтому, один из исследователей его творчество комментирует этот факт его биографии так: «...с самого начала Костельнык читает и пишет о Шевченко и, как Гнатюк, просто обходит тенденции, которые

⁴¹⁴ Зоря. – 1935. – 20 жовтня.

⁴¹⁵ Шветлосц. – 1995. – № 3 – 4. – С. 322.

⁴¹⁶ Костельнык Г. Дзе спада наша бешета / Г. Костельнык. – Руський Керестур, 1922; Костельнык Г. Яка наша народна назва / Г. Костельнык // Проза на бачванско-сримским руским литературним языку. – Нови Сад, 1975; Костельнык Г. Чом сом постал Українець / Г. Костельнык // Проза на бачванско-сримским руским литературним языку. – Нови Сад, 1975.

способствовали распаду, закарпатской культурной и национальной традиции... русинские сепаратистские тенденции его даже не затронули – они между русинами Бачки появятся только в период между двумя мировыми войнами...»⁴¹⁷.

Таким образом, Гавриил Костельнык не только оказался одним из последовательных критиков москвофильского течения в Украине как маргинальной политической доктрины, но и сам пережил своеобразную мировоззренческую и идентичностную эволюцию, колеблясь между маргинальным провинциализмом и относительно «элитарными» и, поэтому, магистральными хорватством и украинством. Это, вероятно, свидетельствует о том, что украинское национальное движение на том этапе было не просто политически и идейно расколотым, но и переживало т.н. предпарадигмальную стадию⁴¹⁸. Особенность этой стадии в Украине в отличие от других регионов Центральной и Восточной Европы заключалась в том, что национальное движение уже было достаточно влиятельным, но продолжало оставаться расколотым, не имея парадигмы, которая объединяла бы большинство националистов. В этом заключается уникальность истории украинского движения. Магистральные украинские тенденции сосуществовали с маргинальными москвофильскими. В такой ситуации украинцы, разбросанные по разным углам Центральной и Восточной Европы, могли различными путями и способами выстраивать свою идентичность, делая сложный выбор между украинством и хорватством. В условиях такого идентичностного выбора москвофильство вносило раскол в украинское национальное движение. Другими словами, в интеллектуальной украинской культуре начала XX века маргиналы и своеобразная националистическая элита сосуществовали.

Подводя итоги, отметим, что нами рассмотрены лишь некоторые аспекты связи научных исследований М. Дикарева и В. Гнатюка с украинской народной культурой. Важнейшим атрибутом этой народной и традиционной культуры был язык, который связывал местное украинское население с украинцами на территории украинских губерний и противопоставлял их носителям российских диалектов, с которыми они были вынуждены вступать в постоянные контакты. Язык, разговорная и песенная норма, зафиксированная Дикаревым и Гнатюком, очень далеки от украинского литературного языка, что свидетельствует о том, что тогда украинское движение проявляло значительный интерес к языковой и

⁴¹⁷ Гірник О. Сепаратизм «по-русинськи», або Фантазії протоєрея Сидора / О. Гірник // Патріярхат. – 2006. – № 1.

⁴¹⁸ Кирчанов М.В. Интеллектуальный климат в Латвии в середине XIX века: два дискурса латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 8 (Материалы международной научной конференции «Факт-событие» в различных дискурсах. Пятигорск, 26-27 марта 2005 г.) – С. 153 – 167; Кирчанов М.В. Немецкая, русская, латышская рецепция ранней истории латышского национального движения / М.В. Кирчанов // История идей и история общества. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции, Нижневартовск, 22 апреля 2005 г. – Нижневартовск, 2006. – С. 72 – 75.

филологической проблематике. Язык некоторых произведений Костельныка тоже далек от литературной нормы, но, с другой стороны, сам он прилагал немалые усилия, чтобы от этой маргинальности избавиться и вписаться в украинский литературный контекст.

Публикации, которые мы с вами проанализировали, могут быть интерпретированы в категориях народной литературы. Это относится к опубликованному Дикаревым рассказу Т. Луценко и разным небольшим текстам, изданных по инициативе В. Гнатюка. Примечательно то, что эти книги не были рассчитаны на читателей из народа, но непосредственно касалась значительного пласта украинской народной культуры. Культура, носителями которой были Г. Дикарев, Т. Луценко и крестьяне, которые стали основным источником информации для Гнатюка, была народной и традиционной культурой. Такой тип культуры оказался периферийным и маргинальным. Это была не российская и не украинская культура, не австрийское и не венгерское сознание. Это был уникальный тип пограничной, переходной, культуры, которая колебалась между российской и украинской идентичностью, между вызовами русинства на Балканах и в Венгрии и украинским национальным движением в Украине Романовых и Габсбургов. Если Дикарев и Гнатюк описывали и изучали маргинальный дискурс украинской культурной традиции только сталкиваясь с ней, но не будучи ее частью, то Костельнык сам был частью такой маргинальной традиции. Именно этим объясняется, что его идентичность развивалась и изменялась на грани разных идентичностных проектов. В разное время Костельнык мог примкнуть к венгерскому или хорватскому проекту, но в итоге он выбрал именно украинское движение. Украинская культура, которую предлагали украинские националисты, стала той сферой, где Костельнык развивал свою собственную идентичность. Выбор Костельныка стал гарантией того, что постепенно его маргинальность могла исчезнуть.

Культура, которую мы наблюдаем на страницах проанализированных изданий, является колонизируемой украинской культурой. Это – не классическая украинская культурная традиция, это ее народные проявления, которым не суждено было стать частью классического культурного наследия, интегрированного в модерную украинскую культуру. Культура, описанная Дикаревым и Луценко, культурная традиция зафиксирована Гнатюком, это – большее и своеобразное воспоминание об украинском прошлом. Украинцы, язык которых анализировал Дикарев, язык, которых пытался изучать Гнатюк, был островком в чужом море языков и диалектов, который был обречен на постепенную ассимиляцию. Костельнык так и остался на грани разных культурных традиций, хотя он пытался позиционировать себя как именно украинского деятеля. Если Гнатюк и Дикарев только фиксировали проявления народной культуры, то Костельнык сам к этой культуре принадлежал. Это архаичное культурное наследие тянулось за ним на протяжении всей его деятельности, периодически напоминая о себе в форме эпизодического проявления интереса к языку того небольшого локального сообщества, из которого происходил Костельнык.

Таким образом, и М. Дикарев и Т. Луценко были представителями народной культуры (а Володымыр Гнатюк такую культуру пытался зафиксировать), ее типичными носителями, не востребованными интеллектуалами, литературными маргиналами, чье творчество развивалось на периферии украинской культурной жизни XIX – начала XX века. Костельнык, открытый Гнатюком, стал деятелем, который пытался от этой, так любимой Гнатюком, архаичной культуры отказаться. Дискурс украинской народной культурной традиции, характерный для этих авторов, так и остался интересным экспериментом, результаты которого не были использованы в украинском национальном проекте. Только труды Гнатюка нашли своих читателей и даже апологетов среди сторонников русинства. Костельнык вообще превратился в своеобразный символ веры для русинов. Это совсем не означает то, что их деятельность не имеет значения для истории украинской культуры. Теоретические аспекты анализа, который я использовал при изучении наследия проанализированных авторов, могут быть применены и при изучении украинской истории и украинских крестьянских периферийных сообществ. Последующий анализ дискурса народной культурной традиции поможет лучше понять особенности истории украинского национального движения и истории украинских периферийных территорий в контексте истории народной и традиционной культуры.

2.3. Национализм и идентичность в контексте развития интеллектуального сообщества

Исторические исследования и история как наука самым тесным образом связаны с национализмом. Именно в истории националисты-политики или национально настроенные интеллектуалы ищут и нередко находят обоснования своих целей и лозунгов. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого. История может являться, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором. Восприятие истории может стать причиной мобилизации, легитимации, политизации национальной идентичности⁴¹⁹. По словам британского исследователя национализма Энтони Смита, история национализма - это в такой же степени история тех, кто о нем повествует. Историки, действительно, играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Именно они и филологи внесли весомый вклад в развитие национализма, заложив моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах⁴²⁰. Эти вводные замечания вполне применимы для изучения связи исторических исследований и национализмов в Советском Союзе.

Я думаю, что Вы заметили один существенный недостаток всех предыдущих лекций. Они почти не касались российской проблематики и

⁴¹⁹ См. подробнее: *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich* / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. - Gottingen, 1999.

⁴²⁰ Смит Э.Д. Национализм и историки / Э. Смит // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 236.

отечественный националистический дискурс, как правило, игнорировался. В этой лекции мы попытаемся преодолеть этот недостаток настолько насколько возможно. Как вы поняли, речь пойдет о связи национализма и интеллектуального сообщества, точнее – о том, какую роль играют интеллектуалы при формировании и функционировании того или иного националистического проекта, в данном случае – русского.

Отношения между русскими интеллектуалами, занятыми в сфере исторических исследований, и советским режимом никогда не были стабильными, и для их развития характерна определенная динамика. Когда в 1917 году к власти пришли большевики они, по словам Б. Андерсона, «достигли значительного успеха в формировании устойчивого антикапиталистического порядка»⁴²¹, попытавшись найти компромисс с нерусскими народами, пойдя им на уступки, но при этом совершенно забыв о национальной идентичности самих русских. Русские испытали то, что позднее Мирослав Хрох определил как «понижение национального статуса»⁴²². В ранний период существования советской власти интеллектуалы, получившие историческое образование до революции, однозначно исключались за рамки режима, и им отказывалось не только в лояльности, но и в самом праве на существование. Несмотря на это в советской историографии за ними признавались некоторые заслуги, но в вину им ставилось то, что они не доросли до правильного понимания событий 1917 года. Советская цензура берет курс на вытеснение старых историков из науки и исследовательской деятельности и вскоре Виппер уезжает из Советской России в Латвию⁴²³. Во второй половине 1930-х отношение к историческим изысканиям меняется, а вторая мировая война окончательно возвращает истории статус научной дисциплины.

СССР был многонациональным государством и в иностранной историографии, в особенности - советологии 1950 - 1980-х годов, можно найти мнение о том, что русские были привилегированной доминирующей нацией, а Россия (РСФСР) господствовала над другими республиками⁴²⁴. Отчасти это утверждение верно, но оно игнорирует то, в каком положении в СССР находились сами русские. Они не имели своей автономии, их культура, как и культуры нерусских народов, преследовалась, а интеллигенция подвергалась репрессиям. Русские были вынуждены воспринимать СССР как Родину, что размывало идентичность, ослабляло ее, отрывая от этнической основы⁴²⁵. Русские официальные интеллектуалы даже

⁴²¹ Андерсон Б. Введение / Б. Андерсон // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 11.

⁴²² Хрох М. От национальных движений к сформировавшейся нации / М. Хрох // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 137.

⁴²³ Об этом см.: Кирчанов М.В. Латышская историческая наука межвоенного периода как часть интеллектуальной истории Латвии / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. - Вып. 7. - Ставрополь, 2005. - С. 144 - 155.

⁴²⁴ См. в отношении исторических исследований: Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historiography and the Non-Russian Nationalities / L. Tillet. - Chapel Hill, 1969.

⁴²⁵ Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space / T. Kuzio // Nationalities Papers. - 2002. - Vol. 30. - No 2. - P. 242.

были лишены сомнительной привилегии критиковать «русский буржуазный национализм», в то время, как украинские интеллектуалы критиковали - украинский, латышские - латышский и т.д. Однако, подобно другим народам СССР, русские после смерти Сталина испытали некоторое облегчение, а в России началось национальное движение, которое имело значительные особенности и резко выделялось из национальных движений других народов. По сравнению с украинским или латышским национальным движением, русское было слабо и не организовано. Перефразируя слова Эрнеста Гэллнера, русский национализм в СССР был «явлением редким и нетипичным»⁴²⁶.

Объективно русская история, как и любая другая история, писалась в определенном контексте и представляла собой проект определенного типа⁴²⁷. Именно поэтому, русские национально мыслящие интеллектуалы (В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев, В.В. Виноградов, Я.С. Лурье, А.И. Клибанов, И.У. Будовниц и другие), в отличие от украинских, белорусских, литовских, латышских, армянских и других националистов, не ставили цели создания независимого государства. Для них более актуальной была задача сохранения своей идентичности - национальной истории, языка и культуры. Видимо, прав канадский украинский историк Зенон Евген Когут, отмечающий, что «восприятие истории было и остается основным полем битвы за идентичность»⁴²⁸. Поэтому, большинство своих усилий они сосредотачивали не в политической, а интеллектуальной сфере. В отличие от других национальных интеллектуалов, на что неоднократно указывали западные историки, они не стремились к независимости, а сама идея отделения от СССР казалась им утопической и невыполнимой⁴²⁹. Гуманитарные науки (история, история литературы, русский язык) были единственными сферами, где развивался русский национализм. При этом, русские интеллектуалы не имели таких привилегий которые имели интеллектуалы в национальных республиках: отсутствовала своя коммунистическая партия, не было своей Академии Наук.

Научные изыскания русских интеллектуалов в 1950 - 1960-е годы были очень важны с точки зрения сохранения русской истории и культуры, что вместе составляло русскую национальную идентичность. История историков,

⁴²⁶ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 146.

⁴²⁷ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. - 2001. - No 1. - P. 41.

⁴²⁸ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З. Когут. - Київ, 2004. - С. 219. См. так же: Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine / Z. Kohut // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / ed. S.F. Starr. - NY., 1994. - P. 123 - 145; Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine / Z. Kohut. - Saskatchewan, 2001.

⁴²⁹ Kuzio T. Historiography and National Identity among the Eastern Slavs: Towards a New Framework / T. Kuzio // National Identities. - 2001. - Vol. 3. - No 2. - P. 110; Motyl A. Sovietology, Rationality, Nationality. Coming to Grips with Nationalism in the USSR / A. Motyl. - NY., 1991.

по словам Дж. Фридмэна, стала и их идентичностью⁴³⁰. Анализируя русскую историографию в советский период, следует принимать во внимание то, что она была в значительной степени интегрирована в советскую идеологическую систему. С одной стороны, она была в крайней степени политизированной и исторические науки нередко использовались в идеологическом противостоянии. С другой, возник феномен, определенный А. Куско и В. Таки, как «монополизация историографического производства»⁴³¹. Действительно, несмотря на то, что советские русские университеты каждый год выпускали тысячи дипломированных специалистов по истории, до написания и публикации работ, до архивов допускалось лишь несколько десятков.

При этом русские, национально ориентированные, интеллектуалы вовсе не изобретали русские традиции и русскую историю. Они лишь произвольно манипулировали национальными нарративами, разработанными ранее, приобщая их к особенностям своего современного мировоззрения⁴³². «Славное и древнее прошлое полезно в качестве аргумента в споре с многочисленными скептиками, которые заявляют, что та или иная нация никогда не существовала, что – это новое искусственное образование, в то время националистически настроенные авторы предпочитают говорить о возрождении и воссоздании. Собственно последним и занимаются первые историки наций. Потому неудивительно, что именно они оказываются в авангарде процесса национального строительства»⁴³³, – пишет канадский украинский историк Орест Субтельный. Замечание им было высказано в отношении Украины, но оно применимо и к активности русских национальных интеллектуалов в советский период. Правда, вместо скептиков не признававших русскую нацию и ее идентичность, русские интеллектуалы сталкивались с партийной элитой, незаинтересованной в сохранении этой нации с ее культурой и идентичностью.

При этом в сфере сохранения идентичности круг интересов русских интеллектуалов совпадал с национально ориентированной интеллигенцией национальных республик. В условиях не только «отсутствия эффективной национальной государственности»⁴³⁴, но и цензурного контроля, как за исследовательской деятельностью, так и за «создаваемым текстом»⁴³⁵, то есть результатами научных изысканий, круг исследовательских тем не отличался разнообразием. Их интересовала преэминентность своей советской (в данном случае - русской) культуры со старой национальной культурой. Для них так

⁴³⁰ Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 52.

⁴³¹ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. - 2003. - № 1. - С. 485, 491.

⁴³² О таком манипулировании и его особенностях в украинском случае см.: Екельчик С. Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху / С. Екельчик // *Ab Imperio*. - 2004. - No 2.

⁴³³ Субтельный О. Украина. История / О. Субтельный. - Киев, 1994. - С. 289.

⁴³⁴ Андерсон Б. Введение / Б. Андерсон // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 23.

⁴³⁵ По этой проблеме см.: Apple M. *Regulating the Text: the Socio-historical Roots of State Control* / M. Apple // *Politics, Policy, and Pedagogy* / eds. G.P. Altbach, H.G. Kelly, L.W. Petrie. - NY., 1991.

же был важен язык. Они не были чужды европейских симпатий, были склонны культурно и исторически видеть себя в Европе, писать свою историю как историю европейского плана. Особенно важна в таком контексте была именно история и литература, которым негласно придавали значение важнейших и определяющих атрибутов нации. Таким образом, русские интеллектуалы, конструируя свое самосознание, обращались к тем сюжетам, артефактам, персонажам и образам, которые, по словам украинского канадского историка Сергея Екельчика, ассоциировались с определенными представлениями и чувствами, унаследованными от предыдущих эпох⁴³⁶.

Поэтому, в центре нашего внимания в настоящей лекции будет то, что З.Е. Когут определил как «создание интеллектуального пространства»⁴³⁷, то есть проблемы соотношения памяти и идентичности в их связи с историческими исследованиями в России в 1950 - 1960-е годы⁴³⁸. К тому же, как отмечает, Энтони Смит «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования»⁴³⁹. Исследований, посвященных дихотомии «история/историография - национализм/идентичность», действительно, не так много⁴⁴⁰. Это придает настоящей работе дополнительную актуальность.

В Советском Союзе официально русская история не признавалась и такой специальности не было даже на исторических факультетах. Вместо «истории России» культивировался комплекс нарративов об «истории СССР»⁴⁴¹, что закономерно вело к некоему ментальному конфликту русских историков в системой. В такой ситуации первой задачей русских интеллектуалов в культивировании национальной идентичности было доказать само право русских на свою национальную культуру, ее существование и естественность. Поэтому, национальные настроения русских интеллектуалов диктовались им их «повседневным опытом»⁴⁴² разрушения русской идентичности в межвоенный период, а не

⁴³⁶ Екельчик С. Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху / С. Екельчик // *Ab Imperio*. - 2004. - № 2.

⁴³⁷ Когут З.Е. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні. - С. 222.

⁴³⁸ См. по этой проблематике: Mazour A. *Modern Russian Historiography* / A. Mazour. . - Westport, 1975.

⁴³⁹ Смит Э.Д. Национализм и историки. - С. 260.

⁴⁴⁰ См. напр.: Kuzio T. *Historiography and National Identity among the Eastern Slavs: Towards a New Framework* / T. Kuzio // *National Identities*. - 2001. - Vol. 3. - No 2. - P. 109 - 132; Sluga G. *Identity, gender and the history of European nations and nationalism* / G. Sluga // *Nations and Nationalism*. - 1998. - Vol. 4. - No 1. - P. 87 - 111; Tillet L.R. *Nationalism and History* / L. Tillet // *Problems of Communism*. - 1967. - Vol. XVI. - No 5. - P. 36 - 45; Friedman J. *The Past in the Future; History and the Politics of Identity* / J. Friedman // *American Anthropologist*. - 1992. - Vol. 4. - No 2; Friedman J. *Myth, History and Political Identity* / J. Friedman // *Cultural Anthropology*. - 1992. - Vol. 7. - No 2.

⁴⁴¹ По проблеме «истории СССР» как предмета и явления см.: Velychenko S. *National History and the "History of the USSR": the Persistence and impact of Categories* / S. Velychenko // *Nationalism and History. The Politics of Nation-Building in Post-Soviet Armenia, Azerbadzhan, and Georgia*. - Toronto, 1994.

⁴⁴² Геллнер Э. Пришествие национализма. - С. 176.

сформировавшейся национальной идеологией, так как идейная платформа русского движения была размыта.

В данном контексте связь исторических исследований с политическими процессами становится очевидной. Если в союзных республиках, национально ориентированные интеллектуалы пытались использовать историю для легитимации политических процессов⁴⁴³ в конфликте с соседями (например, армяно-азербайджанские исторические дискуссии), то русские историки не играли этой легитимирующей функции в силу их подчиненности власти и некоторой интегрированности в советский аппарат. Поэтому русское национальное (националистическое) движение в СССР было очень слабо⁴⁴⁴, не имело четкой политической программы, а проявлялась, скорее, в сфере культуры и исторических исследований.

Несмотря на то, что все русское перестало рассматриваться как проявление буржуазности, контрреволюционности и буржуазных пережитков и предрассудков, ее положение было ничуть не лучше чем культур в национальных республиках. Национально настроенная русская культурная и интеллектуальная элита была вынуждена адаптировать специфику своей националистической риторики к требованиям «советского идеологического текста». В такой ситуации естественно усиливались концептуальные противоречия между националистически настроенной интеллигенцией и сторонниками коммунистической доктрины. С другой стороны, интеллектуалы осознавали, что не в силах противостоять советской государственной машине и, поэтому, дискурс национальности из сферы политики переместился в дискурс культуры⁴⁴⁵.

Такая ситуация сложилась во второй половине 1930-х годов, а Великая отечественная война лишь законсервировала ее. Никогда не выходя за рамки официального советского канона, русские интеллектуалы все же пытались сохранить свою идентичность и использовали для этого исторические исследования, в которые проникают национально маркированные проблемы и начинают изучаться сюжеты важные для национальной истории. История СССР начинает рассматриваться как история почти исключительно русская, а иностранные факторы в развитии славян признаются незначительными. В связи с этим резкой критике подвергается норманнская теория⁴⁴⁶. С другой стороны подчеркивается преемственность Киевской Руси с Московским государством не только в политической, но и этнической сфере. СССР все более отходит от принципов межвоенной национальной политике, и равенство советских народов эволюционируют в сторону чисто внешнего

⁴⁴³ Об этой функции исторической науки см.: Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. - 2003. - № 1. - С. 485.

⁴⁴⁴ Об особенностях русского национализма в советский период см.: Lieven A. *The Weakness of Russian Nationalism* / A. Lieven // *Survival*. - 1999. - No 2. - P. 53 - 70.

⁴⁴⁵ Об этих процессах см.: Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 - 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. - 2003. - No 1. - С. 150 - 157.

⁴⁴⁶ Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства / Б.Д. Греков. - М., 1942.

декларирования их прав при их реальном игнорировании и несоблюдении. В такой ситуации русские историки создают свой национальный пантеон на вершину которого ими возводится Иван Грозный как подлинно национальный и народный, в их понимании, правитель⁴⁴⁷. Русскими советскими интеллектуалами начинает и изучаться само русское государство, которое осознается все более как национальное государство именно русских⁴⁴⁸.

Во второй половине 1950-х годов, с приходом к власти Н. Хрущева, отношение к русской культуре меняется. По ряду направлений наблюдается реставрация межвоенной ситуации и отношения к культуре, при котором все русское игнорировалось, памятники культуры не охранялись, храмы и церкви закрывались и уничтожались. Партийная номенклатура не проявляла заинтересованности в развитии культуры, так как в ней не видели большой пользы для строительства коммунизма. К тому же культурные элиты в национальных республиках и даже некоторых автономиях в РСФСР нередко в русской культуре видели своего врага, не проявляли заинтересованности в ее развитии и сохранении. Таким образом, русские интеллектуалы не могли ожидать поддержки с их стороны и в сфере поддержания своей идентичности в культурной сфере были вынуждены действовать самостоятельно.

Понимая это, русские национально мыслящие интеллектуалы начиная с 1950-х годов стали крайне много внимания уделять проблемам сохранения русской национальной культуры. Русские авторы стали рассматривать русскую культуру как национальную и национально значимую. В 1960-е годы зазвучали голоса, которые призывали к ее активному ее изучению к созданию обобщающих исследований. В 1961 году Д. Лихачев, например, писал о том, что надо «создать историю культуры русского народа»⁴⁴⁹. После этого русская история и культура стала интерпретироваться в более русском и национальном ключе. Возрос интерес к истории русской культуры на всех ее этапах, особенно к древнерусской культуре⁴⁵⁰. Специфика русской культуры стала рассматриваться как ее достоинство, а не как буржуазный пережиток. Русская культура стала преподноситься как средоточие национальных традиций, как опора гуманизма. Более того, русская культура была осознана как неотъемлемая часть мировой культуры (под этим

⁴⁴⁷ Виппер Р.Ю. Иван Грозный / Р.Ю. Виппер. - М., 1944; Бахрушин С.В. Иван Грозный / С.В. Бахрушин. - М., 1942; Смирнов И.И. Иван Грозный / И.И. Смирнов. - Л., 1944.

⁴⁴⁸ Снегирев В. Иван Третий и его время. Образование Русского национального государства / В. Снегирев. - М., 1942; Базилевич К.В. Образование Русского национального государства / К.В. Базилевич. - М., 1946.

⁴⁴⁹ Лихачев Д.С. Создать историю культуры русского народа / Д.С. Лихачев // Литературная газета. - 1961. - № 37.

⁴⁵⁰ Еремин И. О художественной специфике древнерусской литературы / И. Еремин // Русская литература. - 1958. - № 1. - С. 75 - 82; Еремин И. К спорам о реализме в древнерусской литературе / И. Еремин // Русская литература. - 1959. - № 4. - С. 3 - 8; Лихачев Д.С. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе / Д.С. Лихачев // Русская литература. - 1958. - № 2. - С. 3 - 13; Лурье Я. О художественном значении древнерусской прозы / Я. Лурье // Русская литература. - 1964. - № 2. - С. 3 - 28.

термином понималась, как правило, европейская культура), сохранившая свое национальное своеобразие⁴⁵¹.

Наряду с этим, русские интеллектуалы понимали, что история культуры включает в себе преемственность между различными историческими эпохами, в независимости от характерного для них социального и экономического строя. Они поняли то, что изучение истории культуры будет способствовать национальной консолидации, так как сможет привести к «осознанию общности исторического опыта»⁴⁵². Как бы ни было неприятно партийным функционерам и официальной цензуре, русские интеллектуалы выводили советскую культуру из старой русской культуры. Согласно их выводам, русская культура прошла в своем развитии ряд взаимосвязанных этапов - древнерусская, культура XIII - XVII веков, культура XVIII века, русская классическая культура XIX века, советская культура. Таким образом, выходило, что культура советская в одинаковой степени продолжательница не только традиций Чернышевского и Белинского, но и церковной культуры средневековой Руси. Эта мысль присутствовала в ряде работ, хотя русские интеллектуалы, лавируя в условиях цензуры, были больше вынуждены писать о преемственности между древнерусской культурой и писателями XVIII - XIX веков⁴⁵³.

Национально ориентированное изучение культуры было невозможно без сохранения ее памятников. Несмотря на то, что церкви и храмы закрывались и разрушались, русские национально мыслящие авторы пытались сохранить их. В споре с партийными властями они, как правило, были слабы. Поэтому, они переключились на сохранение литературного, книжного и рукописного, наследия. Несмотря на официальные лозунги о бережном отношении к памятникам литературы и их сохранении, советские власти в них были совершенно незаинтересованны и многие памятники русской литературы погибли. Осознавая, что такая судьба постигнет и оставшееся наследие, русские интеллектуалы с 1950-х годов начали издавать важнейшие памятники русской литературы, создавая тем самым источниковедческую базу для исследований и облегчая и стимулируя саму исследовательскую работу.

В рамках этой компании впервые были изданы (или переизданы) многие памятники русской литературы и русского языка. Среди публикаций подобного плана наиболее важны «Александрия», «Мерило праведное», «Новгородская харатейная летопись», «Повести о начале Москвы», «Повесть о Дракуле». Одно только «Слово о полку Игореве» издавалось несколько раз

⁴⁵¹ Адрианова-Перетц В.П. Об основах художественного метода древнерусской литературы / В.П. Адрианова-Перетц // Русская литература. - 1958. - № 4. - С. 61 - 70; Адрианова-Перетц В.П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI - XV вв.) / В.П. Адрианова-Перетц // ТОДРЛ. - Т. XVI. - М.-Л., 1960. - С. 5 - 35.

⁴⁵² Тош Д. Стремление к истине / Д. Тош. - М., 2000. - С. 11 - 15.

⁴⁵³ Водовозов Н.В. Традиции древнерусской литературы в творчестве М.В. Ломоносова / Н.В. Водовозов // Ученые записки Московского государственного педагогического института. - № 190. Теория и история русской литературы. - 1963. - С. 3 - 16.

в разных редакциях и переводах⁴⁵⁴. Таким образом, история, обращение к памятникам прошлого, в том числе и литературным, стало важным элементом русского национального проекта в исполнении советских интеллектуалов, начиная со второй половины 1950-х годов, выполняя свои функции в создании идентичности. Вместе с тем исследования в сфере истории культуры расширяли число дозволенных для изучения тем, способствуя тому, что постепенно русские интеллектуалы начинают обращаться к изучению проблем, где идентичность была более очевидна и национально маркирована.

Без истории нация не является нацией и, поэтому, императив о написании истории очень важен для любых националистов⁴⁵⁵, в том числе - и для русских интеллектуалов в СССР. Поддержание и культивирование идентичности имело место в рамках интерпретации исторических событий⁴⁵⁶. Этот процесс протекал в нескольких направлениях. Изучение истории русской культуры было вместе с тем и изучение истории русского языка. примечательно то, что обобщающие труды, посвященные этой проблематике в русской перспективе, появляются позднее чем исследования по истории союзных республик ССР⁴⁵⁷. При всей противоречивости этих изданий и очевидной тенденции к преувеличению русского фактора, они все же имели национальную направленность, в то время как национальные ориентиры в русской советской историографии проявлялись не так открыто.

Поэтому именно относительно нейтральная и политически менее опасная история языка, в свою очередь, выводила к проблемам становления русской нации. Он начал признаваться как национальный, как язык развития русской литературы. К нему стали относиться с большим уважением и воспринимать как своего рода живое олицетворение всей русской национальной культуры. В связи с этим особо подробно стала изучаться история русского языка. В 1956 году вышло одно из первых исследований, где эти идеи были высказаны более или менее открыто⁴⁵⁸. После «Начального этапа формирования национального языка (на материале русского языка)»,

⁴⁵⁴ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / ред. Д.С. Лихачев. - М.-Л., 1965; Мерило праведное. По рукописи XIV века / ред. М.Н. Тихомиров. - М., 1961; Новгородская харатейная летопись / ред. М.Н. Тихомиров. - М., 1964; Нижний Новгород в XVII веке. Сборник документов / сост. Н.И. Привалова. - Горький, 1961; Памятники русского народно-разговорного языка XVIII столетия / ред. С.И. Котков, Н.И. Тарабасов. - М., 1965; Повести о начале Москвы / ред. М.А. Салмина. - М.-Л., 1964; Повесть о Дракуле / ред. Я.С. Лурье. - М.-Л., 1963.

⁴⁵⁵ Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // *Ab Imperio*. - 2004. - No 1. - P. 467.

⁴⁵⁶ *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich* / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. - Göttingen, 1999.

⁴⁵⁷ См. например публикации по истории союзных республик: История Украинской ССР. - Т.1 - 2. - Киев, 1956 - 1957; История Белорусской ССР. - Т. 1 - 2. - Минск, 1954, 1958; История народов Узбекистана. - Т. 1 - 2. - Ташкент, 1947, 1950; История Узбекской ССР. - Т. 1 - 2. - Ташкент, 1955, 1957; История Литовской ССР. - Т. 1 - 2. - Вильнюс, 1953, 1957.

⁴⁵⁸ Булахов М.Г. Московский летописный свод как памятник русского литературного языка / М.Г. Булахов // Начальный этап формирования национального языка (на материале русского языка). - Л., 1956. - С. 9 -11.

коллективного явно национально ориентированного издания, вышедшего в 1961 году⁴⁵⁹, последовали другие издания подобного плана.

Русские национально мыслящие интеллектуалы создали ряд исследований по истории русского языка, где он рассматривался неотрывно от русской национальной литературы и истории⁴⁶⁰. Особо изучался древнерусский язык - в нем искали истоки современного русского языка, проводили преемственность между ними. Язык был главным каналом связи с прошлым. На нем были написаны как источники, так и более ранние дореволюционные исследования. Его сохранение подтверждало континуитет в развитии именно национальных традиций в русской культуре. В такой форме, русские интеллектуалы апеллировали к прошлому, национальным традициям⁴⁶¹.

Самым крупным национальным проектом второй половины 1950-х годов стало издание коллективной монографии «Вопросы формирования русской народности и нации». Выходу книги предшествовала «полемика» по различным аспектам этой проблемы, в рамках которой ее участники утвердили тезис о преемственности русских с древнерусской народностью и вторичность появления украинцев и белорусов в качестве самостоятельных общностей⁴⁶². Появление этого исследования, с одной стороны, демонстрировало то, что в поддержании своей идентичности русские интеллектуалы стали более активны, с другой, она показывала и то, что они пребывали на перепутье: ссылки на В..В. Ленина соседствуют с цитатами из сочинений И. Сталина. В целом появление этого коллективного исследования было призвано историзировать русских, укрепить самосознание нации и утвердить ее господствующее положение среди других народов СССР. И, действительно, авторы статей настойчиво проводили идею о политической преемственности Киевской Руси, Владимиро-Суздальского княжества и Московского государства. Русские преподносились как прямые наследники древнерусской народности, а украинцы и белорусы почти как случайные боковые ответвления⁴⁶³. В то же время подчеркивалась их общность, а ее русский вариант рассматривался как классический. Украинцам и белорусам в такой интерпретации автоматически отводилась

⁴⁵⁹ Начальный этап формирования русского национального языка. Сборник статей. - Л., 1961.

⁴⁶⁰ Виноградов В.В. Основные вопросы изучения образования и развития древнерусского литературного языка / В.В. Виноградов. - М., 1958.

⁴⁶¹ Данилова Л.В. Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России / Л.В. Данилова // Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей. - М.-Л., 1958. - С. 106 - 154; Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности / А.С. Львов. - М., 1966.

⁴⁶² Мавродин В.В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации / В.В. Мавродин // Советская Этнография. - 1947. - № 4. - С. 84 - 102; Мавродин В.В. Формирование русской нации. Стенограмма публичной лекции / В.В. Мавродин. - М., 1947; Мавродин В.В. Основные этапы этнического развития русского народа / В.В. Мавродин // Вопросы истории. - 1950. - № 4. - С. 55 - 70.

⁴⁶³ Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей / ред. Н.М. Дружинин, Л.В. Черепнин. - М., 1958.

второстепенная роль, что нашло свое отражение и в других исследованиях того периода⁴⁶⁴.

В 1966 году русские интеллектуалы добились издания «Словаря древнерусского языка»⁴⁶⁵, что стало их определенной победой в противостоянии с советской политикой денационализации и дегуманизации общества. В целом, советские русские интеллектуалы фактически реанимировали старую дореволюционную схему истории: если раньше фигурировал великорусский народ, а украинцы и белорусы не признавались в качестве самостоятельных наций, то в официальном советском нарративе доминировали русские образы, подчеркивалась преемственность между Древней Русью и Московским государством, а украинско-белорусские сюжеты игнорировались⁴⁶⁶. Такая ситуация не устраивала нерусских интеллектуалов, так как в ней они видели дискриминацию себя со стороны русских⁴⁶⁷. Однако их недовольство носило скрытый характер, так как советский режим пытался нивелировать национальные противоречия, подавляя, с одной стороны, «буржуазный националист», а, с другой, игнорируя реально существовавшие национальные конфликты.

Изучение истории языка вело советских русских интеллектуалов к изучению проблем региональной истории. Этому способствовало, с одной стороны, то, что русский язык в разных регионах русского государства отличался; с другой, ряд регионов развивался независимо друг от друга обладая своими локальными особенностями, что вело к появлению культурной местной специфики. Именно она привлекала особое внимание русских интеллектуалов в 1950-1960-е годы. Эта тема исследовательской деятельности была особенно актуальна и по той причине, что советская власть привела к нивелировке региональной культурно-языковой специфики, ее ассимиляции. В рамках изучения данной проблематики, русские интеллектуалы особое внимание уделяли особенностям культуры, языка и истории Новгорода, Пскова, Твери, Русского Севера. Новгородский период в истории России позиционировался как один из самых последовательных европейских этапов.

⁴⁶⁴ Токарев С.А. О культурной общности восточнославянских народов / С.А. Токарев // СЭ. - 1954. - № 2. - С. 21 - 31; Маслова Г.С. Историко-культурные связи русских и украинцев / Г.С. Маслова // СЭ. - 1954. - № 2. - С. 42 - 59; Зеленин Д.К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов / Д. Зеленин // СЭ. - Вып. 3. - 1941; Зеленин Д.К. Воссоединенные украинцы / Д. Зеленин // СЭ. - Вып. 5. - 1941; Динцес Л.А. Историческая общность русского и украинского народного искусства / Л. Динцес // СЭ. - Вып. 5. - 1941.

⁴⁶⁵ Словарь древнерусского языка XI - XIV веков / ред. Р.И. Аванесов. - М., 1966.

⁴⁶⁶ См.: Velychenko S. Shaping Identity in Eastern Europe and Russia / S. Velychenko. - NY., 1993; Velychenko S. The Origins of the Official Soviet Interpretation of Eastern Slavic History. A Case Study of Policy Formulation / S. Velychenko // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. - Bd. 46. - 1992.

⁴⁶⁷ По проблеме русско-нерусских отношений в плоскости историографии см. исследование Л. Тиллета, которое сохраняет свою актуальность, несмотря на то, что вышло более тридцати лет назад: Tillet L.R. The Great Friendship. Soviet Historians on Non-Soviet Nationalities / L. Tillet. - Chapel Hill, 1969

Местная русская культура воспринималась как культура европейского плана, испытывавшая влияние со стороны культурных веяний из Европы⁴⁶⁸. В отношении Пскова подчеркивались элементы локальности и уникальности местной культуры, в первую очередь языка⁴⁶⁹. Тверь усилиями русских интеллектуалов, которые подчеркивали не только культурный, но и политический вес Твери, превратилась в один из центров политического объединения России и развития русского языка⁴⁷⁰. Территории Русского Севера осознавались как периферия русского культурного влияния, как один из центров развития и сохранения русскости в исторической перспективе. Признавая поздний характер колонизации и отсутствие политического веса среди других русских территорий, особое внимание в такой ситуации акцентировалось именно на языковых и культурных аспектах⁴⁷¹. Таким образом, изучение русской истории в локальной перспективе еще раз подчеркивало то, что значительная часть интеллектуалов была национально ориентирована.

Как бы ни были интересны локальные особенности исторического развития, как бы они ни способствовали пробуждению национальных и патриотических чувств - русские интеллектуалы все же искали то, что можно было использовать как символ национального единства. В качестве такого русского национального символа преподносилось «Слово о полку Игореве». «Слово», которое неоднократно переиздавалось⁴⁷², превратилось в своеобразное литературное место памяти, в плоскости которого русские интеллектуалы развивали свои национально ориентированные нарративы. Изучением «Слова» занимались виднейшие историки русской литературы и

⁴⁶⁸ Азбелев С.Н. Новгородские местные летописцы / С. Азбелев // ТОДРЛ. - Т. XV. - М.-Л., 1958. С. 364 - 370; Азбелев С.Н. Описание древнерусских летописей новгородского городского архива / С. Азбелев // ТОДРЛ. - Т. XV. - М.-Л., 1958. - С. 418 - 423; Вилинбахов В.Б. Древнейшее русское известие о походе новгородцев «за море» / В. Вилинбахов // Вопросы истории. - 1963. - № 1. - С. 196 - 199.

⁴⁶⁹ Максимов В.И. Местная лексика в Псковской первой летописи / В.И. Максимов // Ученые записки ЛГПИ. - 1958. - Т.113. Труды кафедры русского языка. - С. 169 - 211.

⁴⁷⁰ Туркина Р.В. Об отражении диалектных особенностей в памятниках тверской письменности XV - XVI веков (на материале «Инока Фомы слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче») / Р.В. Туркина // Ученые Записки Великолукского педагогического института. - 1959. - Т. IV. - Вып. 3. Кафедра русского языка. - С. 65 - 79; Туркина Р.В. Об отражении диалектных особенностей в памятниках тверской письменности XV - XVI веков (на материале инока Фомы «Слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче») / Р.В. Туркина // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. - 1961. - Т. 100. Труды кафедры русского языка. - Вып. 6. - С. 205 - 217.

⁴⁷¹ Белов М.И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания / М. Белов // ТОДРЛ. - Т. XIV. - М.-Л., 1958. - С. 234 - 240; Рыбаков Б.А. Русский север и историческое место его культуры / Б. Рыбаков // Памятники культуры русского Севера. - М., 1966. - С. 12 - 14.

⁴⁷² Слово о полку Игореве / вступ. статья, ред., пер. с древнерусского Д.С. Лихачева. - М., 1961; Слово о полку Игореве / сост. и подгот. текстов Д.С. Лихачев, И.П. Еременин. - М., 1967; Слово о полку Игореве / сост. и подгот. текстов А.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. - Л., 1967.

языка - Д.С. Лихачев⁴⁷³ и В.П. Адрианова-Перетц⁴⁷⁴. В течение нескольких лет их усилиями выходил многотомный словарь-справочник, посвященный «Слову»⁴⁷⁵.

Оно представлялось как вершина древнерусской литературы, как ярчайшее проявление русского национального духа, как важнейшее произведение патриотической направленности, как основной источник по истории русского языка. «Слово» оценивалось как подтверждение преемственности исторического и культурного русского развития. «Слово» позиционировалось как образец для средневековых русских книжников. Русские интеллектуалы не ставили под сомнение подлинность «Слова» - отступление от этого утверждения рассматривалось как своего рода научная ересь, отсутствие патриотизма. В 1950-1960-е годы была возможна интерпретация «Слова» как памятника русской литературы XIII века⁴⁷⁶. Анализ «Слова о полку Игореве» стал, своего рода, важнейшим национальным проектом русских интеллектуалов 1950-1960-х годов. Именно в его изучении апробировались и тестировались различные русские национальные исторические нарративы.

Таким образом, доказывалось, что русская литература на протяжении ее истории оперативно знакомилась с европейскими литературными традициями через переводы, а европейские авторы преподносились как исследователи русской культуры. Кроме этого, русские интеллектуалы 1950-1960-х годов распространяли на историю русской культуры общеевропейские направления, такие как Возрождение, гуманизм, Просвещение⁴⁷⁷. Поэтому мы можем говорить о том, что в русских исторических исследованиях в СССР, используя терминологию З.Е. Когута, произошел «концептуальный прорыв»⁴⁷⁸, выразившийся в расширении тематики исследований и их постепенной переориентацией в сторону собственно национальной истории.

Русские интеллектуалы подобно интеллектуалам в других национальных республиках нередко использовали историю для поддержания и культивирования своей национальной идентичности и памяти. При этом,

⁴⁷³ Лихачев Д.С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос его подлинности / Д.С. Лихачев // «Слово о полку Игореве» - памятник XII века. М.-Л. 1962. С. 5 – 78.

⁴⁷⁴ Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» / В.А. Адрианова-Перетц // «Слово о полку Игореве» - памятник XII века. - М.-Л., 1962. - С. 131 - 168.

⁴⁷⁵ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». - Вып. 1 - 5. - Л., 1965 - 1978.

⁴⁷⁶ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о полку Игореве» / Ю. Бегунов. - М.-Л., 1965; Булаховский Л.А. К лексике «Слова о полку Игореве» / Л. Булаховский // ТОДРЛ. - Т. XIV. - М.-Л., 1958. - С. 33 - 36; Дмитриев Л.А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследования / Л. Дмитриев. - М.-Л., 1960.

⁴⁷⁷ Голенищев-Кутузов И.Н. Проблемы влияния и национального своеобразия в славянских литературах эпохи Ренессанса / И.Н. Голенищев-Кутузов // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. - М., 1961. - С. 239 - 248; Державина О.А. Переводная новелла на русской почве в XVII - XVIII веках / О. Державина // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Сборник статей. - М., 1961. - С. 133 - 147; Державина О.А. Перспективы изучения переводной новеллы XVIII века / О. Державина // ТОДРЛ. - Т. XVIII. - М.-Л., 1962. - С. 176 - 187.

⁴⁷⁸ Когут З.Е. Історія як поле битви. - С. 221.

если интеллектуалы в Украинской или Латвийской ССР в качестве основной угрозы своей идентичности видели русское влияние, то русские интеллектуалы были склонны видеть основную угрозу в политической системе, которая игнорировала национальные традиции и не проявляла заинтересованности в их сохранении.

Постепенно сферы приложения энергии русских интеллектуалов значительно расширились и от призывов защиты памятников русского зодчества они перешли к более сфокусированному изучению русской национальной истории. Изучение истории шло в нескольких направлениях. Особое внимание уделялось языку и литературе, которые рассматривались как некие воплощения самой русской истории. В таком контексте русские интеллектуалы акцентировали свое внимание на преемственности между различными периодами русской истории, доказывая наличие единого исторического процесса со времен Киевской Руси до современности. Этим самым подчеркивалось их особое положение среди других славянских, украинских и белорусских интеллектуалов, которые автоматически были вынуждены довольствоваться своеобразным статусом «младших братьев». Возможно, не желая того, русские интеллектуалы трансформировали свою историю в главную историю среди всех историй народов Советского Союза.

Отличительной чертой русской историографии в СССР был двойственный характер. С одной стороны она вынуждено была развиваться в рамках официального советского канона, существование которого диктовало те или иные нарративы, которые следовало, или, наоборот, не следовало, развивать. С другой стороны, русские интеллектуалы унаследовали определенные нарративы от своих дореволюционных предшественников, которые имели в первую очередь не политический, а национальный характер. Поэтому, советская русская историография развивалась, постоянно лавируя между официальными требованиями цензуры и постепенно формирующимся комплексом национальных нарративов.

Помимо этого, исторические исследования формировали и комплекс мест памяти. Сначала в качестве таковых воспринимались отдельные памятники русской культуры, в первую очередь - зодчества. Обращение к этой тематике было вызвано их плачевным состоянием, угрозой их уничтожения и лишь позднее их изучение переросло в национальный проект, призванный показать русским, что их история имеет свои реальные воплощения. Позднее комплекс мест памяти меняется и в значительной степени расширяется. В качестве мест памяти начинают осознаваться уже отдельные русские земли и княжества, в развитии которых, по мнению русских интеллектуалов, проявились различные особенности, как политической, так и культурной истории. Возможно, обращение к местам памяти в такой перспективе имело функцию и поддержания русских локальных особенностей, которые усилиями советских властей размывались и разрушались.

Таким образом, исторические исследования все же в значительной степени продолжали оставаться лояльными, а степень их оппозиционности,

по сравнению с историографиями национальных республик, была не столь значительна. Возможно, такая ситуация сложилась в силу того, что русские интеллектуалы могли воспринимать СССР как именно свое государство. С другой стороны, им никто не угрожал ассимиляцией и потерей языка и национальной культуры. Их пугала лишь перспектива деформации языковой и культурной сферы, ее излишняя идеологизация. Вместе с тем, сохранение жесткого политического контроля и цензуры не позволили русским интеллектуалам создать исследования, посвященные именно русской истории. Их постоянно преследовал комплекс советскости. Вместе с тем, национальная активизация, начавшаяся во второй половине 1950-х годов, превратила историческую науку в один из важнейших каналов поддержания национальной идентичности и исторической памяти, связь которых с историческими исследованиями нуждается в дальнейшем изучении. К этой проблеме, но в ином историческом и географическом дискурсах, мы с вами будем неоднократно обращаться в последующих лекциях.